Юрий БЛИНОВ

г. Москва

В златокипящую Византию

роман

Часть третья

ИНТРИГИ МОНАХА-ЦАРЕВИЧА

Год 7100 – начало исчисления
от сотворения мира

1. Страсти в славном Киев-граде

В годы детства и отрочества судьба неразлучно связала Афанасия Тучкова (Афоньку) и Дмитрия, сына Ивана Грозного, который остался жив, хотя и на его жизнь неоднократно покушались по велению царя Бориса. Дмитрий, вернее его покровители, опять же в целях конспирации и сохранения жизни, поменяли ему имя на Григория Отрепьева, а в народе его впоследствии прозвали Лжедмитрием.

И вот тогда, то есть в начале нового столетия, Афонька и Гришка снова были вместе в Киеве. Воеводой в этом граде стоял князь Константин Острожский. Хотя он и подчинялся польскому королю-католику, но управлял градом довольно самостоятельно, был известен как ярый поборник православия, тонкий политик и дальновидный правитель.

Утром, переночевав в приюте для богомольцев Киево-Печёрской лавры, Афоня проснулся от громкого урчания пустого желудка, открыл глаза, но вставать не спешил, не хотелось покидать нагретое гнёздышко. В комнате, где ночевали странники, было по-осеннему прохладно и влажно. На дворе стояла тоскливая ноябрьская осень, пасмурное с вечера небо угрюмо смотрело в маленькие, открытые круглый год окошки приюта. Рядом, укрывшись чёрным плащом и свернувшись по-детски калачиком, спал Гришка. Народу в комнате набилось предостаточно, стоял густой смрад от немытых тел богомольцев, храп и простудный кашель неслись с разных сторон. За дверью раздавались шаги и звяканье котелков, бульканье воды из опорожняемой бочки. Дверь из комнаты вела прямо во двор, где под густым каштаном по утрам монашеская братия умывалась, для чего еще с вечера заливали в огромную дубовую бочку колодезной воды, доставленной на подводе к обители. Наступало время омовения и утренней молитвы, после которой лавра от щедрот своих кормила неимущих богомольцев.

Продолжение. Начало в журнале «Север» № 3-4, 2014

– Пора вставать, что ли? – спросил проснувшийся Гришка, выпростал голову из-под плаща, перекрестил зевающий рот. – Господи, когда кончатся твои испытания? Никакого просвета, никакого облегчения, одна только польза – от монастырской пищи не зажиреем.

– И не сдохнешь раньше срока, прости мя, Господи, за прегрешения, – добавил кто-то из лежащих рядом на соломе простуженно и хрипло.

Афонька, хмыкнув, молча согласился с ним и неизвестно от чего, скорее от слов простуженного, развеселился. В узкое окошко потянуло сквозняком, пахнуло осенней свежестью и запахом прелых опавших листьев. Почерневший по краям дубовый лист, вяло кружась, влетел в окно и бесшумно опустился на каменный пол.

– Чему лыбишься, не голоден, что ли? Мне вот не до улыбок, проголодался как собака, – укорил Афоньку Гришка.

– И я хочу есть, так ведь нет ничего сытного за душой. От улыбки к тому же не так тоскливо.

– Молитвой, брат мой, молитвой насыщайся, – рассмеялся Гришка, оскаля белые крепкие зубы. – Ничего, ничего, Бог заступится, получим и мы своё. Вставай, чего разлёгся, разнежился тут на перинах.

Зазвонили колокола лавры, им откликнулись голоса звонниц многочисленных киевских соборов и церквей. Вокруг и около парней зашевелились спящие богомольцы, начали подниматься с ворохов соломы.

После молитвы и лёгкого завтрака, от которого есть хотелось ещё больше, юноши направились в город и, не сговариваясь, побрели в сторону городского рынка. На сам рынок не пошли, а сели около входных ворот на короткое брёвнышко. Сразу от входа начинались торговые ряды, от которых шёл дурманящий запах горячих пирогов, всяческих снадобий и каш. Ах, какая ароматная, сытная каша под толстым слоем коровьего жёлтого масла томилась в горшках и горшочках грудастых, полнотелых рыночных торговок! Ах, какие ароматные, краснощёкие, пышущие здоровьем бабы-товарки, все красавицы как на подбор! Ребятки глотали слюнки, стараясь не смотреть в сторону громогласно зазывающих на пробу, на покупку хохлушек. Сюда они уже приходили два месяца, конечно, не просто так, а в первую очередь для назначенной здесь встречи со своим опекуном, ну и, конечно, за подаянием. Сердобольные люди бросали нищим монахам в торбочку кто яблоки, кто груши, кто малосольные огурцы или еще что. Иногда желанная коврижка или вчерашний, не успевший затвердеть пирожок залетали в торбочку, редко, очень редко давали монету. Деньги ребята прятали, они ценились больше всего, деньги, как и во все времена, на дороге не валялись.

Скудное осеннее солнце выглядывало редко и совсем не грело ребят, наоборот, то и дело припускал дождь. Когда дождь переходил в затяжной, становилось мрачно, сыро, слякотно, рынок расходился, а вместе с ним исчезала надежда на солощий ужин. Обед-то они по понятной причине пропускали и даже не вспоминали о нём. Послушники мужественно переносили недоедание, монашеская жизнь приучила их к лишениям. Во-вторых, и это главное – они ждали Афанасия Нагого или посыльного от него.

В хорошие дни мимо них валила громогласная толпа, проезжали тяжёлые возы с богатыми дарами крестьянского труда. Везли хлеб, масло, мёд, мясо, овощи, другие продукты. Гнали скот, в корзинах и клетках – птица – да всё, что душе угодно, проще сказать, чего не несли. Люди хотели сбыть с рук, не продешевить, найти покупателя, умело всучить ему свой товар. Только наши отроки бездельничали, перед ними стояла другая задача, они ждали, ждали своей судьбы, своего поводыря, упорно и настойчиво каждое утро являлись на рынок как на службу.

– Добрый день, – подошла к ним уже знакомая средних лет торговка Малаша, ещё довольно моложавая, симпатичная, брови как смоль, она частенько к вечеру подавала им милостыню.

– Доброго дня и тебе, Малаша, – поприветствовал её в ответ Афоня.

– Свободны ли вы сегодня, братья? Я с утра за вами поглядываю, упустить боюсь, не ушли бы, думаю.

– Свободны, свободны. Что ты хотела? – спросил Афоня, чувствуя кожей предстоящий заработок, скосил взгляд на невозмутимо молчавшего Григория.

– С утра соседка приходила, спрашивала... В общем, дело у неё важное к вам. Да вот она идёт.

– Вам дров наколоть или воды натаскать? Или по мужскому делу сробить чего? – с подковыркой, юродствуя, обратился к женщине Гришка, но, заметив возмущённый взгляд её, закрыл рот

на замок. Строгое лицо женщины без намека на улыбку ещё более напряглось, она склонила голову в чёрном платке, одёрнула тёмного цвета платье, собралась и требовательно спросила:

– Вы монахи али щёлкопёры, псалтырь-то хоть читать научены?

– Монахи, не сумлевайтесь, и читать бойко обучены, в монастыре чай служили. Что за просьба у вас, может, умер кто? – спросил догадливый Афоня.

– Да, умер свёкор моей соседки Дарьи. Надо, как водится, панихиду справить.

– Это мы можем, – уже без шуток ответил Гришка и, подтолкнув локтем Афоню, прошептал: – Чур, справлять ты будешь!

– Буду, – согласился Афоня. – Почему не почитать псалтырь по православной душе?..

Афонька радовался и такому предложению, лучше читать нудные молитвы пред усопшим, чем сидеть здоровому парню без дела, просить милостыню, к тому же под пеленой осеннего липкого, пробирающего насквозь дождя. Они слышали про жизнь покойного, знали, что он бывший казак, небогат, что его дочь Дарья замужем за Казимиром, маршалком самого воеводы киевского Константина Острожского. Дарье Афонька писал как-то два письма: одно – на дальнюю сторону для родственников, второе – для подруги. Она щедро заплатила за них, Афоня от души поблагодарил её, пожелал здоровья, она, видимо, это запомнила и позвала на панихиду.

Покойный Степан Копыто в своё время искал счастья в казацких походах, его хорошо знали на Хопре как верного соратника, расторопного, боевого атамана и отчаянного рубаку. Поговаривали, что он дружит с чёртом, потому что в рубках, схватках ему везло необычайно. У него как бы наоборот выходило – храбрый вояка не враг чёрту, а брат. Десять лет назад, получив ранение в стычке с турецкими мамелюками, он отошёл от ратных дел и перебрался в Киев-град – туда, где родился, где крестился. Умер от антонова огня[1], дала о себе знать незаживающая рана ноги от ятагана. После себя он оставил вдове, двум дочерям и трём сыновьям небольшое наследство. Сыновья в отца пошли, такие же забияки, такие же рубаки. В отце они души не чаяли и, по словам Дарьи, горько убивались, тяжко скорбели, переживая его мучительную смерть. Братья, благодаря стараниям Казимира, все служили у Острожского, старший Василий дальше всех пошёл – дослужился до сотника.

Копыто лежал в домашней, по такому случаю нетопленой, встроенной в дом часовне. В холодную руку покойного вложили тонкую свечу, капли горячего воска от которой стекали по пожелтевшим пальцам и застывали у запястья. Ещё не старый шестидесятилетний мужик с чуть поседевшей густой бородой, обрамляющей измождённое от страданий и боли лицо, лежал упокоенно в широченном гробу и загадочно щерился – не зря, видать, с чертями дружбу вёл. В часовне стоял холод, мерно курился ладан, заполняя часовню характерным упокоенным запахом. Сюда то и дело заходили и выходили люди, приходившие проститься и помолиться за упокой души усопшего. На низком подоконнике стояла серебряная чаша с водой, тускло мерцали свечи на медных подставках, над кадилом, перед божницей, перед большими иконами Божьей Матери, младенца Христа и Николая Угодника. Не жалели свечей родственники, любили свет, видимо.

Первым за псалтырь, хотя и грозился не читать, взялся Гришка. Неторопливо хорошо поставленным голосом запел знакомые, вызубренные в монастыре псалмы. Прочитав достаточно много, Гришка охрип, сказались простудная погода и двухгодичный перерыв, молча передал книгу Афоне и уступил место в изголовье покойного. Афоня знал псалмы наизусть, стал их петь с ударением, с чувством, толком, расстановкой, лишь изредка сверяясь с текстом. Гришка перекрестился вслед чтецу и, пятясь, тихо через заднюю дверь вышел из часовни. Сразу попал в жилую комнату и столкнулся с молодухой, шёпотом извинился и попросил, поскольку в горле першило, напиться. Она молча, знаком позвала его за собой, зашла в просторную комнату, где стояли широкие скамейки и накрытые для поминок длинные столы, и подала ему ковшик с квасом. Он жадно прильнул к ковшу, выхлебал питьё до дна и поблагодарил её. Она опять молча кивнула головой.

«Немая, что ли?» – спросил себя Гришка, откровенно и дерзко рассматривая её. Только теперь при дневном свете разглядел, что перед ним не молодуха, не девка, а вполне зрелая красивая женщина, даже чёрный платок, низко, по-старушечьи повязанный, скрывающий лоб, частично глаза, не мог спрятать правильных,

остро очерченных черт лица. Как бы ни поджимала она своих алых сочных губ, как бы ни прятала взгляда, скрыть глубину и чарующую прелесть ясных, синих, как васильки, очей, не могла. Она не смутилась от дерзкого поведения монаха и сама принялась рассматривать стройного и гарного на вид парубка.

«Дочка или соседка, пришедшая для помощи? – терялся в догадках взволновавшийся до зуда Гришка. – Одета скромно, впрочем, как и полагается при покойнике, но не бедно. Кто же такая? Кто? Как завлечь, как расшевелить, заставить ответно воспылать сердце её?» – запрыгали мысли, загорелась жаба у Григория, любящего баб до самозабвения, особенно смазливых молодух. Его живо и неотвратимо потянуло к ней, но даже завязать разговор он не успел, поскольку она, кокетливо потупив взгляд и грациозно раскачивая бёдрами, тут же удалилась. Оказалось, бесполезно у немой что-либо спрашивать, а то, что она немая, Гришка позже вызнал.

Двое суток Григорий и Афоня, меняя друг друга, читали псалтырь, пока в день похорон их не сменил отец Геннадий – духовный наставник покойного. Всё это время парней хорошо кормили борщом, мясом, поили квасом, мёдом, они спали в тепле, на чистой подстилке, в людской. Для всех они были истыми монахами, отвергающими людские страсти, утехи, любодеяния, только не для Дарьи, чей намётанный глаз сразу же распознал Гришкино плотское вожделение, и не только к девкам, но и к замужним. Прелюбодеяния случались в граде Киеве не так редко, грехопадение в церквах города преследовалось и наказывалось, как нигде, жестоко. Расплачивались отступники не только отлучением от церкви, но и принародной поркой, их бросали в пыточную, где жгли железом, истязали, затачивали на долгие годы в сырую темницу.

Гришка знал это, но не унимался, в свободное от чтения псалтыря время старался подстеречь в бесконечных полутёмных коридорах очаровавшую его женщину. Несколько раз находил её, останавливал, пытался заговорить, притиснуть, но она вырывалась из рук настырного монаха и исчезала. Сопротивление её, однако, раз от разу слабло, Гришка – опытный сердцеед, нутром и по томным глазам её чувствовал, что она становится всё сговорчивей, тянется к нему, оттого ещё более горел желанием, торопился овладеть ею. Время-то к тому же поджимало, вскоре отпевание кончится, и им придётся покинуть гостеприимный кров.

Как ни спешил он, как ни старался, ничего не добился. Пришло время – Дарья отвела Афоньку в угол и с пренебрежением высыпала ему в ладонь горсть серебра.

– Здесь деньги за труды ваши, – отчеканила она, едва сдерживая себя от гнева. – В людской возьмите корзину, я в неё продукты положила, – затем не выдержала, ещё более посуровела и требовательно спросила. – Скажи: что, у всех монахов принято вдов преследовать? Бегать, словно кобели на случку.

– Что? – протянул Афоня, ошарашенный её несправедливостью. Он надеялся на слова благодарности, предполагал, что за их достойную службу пригласят ещё и на похороны, и на поминки.

– Может, такое у двуперстников принято? – не унималась Дарья.

– Не понимаю, чем двуперстники провинились? Я в Киеве многих, кто двумя пальцами крест делает, видал, но никто их не судит. Грешно это, и те, и другие – люди православные.

– Чего юлишь, будто не понимаешь, о ком я! О друге твоём. Негоже так вести себя монахам с вдовами.

– Что он вытворил и при чём здесь вдова?

– Ты что, и правда ничего не знаешь?

– Откуда?! Я все дни у покойного в головах за чтением провёл!

– Твой друг на нашу вдовицу Оксану глаз положил. Она тоже хороша, бесстыжая, не успела мужа в гроб положить, как готова в шашни-машни удариться, расстелиться перед первым мужиком, как корова перед быком. Ему-то, ему-то как не стыдно! Грех ведь для монаха! Грех большой!

– Не знал я ничего, Дарья Филипповна. Вот те крест святой, не знал! – Афанасий истово перекрестился. – Я и этой вдовицы Оксаны-то даже не знаю толком, не видел её. Он где её нашёл?

– Не клянись зря, язык отсохнет, не мог не видеть, она часто у гроба простаивала. Собирайтесь и выметывайтесь от греха подальше. Обходите наш дом стороной, мужики узнают – кости переломают. Заруби это на носу и другу своему скажи.

Афоня не стал дожидаться, когда угрозу приве-

дут в исполнение, нашёл Гришку, и они быстренько покинули дом. На улице Гришка со злости пнул подвернувшуюся под ноги собачонку и, не оглядываясь, твёрдо, с достоинством зашагал прочь от ворот неласково проводившего их дома. Вон от двора, заставленного подводами, телегами, лошадьми так, что не протиснешься, у самых дверей которого толпились нищие, калеки, попрошайки – всем хотелось нагреться на покойнике – урвать подношение, милостыню, копейку.

Отдельно, вооружённые саблями, пистолями, стояли казаки. Их горячие, откормленные жеребцы грызлись меж собой, норовили друг дружку куснуть, лягнуть, сами казаки вели себя скромнее, курили махру, тихо переговаривались. Много друзей-товарищей оказалось у старого вояки – удалого запорожца Степана Копыто.

Афанасий, невзирая на обидные Дарьины проводы, поклонился гостеприимному дому, перекрестился и заспешил вслед за Гришкой. Спесивый дружок его не то что не поклонился давшим хороший заработок хозяевам, он даже не оглянулся, вышагивал упруго прочь с презрительной улыбкой на лице, с упрямо задранной вверх гривастой головой.

Целую неделю монахи жили как люди: ели, пили от пуза, собирались идти дальше, в Белую церковь, но слава о них как о добрых чтецах, знающих псалтырь наизусть, разнеслась по всему Киеву, чему немало способствовала их вездесущая опекунья Малаша, тоже втайне полюбившая отчаянного Гришку-распутника. Гришка же настолько воспылал чувствами к немой Оксане, что не торопился покинуть город, хотя все сроки ожидания человека от Афанасия Нагого давно прошли. Не знали они, что Нагой против Годунова, фактически правившего страной, поднял мятеж в Москве, Угличе и других городах. «Афанасий Нагой повелел своим слугам и соратникам, – гласила грамота царя Фёдора Иоанновича, – накупить много зажигальников и поджигать ими московский посад во многих местах». Он якобы разослал людей своих по многим крупным городам и посадам, велел и там поджигать здания, дома и постройки. А тех, кто будет гасить, велел убивать. Не знали молодые монахи, что на основании патриаршего приговора царь Фёдор приказал схватить Афанасия Нагого и доставить в Москву. В 1592 году розыск Афанасия Нагого и его приспешников по делу о пожарах закончился, виновных схватили, приговор татям учинили. Грамота гласила: «... Хто поднял руку супротив помазанника Божьего, того и казнили...»

Так вот ни посланник, ни сам Нагой не появились и не могли, как видно, появиться, а заказы на различные богослужения, на написание писем сыпались один за другим. Ребята писали прошения для воеводы и архиепископа, читали псалмы, Библию по умершим, участвовали в крещении. Последнее время взялись обучать грамоте двух переросших оболтусов в богатом доме. Здесь их тоже славно приняли: выделили отдельную комнату, кормили на убой, спать клали на чистые простыни. Появилась возможность в кои-то веки перезимовать в приличных условиях, не печалиться о дровах, не голодовать, не думать, как добыть кусок хлеба. Но недолго песенка звучала, недолго музыка вела!

2. Любовные похождения сына блудливого, отрока Григория

Всё испортил порочный, неуёмный послушник Гришка. Он не оставлял мыслей о смазливой вдове и делал всё, чтобы заполучить её, заставить как можно быстрее забыть своего покойного мужа. Каждый день он блудливым мартовским котом выползал из дома и исчезал в серости зимнего вечера, чтобы выглядывать, подстерегать, преследовать, висеть на пятках, всучивать подарки, увещевать замысловатыми, жаркими речами бедную вдову. Афанасий по дружбе, по доброте своей первое время сопровождал его на случай прикрытия, оказания, если потребуется, помощи. Григорий же с завидным упорством, незаметно для постороннего глаза осаждал дом, искушал всё более запутывающуюся в его сетях вдову. Афанасий находился рядом, поблизости, во дворе, у ворот, мёрз нещадно, стучал зубами. Пытаясь согреться, прыгал, хлопал руками по бёдрам, бокам, злился, но держался, не бросал друга. Наконец ему надоело это глупое, без отдыха, без сна, прозябание: днём учить переростков, ночью охранять Гришку, и он открыто заявил, что наступил предел его терпению и он с завтрашнего дня прекращает никчемное дежурство. На беду ещё переростки оказались тупоголовые. Там, где на предмет предусматривался час, затрачивалось два, всякую мелочь прихо-

дилось вбивать им в голову чуть ли не молотком, другой раз – и через задницу с помощью отмоченных в кипятке розог.

Любовные похождения Григория хотя и тщательно маскировались, но незамеченными не остались, поползли по городу слухи, пошли пересуды. Гришке всё трын-трава, отчаянный же, рисковый до отупения малый, и Оксана за ним, туда же, видимо, настолько потеряла голову, что и ей стало все равно, что о ней скажут.

Гришка – истовый женский воздыхатель, баловень судьбы, самец, по которому сохли, убивались, накладывали на себя руки женщины, имевший у них успех, никогда ни с одной надолго не завязывался и – что похвально – никогда и ни с кем не делился своими любовными похождениями.

– Гришка, остановись, – пробовал урезонить его Афоня. – Что ты делаешь! Прелюбодействуешь. Грех же это. Бог всё видит, не простит.

– Тебе что за дело? Я её люблю. Не лезь в мои дела! – одёрнул резко он Афоню. – И дыба мне не страшна. Пускай сначала поймают. Тебе вторю: не лезь туда, куда не просят! – взревел он. Упёртый, своенравный, необузданный, предстал он в тот день перед Афоней во всей красе, просто всё время умело маскировался. Мало-мальский разговор на эту тему он тут же пресекал, доказательства явные, предвещавшие не только неволю, заточение, но и смерть, отметал. По всем признакам видно: если ему что запало, то конец, не выбьешь ни колом, ни ломом. Разобьётся, но возьмёт своё!

Дело шло к печальному финалу. Свидания не прекращались, Афанасий ждал развязки, и она не замедлила явиться в чёрном одеянии – испёкся Гришенька, потерпел поражение.

Как-то под утро, ещё только забрезжило, в дом, где они временно проживали, ввалился, шатаясь, истекая кровью, Григорий и, заваливаясь на бок, брякнулся у порога, прохрипел проснувшемуся от стука Афанасию:

– Афонька, друг, помоги! – приподнялся на четыре конечности и снова рухнул колодой на пол.

Афоня мигом слетел с кровати, кинулся к нему, давай раздевать, осматривать, приводить в чувство, расспрашивать. В груди и в боку нашёл две кровоточащие ножевые раны. При скудных своих знаниях установил, что они не так глубоки, не смертельны, но знамо болезненны, недалеко и до заражения. Нашёл ещё и третью, если можно так сказать, рану – большущий фиолетово-жёлтый синяк от сильного и точно в цель, в область сердца, укола. Видимо, по расчётам убийц, смертельного, но Гришку спас нательный большой крест – «в рубашке» Гришка родился. Крест принял удар на себя, но от сильного удара согнулся (металл ведь). Афанасий оказал первую помощь и побежал за подмогой к их опекунше Малаше. Малаша разойкалась, распричиталась, слезой изошла, Афоня пошлёпал её по щекам, прикрикнул, этим, мол, не поможешь, врача надо, и та быстро уняла слезу, за дело принялась. Разыскала и привела в их дом эскулапа, тот без лишних вопросов за дело принялся: обработал раны, зашил без болеутоляющих средств, невзирая на то, что Гришка орал как резаный, матерился, плакал, перевязал и, получив деньги за хорошую, хотя и болезненную работу, удалился. На пороге сказал:

– Спасибо за помощь, ребятки, подсобили мне его держать. Небольшой, а какой сильный, мне бы одному ни в жизнь не справиться. Я вам мазь хорошую оставлю, смазывайте раны ежедневно и перевязывайте, пока не затянутся коростой.

Из дома из-за опасности повторного нападения пришлось срочно ретироваться, да и хозяин, до которого докатились слухи о похождениях ретивого монаха, велел как можно быстрее убираться. Не утерпел, не дождался их съезда, сам же выпер их уже на другой день. Афанасий собрал в сидор немногочисленные манатки, свои и Гришкины, и, поддерживая одной рукой раненого, вывел его на дорогу, остановил мимо проезжавшую подводу и на ней покатил от негостеприимного дома. Добрался до домика – маленькой халупы, предусмотрительно снятой Малашей, и, облегчённо вздохнув, затащил туда виновника передряг. Халупа стояла на самой окраине Киева, на высоком берегу Днепра, так что его широкий разлив не охватить глазом. Хату выбирали специально подальше от глаз людских, а главное – подальше от гайдуков Острожского и братьев Оксаны.

Халупа только что числилась домом. На самом деле была почти не приспособлена для проживания. Дрова и те отсутствовали, приходилось печь топить соломой из покосившейся малюсенькой сараюшки, в которой, по меткому выражению

Малаши, помещалась всего одна курица. Солома полусгнившая, трухлявая, сырая, уложенная снопами, сразу после обмолота, малопригодная для топлива. Прежде чем затопить печь, Афоня с трудом выдирал её из-под стога, растряхивал, просушивал, она всё равно плохо горела либо вспыхивала как порох и быстро прогорала, не давая тепла. Приходилось чуть ли не постоянно дежурить у печи и всё время соломку ту подкладывать.

Печь ко всему оказалась прожорлива – сколько ни дай, всё мало. Дым вместе с огнём вылетал через трубу, не успевая нагреть ни кирпичи, ни халупу. К тому же она продувалась насквозь, и толку от топки почти не наблюдалось. Только высокие, выше окон, сугробы немного спасали хлопцев от холода и окончательного околевания. Воду таскали из Днепра, скользя по крутым, высоким ярам с тяжёлыми бадьями, обливаясь и обвисая сосульками. Чтобы приготовить еду, соломы недоставало, ходили в лес на лыжах за хворостом. Пока Гришка болел, все заботы легли на плечи Афони. Приходилось вертеться как белка в колесе, считать каждую истраченную копейку, терпеливо ждать и способствовать Гришкиному выздоровлению.

За едой Афоня обычно бегал в близлежащую корчму – в пяти кварталах от халупы. Корчму держал старый еврей Иосиф. Старик отличался немногословностью, ни о чём не расспрашивал, от лишних разговоров уклонялся, зато еду готовил хотя и не деликатесную, но отменную и, что немаловажно, из свежих продуктов. Еду Афоня обычно брал горячей, пока доходил до дома, она на морозе превращалась в камень.

Время шло, молодость брала своё, раненый быстро шёл на поправку. Отступилась от него и падучая. И не после колдуньи-старухи, которая только уменьшила её частоту, а после того, как пережил сотрясения – перенёс ножевые раны. Правильно говорят: нет худа без добра. Его больше не колотило, не било, не находили на него приступы, он безропотно подчинялся Афанасию, покорно ел с ложки, принимал лекарства, терпел, когда срывали коросту при перевязках. Когда деньги закончились, перешли на жидкую тыквенную кашу, запасы муки, которые когда-то по лени не выбросили, тоже шли в дело.

На третью неделю появилась как снег на голову Оксана. Приехала, как ни странно, с Дарьей.

– Как он? – с порога, снимая платок, как будто ни в чём не бывало спросила Дарья. Не спеша повесила шубу на прибитый к стене деревянный крючок и прошла к печи. Оксана же, на ходу снимая одежду, кинулась к любимому.

– Уже лучше. Лоб не горяч, не бредит, ест помаленьку. Даст бог – выздоровеет, – неохотно ответил Афоня. Не улеглась обида на неё, к тому же он по молодости лет тушевался и неуютно чувствовал себя в присутствии молодых, симпатичных, бойких женщин.

– Холодно-то как у вас!

– Мы привычные. В монастыре, в кельях и того холодней. Печи топят не докрасна, берегут дрова, не балуют игумены братьев. А гнилой соломой нашу прожору вообще не натопишь, – шлёпнул он рукой давно не беленую печь.

– В монастыре!.. Молчал бы лучше, вам не с братией жить, а с варнаками по тёмным местам людей трясти! – Дарья шагнула к печи, приложила ладони к её боку, погрелась и неожиданно выдала: – Протопи печь получше, Оксана сегодня здесь побудет (вот и пойми этих женщин!), братья и муж мой на службе у князя Острожского. К нему сын Януш приехал из Кракова, к утру вряд ли вернутся. Ты посмотри-ка на эту парочку, воркуют, как голуби.

– Какое «воркуют», – засмеялся Афоня. – Гришка еле живой, а Оксана немая, у неё на дыбе слова не вытянешь.

– Много ты в любви понимаешь. Неси хороших дров, не жалей. Оксана деньги даст. Вы ели хоть сегодня? Я захватила снедь с собой. Ступай за дровами, я стол накрою. Справлюсь, не сумлевайся, – захлопотала Дарья.

Пока Афоня сбегал, купил дров, пока привёз, пока раскочегарил печь, пока она мало-помалу нагнала тепла, за слюдяным и без того мало пропускающим свет окном окончательно стемнело.

– На удивление нынче снежная зима, – накрыв стол и не зная, чем себя больше занять, проговорила Дарья. Присела на скамью, сложила руки на коленях, подумала. – Вот доигралась, как теперь до дома добираться? Ума не приложу.

– К урожаю, должно, – поддержал её Афоня, так же, как и Дарья, думая о её ночлеге. Где она ляжет или осмелится – пойдёт ночью домой?

– Ты откуда родом? – продолжила разговор она.

– Из Ярославля, – ответил он.

Ярославль все знали, Углич, а уж деревню его – почти никто.

– На Севере, значит. У вас там такие сугробы, видать, не в диковинку?

– Ещё больше наваливает. Редко, но бывает совсем без снега. Тогда худо, земля глубоко промерзает, озимые гибнут. Хлеб не родится, вслед – голод, людей как косой косит.

– Что дальше делать думаете? – переведя разговор на иное, спросила Дарья.

– Поживём – увидим, – пожал плечами Афоня. Не говорить же ей, что они привязаны – хоть и с уменьшившейся надеждой, но всё ещё ждут человека от Нагого. Почти каждый день Афоня забегает на рынок, в лавру, ищет посланца или самого Афанасия Нагого, но, по понятной причине, безрезультатно. Он не отступается, думает: «До конца стоять буду!»

– Я что думаю, – подвинула Дарья скамейку ближе к Афоне. – Вы оба грамотные, за веру православную стоите. Вам надо бы напроситься на службу к нашему воеводе, князю Константину Острожскому, – полушёпотом выдала она. Не понять Афоне Дарью эту, то кляла, накостылять через братьев Копыто обещала, то помочь хочет, советы даёт.

– Мы каким боком? Гришка пострадал, но из-за престо... – чуть не проговорился Афоня, что Гришку на родине преследовали как наследника престола.

– Гришка – страдалец! Типун тебе на язык, – снова взялась промывать мозги ему Дарья. – Страдальцы из вас плохие. Может, до Киева, до знакомства с нами, где и пострадали, но то мне не ведомо. А так... Только князю не врите. Он человека насквозь видит. Разоблачит – накажет. Он на расправу крут. У него разговор короткий, чуть что – сразу на дыбу. В Киеве он сам себе голова, что хочет, то и делает. Думать вам надо, а не на девок заглядываться, под юбки бабьи лазить. Вас и без того уже осуждают, что де за монахи, службу не стоите, с богомольцами редко встречаетесь. Что грамотны – то не важно, все монахи грамоту разумеют. Так что в любой момент вас могут упечь в подвалы Острожского. В них, бывает, даже пропадают бесследно. Не боитесь такой участи?

– Боимся, а что делать? На родину податься в монастырь – службу там нести, но нам в Московию нельзя, опасно там. Да и путь далёк, зима – холод, летом разве.

– Почему опасно?

– Не могу сказать – тайна.

– Начудили, поди, там, как и здесь. Не простые вы, чувствую, хлопцы. Может, и не монахи даже? – подозрительно прищурила глаза Дарья. – Скажи, откуда у Гришки такой необычный крест? Весь в цветных, драгоценных каменьях. Я таких крестов у простых людей не видела. У архиепископа разве, и то по большим праздникам.

– Мать отцовый крест как оберег ему передала. Так заведено у нас, от отца – к сыну, от сына – к внуку. Послужил он Гришке, отвёл удар убийцы. Истинно говорят: крест – меч божий. Убийца клинком широким точно в сердце бил, чтоб наверняка. На кресте шрам глубокий оставил.

– От отца – к сыну, говоришь. Кто же отец Григория?

– Не могу сказать. Одно знаю: не из челяди, – не моргнув глазом, соврал Афоня. Сам-то уж давно понял, кто друг его. – Я в услужении у него по наказу игумена.

– Что не из челяди, я и без тебя знаю. Ладно, не хочешь говорить – не говори. Сама узнаю. Не доверяешь – не надо. Ещё взялась помогать вам, если бы не Оксана, не её просьбы – ни в жизнь бы! Она совсем свихнулась, без ума от твоего господина, приворожил гад ползучий несчастную. Выздоровеет – ему надо к сильным мира сего пробиваться. Так что насчёт Острожского думайте, у него приют многие беглые, гонимые находят. Вас, как я поняла, тоже преследуют. Мой-то у князя служит, так что я имею кой-какие сведения о князе, о его казне, о порядках. Не веришь, могу поделиться кое-чем – князь сказочно богат. Люди говорят, непомерно! У него одной челяди больше двух тысяч. Эту ораву кормить надо. Казимир, что маршалком у него, семьдесят тысяч одного жалованья имеет.

– Ого! – воскликнул Афоня, для него семьдесят тысяч были непомерным богатством. Он представить такого не мог и возразил. – Не может такого быть.

– Может. У Острожского сам круль в должниках ходит. Как где война или заваруха крупная, на Киев кто ещё только пойти задумал, наш князь мошной тряхнёт – и всё уляжется. Киев – град богатый, поборы с жителей будь здоров.

– Скажи, Константин – глубоко верующий или это всё от политики?

– Глубоко! В вере он стоек, всегда против унии церквей шёл. Латинскую ересь не приемлет.

– Кто её из православных приемлет! Она нужна только врагам славян.

– Ты мало знаешь, в нашем граде многие приняли латинскую веру, есть такие, которые завели родственные связи с поляками. Женятся, замуж выходят, несмотря ни на что.

– Это так, – покачал головой Афоня. – Но уния и родилась для раскола, а не для объединения славянских народов. Наши тоже хороши, меж собой общего языка найти не могут. Какая разница, как попы службу ведут, складывают или не складывают персты в щепоть, слева направо или справа налево крестятся, главное, жить в мире и согласии, без войн и распрей, веря в Бога. Бог един, просто пути к нему разные. А тут всяк себя считает правым и первым, а не равноправным.

– Ладно о вере. Разговор-то о вас. Вам, пока Григорий поправится, хочешь не хочешь, а придётся пожить здесь, а как поднимется, надо уходить куда подальше. Не то муж мой с братьями выследят, добьют его. Оксану они хотели за своего знакомого Панаса выдать. Тот уже изготовился. Тут Гришка всё поломал, чтоб ему!.. Панас глазами, как шарами, вращает, злой как чёрт, усы топорщит. Прирежет он твоего хозяина.

– Успокойся, как поднимется, сразу и уйдём отсюда. Монастырей в округе много, если повезёт, к Острожскому, как ты советуешь, наймёмся. Тогда не тронут.

Что касается Острожского, то Афанасий просто так сказанул, чтоб Дарью успокоить, но пришло время – и он серьёзно задумался о её предложении, тем более Гришка к этому же клонил. Говорил, что они найдут у воеводы и приют, и защиту от москвитян, преследующих их. Воевода слыл вождём старой закваски, в своё время состоял в любимчиках у Грозного, к Борису относился с брезгливым пренебрежением. Почти всегда так великие и власть предержащие относятся к людям, незаконно унаследовавшим трон. Константин сам был потомок Рюриковичей, а Борис чей потомок?.. Каких-то кочевников-татар, и близко к Рюриковичам не стоящих.

Шло время, Гришка помаленьку выздоравливал, стал вставать, самостоятельно ходить во двор, а по весне и вовсе забегал, повеселел. Оксана чуть не каждый день прибегала к нему, поддерживала, ухаживала. Афанасий к её приходу собирался, одевался и отчаливал, бродил по Киеву, дышал ароматами весеннего воздуха, любовался на речное половодье, на буйный разлив и ширь неохватную Днепра, лишь к полуночи возвращался до хаты, провожал Оксану до дома.

Афоня уже у многих горожан снискал славу грамотного и благочестивого юноши, церковники его чтили за своего, взяли в церковный хор, где он пел на клиросе в церкви Андрея Первозванного. На спевки уходило довольно много времени, но он не жалел и с удовольствием занимался музыкой.

По весне же случилось то, что и должно случиться, что вызревало, как чирей на причинном месте. И зрело понятно где – в буйной голове неугомонного царевича. Прорвало в тот день, когда великий пост начался. Гришка в тот день поднялся рано, приготовил еду скудную, как положено.

– Вставай! Скоро колокола благовест зазвонят. Надо успеть! – растолкал он Афоню. – Тебе петь. Мука целая, не завидую я тебе. Столько стоять – окочуришься. Сегодня чья литургия?

– Святого Василия. Стоять не вредно. Я, когда пою, усталости не замечаю.

– А ноги? Небось подкашиваются?

– Я привык. Вначале и правда ходуном ходили.

– Далеко пойдёшь, коль так. Быть тебе иеромонахом.

– В монастыре я временно, пока ты болел, а так он мне не больно и нужен. Я домой, в Углич, хочу, – погрустнел Афоня, вспомнив родные края.

– Домой нам путь заказан. Нам здесь-то остерегаться надо, а дома быстро найдут. Борискины холопы не дремлют. Подожди, дай срок – вернёмся.

Афанасию и ответить нечем. Он вздохнул тяжело и пошёл умываться, сполоснул лицо из деревянной шайки, побрызгал холодной водой на грудь, спину. Растёрся докрасна полотенцем и, закусив капустным пирогом, начал одеваться.

– Ну ты и телишься. Не опоздаешь на службу?

– Нет, успею. Ты со мной?

– С тобой, с тобой. Сегодня Оксана со своей семьёй будет в церкви. Хотят в храме Всенощное бдение стоять. Соскучился я, давно её не видел. Хочу, кроме того, своих вражин видеть, в рыла плюнуть, – зло усмехнулся Гришка, его лицо стало страшным и непреклонным.

– Ты что, сдурел? Доиграешься!..

– Не понимаешь ты. Наоборот, через скандал мы скорее попадём на глаза Острожского, – заверил на полном серьёзе Гришка и подтолкнул Афоню плечом. – Слушай, что господин твой говорит, не пропадём тогда.

– Не нравятся мне задумки твои. Не к добру!

– Нравится, не нравится... Делай что говорю. Хватит ждать помощи, надеяться на случай, на дядьку Нагого. Может статься, его уже сцапали. Надо самим пробиваться, а то дело упустим, придётся с поражением согласиться и в обитель на пострижение подаваться. Больше-то некуда. Ты хочешь в монастырь на всю жизнь, вплоть до смерти. Попаду к Острожскому – не упущу возможности доказать, что сыновья Копыто, как тати, покушались на меня, зарезать хотели. Дело это подлое, он такие дела самолично расследует. Потом пойду до конца! Откроюсь полностью, скажу, кто я и откуда. Понял? – хорохорился Гришка.

Летя как на крыльях к церкви, остановились и, глядя благоговейно на неё, перекрестились.

– Только бы не опоздать, – прошептал Афоня.

– Успеем, – промолвил Гришка и опять притормозил, слушая, как колокола мелодично повели благовест.

– Пошли, то торопишь, то тормозишь. Сегодня епископа не будет, занемог отче. Иеромонах будет службу вести. Говорят, строг, – сухо ответил Афоня и умолк.

Мощные мерные звуки поднимались волнами к небу, оттуда возвращались, расплываясь над градом, наполняя души верующих надеждой.

3. Плата за любовь

Афоня первым добежал до храма и, чуть не сшибая людей, нырнул в полумрак святилища, скрылся на клиросе. Ему ещё нужно было церковную одежду получить, указания от дьякона, который любил погонять послушников по часослову, и встать в ряды поющих. Гришка же не стал входить в храм, принялся пытливо рассматривать публику, кого-то искать. Встал на цыпочки, выискивая братьев Копыто, – не унимался он, что-то опять затевал.

Гул кампанов многочисленных колоколен продолжал величаво плыть над Киевом, отрывал людей от мирских дел, направлял на духовные деяния. Вскоре придел храма наполнился людьми, увлекая Гришку за собой, он опёрся на стену, чтобы видеть амвон и вход в церковь. Весь при мирских делах – ни капли благочестия, толики смирения, он крутил головой, словно на насесте молодой петушок. Высматривал, подлец, женщину, которую совратил, которую сумел влюбить в себя без памяти. Шельмец да и только – видано ли, женщина-вдова загуляла и отдалась любовнику, не успев похоронить мужа, предала мужика родного ради любовных утех. Пала ниже некуда в глазах людей.

Служба, как и полагалось у православных христиан с древнейших времён, началась открытием царских врат в тиши храма, и настолько тихо, что даже слышно стало, как звенит цепь кадила. Иеромонах и дьякон молча совершали каждение, наполняя сладким ладаном пространство перед алтарем. Таким предстал мир перед Господом, когда он создавал землю, небо и облака. Вот иеромонах встал против престола, огласил славу Творцу – Создателю мира, Пресвятой Троице и четырежды призвал верующих: «Приидите, поклонимся Цареви нашему Богу. Приидите, поклонимся и припадем Христу, Цареви нашему Богу. Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареви и Богу нашему».

Афанасий присоединился к хору, и волнение охватило его, он с усилием справился с собой. Хор в ответ на призыв иеромонаха запел псалом «Благослови, душе моя, Господа...», прославляющий премудрость Творца. И все умиротворились, отодвинулось мирское, уступив место просветлению. Лица прихожан просветлели, стали благочестивей, взгляды ясней. Афанасий не придавал значения своему возбуждённому состоянию, такое знакомо ему с детства, возбуждение приходит и с началом пения уходит непонятно куда. Тем не менее волнение возвращалось каждый раз, и каждый раз беспокойнее, необычнее. Он любил этот праздник, который напоминал ему детство, родной дом, милых сердцу родителей, братьев, сестёр.

Причащаясь и получая проскомидию, Афоня углядел в толпе Гришку, который уже стоял вплотную к Оксане, а вслед за ними – насто-

рожённые, хмурые братья Копыто, чуть сзади – тоже напряжённая Дарья.

Истекло время, хор закончил петь, Афанасий спустился с клироса, по уговору Григорий должен ждать его на паперти, но там его не оказалось. Афоня вышел на улицу, стоял, ждал, всматривался в толпу, но Гришка как сквозь землю провалился. Прождал около часа, народ разошёлся, а Гришка так и не появился. Он в отчаянии махнул рукой, побежал домой, но Гришки и дома не оказалось. Успокоив себя тем, что он у Оксаны, Афоня лёг спать, но сон долго не шёл к нему.

Скинув сапоги, но не раздевшись, он лежал на лавке, подложив под голову овчинный кожушок, и смотрел в потолок, а горькое предчувствие неладного то и дело накатывало на него. Ноги до сих пор гудели от долгого стояния на клиросе, в горле от пения першило, он раза два вставал испить колодезной водицы и тревожным ухом послушать, не идёт ли друг, не скрипит ли под его ногами снег. Когда же усталость взяла своё и он сладко засопел, на пороге появились Дарья с Оксаной, прячущей заплаканное лицо за треугольником чёрного плата.

– Афонька, вставай! – бесцеремонно толкнула его в бок Дарья.

– Что?! Что случилось? – ошарашенно тёр он глаза.

– Беда! Беда случилась, – запричитала Дарья, и женщины быстро прошли в хату, сели на скамью.

– Что ты? Что говоришь? – как ужаленный спрыгнул Афоня со скамьи. – С ним? С Гришкой? Я так и знал, что добром это не кончится. Я думал, он у неё, – ткнул он пальцем в Оксану.

– Должен, да не сподобился. Оксана его не сомкнув глаз до рассвета ждала-поджидала. Не дождалась, ко мне прибежала. Матерь Божия, спаси и сохрани!..

– Ну, договаривай, – поторопил её Афанасий. – Прибежала и что?

– Я могу только догадываться. Я с братьями Копыто была. Внезапно прискакал гонец из замка Острожского, что-то им шепнул, они молча собрались и уехали. Вернулись под утро, а от слуг узнала, что вусмерть пьяные, в крови по локоть. У самих-то ни царапинки, значит, кровь-то чужая, – Дарья силилась ещё что-то сказать, но не сдержалась, заплакала. Вместе с ней затряслась в рыданиях и Оксана.

– Да не плачьте вы! Разревелись как коровы, развели мокроту. Ну! Кровь не их, чужая, говоришь? – грубо оборвал их стенания Афанасий. – Дальше!

– Братья чуть оклемались – и опять за стол. Начали хвастать, что прищемили хвост Гришке. Заперли, грят, его в подземелье у воеводы. Теперь, мол, не вывернется.

– Вон как, теперь ясно, – протянул Афанасий и застыл в замешательстве. – Пойду к Константину на поклон. Буду просить, чтоб выпустили. Умру, но добьюсь своего.

– Пустят ли? Не беги туда сломя голову, придумай что... – укоротила его пыл Дарья.

– Эх-ма! Ничего сразу на ум не приходит, – после длительного напряжения признался в своём бессилии Афоня. – Однако идти всё равно надо! Ввязаться, а там видно будет. Пан или пропал!

В замок Острожского, как он ни бился, как ни хитрил, его всё равно не пустили. Охрана просто отшвыривала просителя, а когда Афоня, обнаглев, полез напролом, его изваляли в грязи, прописали пару увесистых пинков и на закуску наградили плетями.

Лишь на четвёртый либо пятый день, когда Афанасий, отчаявшись в бесплодности своих попыток, сидел за столом и хлебал жидкую овсяную кашу, высматривая в окно Дарью, которая обещалась быть, в хату нежданно-негаданно ввалился Гришка.

– Ну что, не ждал меня, чёртушка! – с порога радостно гаркнул он.

– Не ж-дал-л, а заж-ж-ждался, – чуть не поперхнулся от неожиданности Афоня и вскочил, уронив скамью и ложку на пол, кинулся к другу.

– Так встречай, чего телишься?

– Жив, оторва! – обнял его до хруста в позвоночнике Афоня.

– Осторожно, не замай, – затрепыхался Гришка и скривил побледневшее лицо.

– Что с тобой? Били?

– Думаешь, калачами кормили? Батогами потчевали. Всю шкуру исполосовали, – петушился Гришка не без гордости.

– За что? Как посмели?! Может, за дело?

– Ладно тебе, что до того – за дело, не за де-

ло. Не насмерть – и хорошо. Лучше подними скамью.

Афанасий поставил скамью на место, поднял ложку, Гришка с трудом, подложив под задницу руки, уселся.

– Что, по мягкому месту прошлись? Горит? – участливо спросил Афоня.

– Не гони, дай отдышаться и водицы поднеси. Пить хочу, мочи нет. Нет, – решительно выдохнул Гришка, – лучше сбегай в шинок, принеси вина.

– На что? Ты же знаешь – с деньгами туго, – воспротивился Афоня, поднося воды в ковшике.

– Возьми в долг. Не бойся, найдём, чем отдать. Давай беги, не раздумывай. Закуски возьми! – крикнул вслед.

В долг Афоня брать не стал, не в его правилах такое, выгреб последнее и на радостях набрал всего, чего Гришка и не просил.

Гришка навалился на еду, но разбитым в кровь ртом есть было непросто. В ход пошли и быстро умялись варёная еврейская колбаса, отварная курица, запивал всё красным вином. Афоня сидел напротив и любовался другом, на то, как он аппетитно наворачивает. Лицо Григория от усердия порозовело, морщинки, появившиеся в застенке, разгладились.

– Съезжать будем отсюда, Афоня, – сказал он, покончив с трапезой. – Есть куда.

– Уж не в Белую ли церковь? Ну что ты тянешь кота за хвост. Говори – куда?!

– Нет, не в Белую, немного ближе, – тянул резину, интригуя, Гришка. – Приглашает меня к себе сам Константин Острожский.

– Да ну! Не может быть! Не брешешь?

– Не брешу я. Ты выслушай до конца. Впрочем, начну сначала. Эти свиньи меня в переулке встретили, где я Оксану поджидал, окружили вшестером, я и крикнуть не успел, как на меня медведь насел. Один с шестерыми разве справишься? Уложил одного, второго, дали сзади дубинкой по башке, попинали ногами и оттащили в подземелье. Очухался – руки, ноги в железе, лежу на голой земле, высоко на стене тусклое оконце в решётке. Счёт времени потерял, казалось, вечность прошла – ни воды, ни хлеба, ни людей. Только спустя ночь вспомнили. Притащили в пыточную, раздели догола, уложили на скамью, привязали, чтоб не дёргался, и плетей всыпали. Пытать не стали, повезло мне.

На Пасху Казимир, маршалок Острожского, запретил допрос с пристрастием. И ещё, на моё счастье, у него просветление в мозгу случилось – заметил на мне крест не простой. Давай пытать, откуда он у меня. Я говорю: «Известно откуда – от отца с матерью», а он ещё больше распалился, орёт, слюнями брызжет. Дознаться ему во что бы то ни стало, видите ли, надо. Ну, думаю, сейчас точно на дыбу потащит, но нет, обошлось. Крест забрал, а меня обратно в темницу. Воды после экзекуции и две черствые горбушки хлеба притащили. Одежду вернули. Коли так, думаю, может, обойдётся, может, даже к лучшему повернётся всё, – Гришка замолчал, вздохнул тяжко.

– Ну а дальше что? – не терпелось дослушать Афоне.

– «Дальше, дальше»! Поспешай медленно. Они, значит, пьянствуют, веселятся, а я лежу на земле сырой, чуть соломкой прикрытой, крыс гоняю, что по ногам бегают. А пасюки у Острожского крупные, жирные, с ними не больно-то сладишь. Ночами мёрзну – спасу нет, зубами дробь выбиваю без устали, поганцы даже укрыться не дали. Провалялся, значит, где-то пару деньков, после того как крест отобрали. Пинками подняли (это уже сегодня утром) и на допрос повели. Я подумал, что пытать, а меня – в хоромы, прямо к самой светлости, к князю, правителю Острожскому.

– Неужели к Острожскому? – аж подпрыгнул на скамье Афоня.

– К нему самому. Он за столом сидит, рядом с ним – Казимир, братья Копыто тут же. В руках у князя мой крест-распятие. Я как ни в чём не бывало говорю: «Христос воскресе!» «Воистину воскресе! – князь Константин мне сурово, без улыбки отвечает. – Только я с тобой, разбойник, христосоваться не буду. Ни защищать тебя, ни покрывать вину твою тоже не стану. Отвечай, варнак, с какого христианина ты этот крест снял?» «Клянусь, – говорю, – князь, ни с кого я этот крест не снимал, этот крест на мне с той поры, как мать на грудь повесила. Сам же крест преподнесён нашей семье верным человеком». Князь требовал сказать, кто подарил. А я говорю: «Подарен лет пятнадцать назад. Кто подарил – при всех не могу сказать. Великая тайна, князь!»

Князь нахмурился, замолчал. Меня взглядом испепеляет. Поразмыслил, повелел меня отвести в камеру, железо снять и обратно доставить.

– Ну и что? Сняли, доставили? – не терпелось по молодости лет Афоне.

– Сняли. Князь всех своих холуёв выпер, только Казимира оставил. Доверяет ему как себе, видно, и снова спрашивает, кто я на самом деле такой и откуда крест? Перед этим, правда, сказал: «Вижу, ты не холопа сын, а из благородных кровей. Чьих же, уж не царских ли?» – и с прищуром на меня вызрился.

Я всё как есть, как на духу и выложил, что я не Гришка Отрепьев, а есть сын царя Иоанна Васильевича Грозного. Законный наследник московского престола. Чудом ли, провидением Господним остался жив благодаря своему дяде Афанасию Нагому. Крест по просьбе моей матушки, жены Грозного Марфы, он мне на шею повесил.

– И что? Поверил тебе светлый князь?

– Точно не могу сказать. Он вида не подал, но обнадёжил, сказав, что хочет меня возле себя видеть, присмотреться попристальней. Я ему обещался завтра быть к обеду. За тебя тоже слово замолвил, сказал, что без тебя ни шагу, что ты мне как брат родной.

– Теперь понятно. Задумал он насчёт тебя что-то, не дай бог, плохое. Тревожно мне, Гриша! – задумчиво произнес Афоня, качая головой.

– Теперь зови меня как полагается, Дмитрием, – гордо поправил его тот. – Привыкай – настало время. Сколько к нему шёл, сколько невзгод выдержали. Теперь пора заявить о себе во всеуслышание как о законном наследнике Рюриковичей. Хватит нам по приютам скитаться. Русь надо завоёвывать, я и не я буду, если она не будет за мной. Я чувствую это, люди русские ропщут и стонут под гнётом Бориски и шибко недовольны им, шелудивым.

– Так ли? Откуда знаешь? Мы далеко.

– Я знаю, что говорю. Пора нам истинное лицо показать. До противности надоело мне это нищенское одеяние, это притворничество, – недовольно поморщился Григорий, оглядывая свою грязную одежду.

– Не рано ли? – засомневался Афоня. – Нам бы поводыря... Может, всё-таки дождёмся дядьку Афанасия Нагого. Может, жив он или пришлёт кого-нибудь толкового.

– Опять ты о нём. Забудь! Говорю тебе, пора! Не рано! – как отрезал Дмитрий. – В самый раз.

4. Под покровительством Острожского

Константин Острожский, как обычно, вечером прогуливался по вишнёвому саду, трогал ветки старых вишен, вдыхал полной грудью запах белоснежных соцветий. Не давала ему покоя неожиданная встреча с чернецом Гришкой Отрепьевым. Дело в том, что крест на груди Отрепьева когда-то принадлежал самому Острожскому. Давным-давно, ещё в начале юности он встретился с Иоанном Грозным, в России тогда свирепствовала разнузданная, всепожирающая опричнина. За истинную веру в православие и любовь к русскому народу стал Костя люб государю. Два года провёл он в московском Кремле, ездил с Иоанном на моления по окрестным монастырям, принимал участие в соколиной охоте, в других утехах и развлечениях, перенятых государем у просвещённого Запада. Он даже умудрился сходить на войну с крымчаками вместе с царёвыми любимцами Богданом Бельским и Иваном Мстиславским.

– Государь, за что нам люб Константин? – хвалебно докладывал царю Иоанну Богдан Бельский на пиру, обнимая Острожского за плечи. – За то, что дерётся как чёрт. Он и его волынцы так дали крымчакам, что они даже удрапать с поля боя не могли. Повыбили их волынцы с сёдел, лишили коней, оставили кверху задом.

Такое говорил не кто-нибудь, а сам Богдан Бельский – выпивоха, каких поискать, с бабами гульнуть мастак, любитель авантюры, единственный из всех, кто смело смотрел Грозному в глаза. Иван Мстиславский, его друг, соратник, преклонялся перед Бельским, как и Богдан, готов был положить жизнь не только за царя Иоанна, но и за любое рисковое предприятие, вторил ему.

Князь Константин хорошо запомнил, как при расставании они с Грозным в знак вечной дружбы обменялись крестами-распятиями.

– Грех теперь воевать друг с другом, – сказал тогда Иоанн. – Помогать вот обязаны. Запомни это.

Константин потрогал оба распятия, одно из которых висело на груди князя, другое по странным обстоятельствам оказалось в его руках,

вспомнил до единого слова речи Грозного и перекрестился.

– Чем-то напоминает Гришка русского царя в молодости, – подумал. – Но мало ли на свете похожих людей? Истинно ли он Дмитрий? А если нет?! Господи, помоги сделать верный выбор.

Князь в молодости слыл лихим и горячим, своими помыслами равнялся на Бельского с Мстиславским, его радовало, что старшие приняли его в своё товарищество. Богдан любил пошутить, почудачить, погарцевать на лошадях, похож был на отъявленных, бесшабашных шляхтичей.

Умер Иоанн Грозный, в первую же ночь после его смерти в Москве вспыхнул мятеж, одним из организаторов которого и был Бельский. Поводом к мятежу послужил маленький Дмитрий. Сейчас вот самозванец ли, от лица Дмитрия выступающий, или он сам спустя много лет явился перед светлые очи князя Острожского. Поди разберись.

Унаследовавший престол Фёдор был как царь никуда не гож – с собственной головой не ладил. И тогда один из опекунов его, всё тот же Бельский, решил противопоставить мальца Дмитрия соперником взрослому двадцатисемилетнему царю. Затея, как и всё, что исходило от Бельского, была безумна, однако вмешались в распрю братья Ляпуновы, проявившие особое рвение в защиту прав старшего брата как первого по возрасту наследника, и Фёдора помазали на царство.

После провалившейся затеи мятежа Бельского отправили воеводой в Нижний Новгород, а Дмитрия вместе с матерью и многочисленной семьёй – в Углич, в назначенный младенцу удел. В Угличе уже известно, что с семьёй Нагих стало. Всё гнездо разорил, весь род уничтожил Борис Годунов.

Константин нахмурился, вспоминая почти забытые, весьма тревожные когда-то события. Ему писали, что мягкий по натуре Фёдор, наоборот, не прерывал доброжелательных отношений со ссыльными. Он одаривал их двор мехами, другими подарками, они в ответ ему слали пироги. Миролюбивый Фёдор недолго правил, вскоре заболел и умер. К власти пришёл худородный, но хитрый, коварный, властолюбивый, жестокий Борис Годунов.

– Господин не о самозванце ли думает? – раздался позади князя тихий голос подошедшего незаметно маршалка Казимира.

Острожский полуобернулся, взглянул на него из-под густых бровей, броско посеребрённых сединой, молча кивнул и опять ушёл в себя. Казимир встал рядом настолько близко, насколько позволял сан, потрогал пальцем нежные цветы вишни, стряхивая на землю тонкие лепестки и пыльцу.

– Если до Кракова дойдёт эта весть, – спросил, тихо кашлянув, князь, – как они воспримут?

– Им что за дело? Мы и не таких привечали. На мой взгляд, кто он ни будь, лишь бы веру держал нашу православную.

– Веры мало. Тут дело государственное. Круль вряд ли захочет чинить козни Борису. Что касаемо Григория, то нет слов. Похож он на Грозного, но как точно узнать, сын ли? Пусть поживёт пока при нас, приблизим, разберёмся, само проявится, царских ли кровей. По крайней мере, пока он рядом, мутить воду не станет, всем спокойней будет. А начнёт – мигом хвост прищемлю. Тут вот ещё что: он, говорят, твою вдовую родственницу склонил к прелюбодеянию. Знаешь, поди?

– Не знаю, что и сказать по этому поводу, – ушёл от ответа Казимир.

– Скажи как есть. Поимел он вдову? Или, наоборот, она его склонила к постели? Проворонили вы её?

– Я твёрдо знаю – таскался он за ней, преследовал. Был за это бит. Подробностей, однако, не знаю, со свечёй у постели не стоял, – обиделся на укор Казимир.

– Ладно, ты на мои слова внимания не обращай. Просто всё выходит непристойно. Вдове надо место указать, не то, скажи, загоню в монастырь, в келью – грешки замаливать. В глушь, подальше от Киева, чтоб никто не нашёл, – и вся недолга. Что до Гришки или Дмитрия, как его там, то сам буду разбираться. Время покажет, кто он.

– Да я и не обращаю. Сказать же ей – скажу и ваши слова передам.

– Выходит, этот-то насчёт баб тоже в Иоанна пошёл. Тот охоч был под юбками лазить. Мы с ним бывало, ой! – ввернул князь к слову, но быстро спохватился. – Ладно, хорош об этом. А так похож сукин сын, похож... Иди скажи, чтоб подготовили ему угол. И не пускай ко мне никого, мне подумать в покое надо. Никому ничего лишнего – ни слова! Кто он,

откуда. Зови по-прежнему Гришкой Отрепьевым. Пусти слух, якобы дальний родственник прибыл на богомолье из Москвы. Заехал ещё и по книжным делам, по переписке книг. Князю, мол, по душе пришёлся, князю нужны добрые переписчики. Долго в Киеве мы не задержимся, вскоре в Острог вместе с ним уедем. Там поспокойней, потише. Ему тоже накажи зря не болтать, язык за зубами чтоб... Не то быстро лишится его.

– Добро, князь! – склонил голову в почтении Казимир и заспешил выполнять поручения.

Князь остался, он думал, что ему ошибиться никак нельзя, он и без того меж двух огней сидел. Ратуя за православие, он возмущал против себя не только католический мир, но и приверженцев униатской церкви на западе Украины. С другого бока Годунов нависал, он не погладит по головке, когда узнает, что Дмитрия, сына Иоанна, пригрел. Хотя Годунов и считался худородным, из старого незнатного рода Четы, но зубы, да ещё какие, мог показать. Предки его, казанские татары, которые пришли на Русь с берегов Волги ещё при Иване Калите, соединились с Россией совсем недавно. Сам-то Борис поднялся из опричников, даже однажды был прощён Иоанном за измену, за то, что при осаде Москвы крымчаками он вместе с другими опричниками струсил и под разными предлогами смылся с поля боя. Нападение татар тогда отбило ополчение, те самые герои, которым опосля опричники – собакоголовые в «знак благодарности», а точнее в отместку, устроили смертную жатву. Иоанн собакоголовых тоже не пожалел, расправился почти со всеми – кого казнил, кого медведям на растерзание отдал, особенно пострадали его прежние любимцы Басмановы, весь род почти изничтожил. Лишь Годунов, заложив товарищей, вывернулся. Острожский, зная опричников, дел с бывшими старался не иметь. Помнил он, что слово-то «опричь» означает «тьма кромешная», то есть опричники и есть кромешники или люди сатаны.

Оставшись один, князь мысленно подытожил: «Удачное время и место выбрал для встречи со мной Григорий, то бишь Дмитрий. Вернее, случай помог монаху. Везёт, как известно, бойким, сильным. Тут не иначе ещё распятие от Иоанна посодействовало, оказалось ключом к сердцу моему».

Что ни говори, а, несмотря на Брестскую унию и раздор из-за неё в православном мире, именно он, князь Острожский, остался убеждённым защитником православия, именно в его обширных владениях собирались и находили убежище пострадавшие, преследуемые. И ведь не только знатные люди, но всякий, кто ненавидел латинскую ересь, находил здесь, в доме князя, радушный приём. Многие из преследуемых жили у него годами, пока не кончалась опала или не приходила смена власти в их стране. Теперь под его покровом, если всё сойдётся, если сомнения развеются, ещё Дмитрий, сын Грозного. Это ли не дело!

Вот так появился при дворе Острожского Дмитрий, он же впоследствии Лжедмитрий Первый, известный многим как Гришка Отрепьев. Вместе с ним в ворота Острожского ступил и наш главный герой Афанасий Тучков, будущий стрелецкий воевода в граде Архангельске.

Первое время они находились непосредственно при киевском дворе князя Острожского. Чуть позже вслед за князем и его свитой переехали в его родовое гнездо – Острог, которое находилось всего в нескольких верстах от Киева. Прежде всего Гришку и Афанасия поразила полнейшая неразбериха и переполненность всяческим народом в доме Острожского. Постоянные шум, толкотня, суета как среди многочисленной, казалось, кишащей челяди, так и среди большого, никогда не иссякающего потока приезжих.

– Зачем князю иметь столько лишних людей? – как-то спросил Афоня у Казимира. – Нельзя, что ли, это как-то упорядочить. Сделать так, чтоб поменьше было шума, гама, а то ведь ничего не разберёшь – бардак!

– Чтобы иметь вес и влияние среди равных себе, необходим полный двор не только слуг, но и знатных приезжих, даже полнее полного. Иначе нельзя. Такая вот противоречивость, – ответил вежливо тот и тут же добавил: – Завтра мой господин даёт ужин в честь большого гостя. Вы приглашены. Смотрите не опаздывайте. Там такое чудо увидишь, что вертеп во дворе покажется мелочью. На всю жизнь запомнишь.

Афоня с первых дней жизни в Остроге нашёл себе занятие по душе – целыми днями проводил в библиотеке. Библиотека у Острожского большая, богатая, в ней работали сразу четыре переписчика. Кроме того, во дворе, рядом с конюшней, там, где делали и

ремонтировали конную сбрую, работала переплётная мастерская. Афоне тоже предложили заняться перепиской, он не отказывался, но тут же испросил разрешения ознакомиться с имеющимися здесь фолиантами и свитками.

Князь слыл просвещённым и не жалел денег на библиотеку, в ней были фолианты со всего света, имелись и такие, что никто из окружения князя не мог, не знавши языка, прочесть, несмотря на то что в коридорах, палатах князя говорили и писали на многих языках. Тут звучала и трудно дающаяся латынь, и греческий, и обиходные: немецкий, французский, английский, голландский и прочие европейские языки, включая, правда реже, и русский. Особенно шумно и многоголосно было во время пиров, которые частенько устраивал князь. Единственное: во время поста он воздерживался от всякого рода пиршеств. Среди дворни преобладали украинский, польский и русский языки. Последний довольно отличался от истинного русского, хотя всем заезжим из России был понятен.

В тот день, когда их пригласили на званый ужин, Афоня, сидя в библиотеке, полностью погрузился в захватившую его книгу, речь шла о мыслях и судьбах великих русских князей, об их прошлом и заботах о будущем страны. Он с упоением читал, переворачивал страницу за страницей, не обращая внимания на людей вокруг. Не обращал внимания и на шорох бумаги, скрип гусиных перьев, переговоры и чертыханья писцов при огрехах. Зашевелились, засплетничали только из-за приезда знатного гостя, из-за его высокого положения и любви к наукам. Может, надеялись, что он в библиотеку заглянет. Афоня не обращал на суету внимания, оторвался от чтения лишь при лёгком прикосновении к плечу.

– Афоня, друг ситный, очнись!

– Это ты, Гриша? – встрепенулся тот.

– Я, брат мой. Только не Гриша, я уже тебе говорил, а Дмитрий. Пора запомнить и не дразнить меня, – сердито прочёл нотацию Афоне приятель. – Что читаем?

– Нестора – нашего великого летописца. Его повесть о минувшей славе князей и канувшем в Лету бесчестии многих из них. Помнишь, нам сторож Еремей рассказывал из неё некоторые истории?

– Хм... Истории, – хмыкнул Дмитрий, листая летопись. – Я вижу, ты зря времени не теряешь, набрался слов заморских, историй разных. Учись, учись, царю нужны грамотные люди. Занятная книжица, историю своего государства должно знать, но нам пока не до этого. Нас на ужин пригласили. Так что вставай, нехорошо опаздывать. За обиду почтут.

– Что же, идём. Я тем более проголодался. Там, думаю, будет что поесть.

Афоня не стал убирать книгу в сундук. Книги здесь, у Острожского, не на полках хранились, а в высоких сундуках. Встал, размял онемевшие от долгого сидения ноги, потушил пальцем свечи, горевшие в бронзовом канделябре, и двинулся за Григорием.

Хотел спросить Гришку, кто приехал, что за важная персона, но передумал – Гришка наверняка и сам не знал. Тем более такой вопрос его мог обозлить, он и так ходил постоянно раздражённым из-за того, что на него, как на знатную персону, мало обращают внимания. Они неторопливо спустились во двор, ярко освещённый светом множества факелов. Сюда то и дело въезжали кареты, слуги бегом кидались распрягать лошадей, разводить их по конюшням. Если от знати, то ставить в стойла, укрывать попонами.

Ворота не закрывались, тут стояла удвоенная охрана из казаков, вооружённых фузеями, саблями и строго следящих за прибывающими.

По густому гомону и количеству суетящихся в заботах и хлопотах слуг становилось ясно, что гостей соберётся пруд пруди. Афанасий любопытства ради попробовал посчитать, сколько их собралось, однако всё время сбивался. Прикинул примерно, выходило, что не меньше человек двухсот – двухсот пятидесяти.

Расфуфыренные, в броских нарядах женщины, господа, девицы, юноши сбились в небольшие кучки и стояли в просторной палате перед трапезной, тихо переговариваясь, надменно и оценивающе рассматривая себе подобных. Многие из них приехали сюда не в первый раз.

Стараясь не очень привлекать к себе внимание, Дмитрий и Афанасий прошли сквозь толпу в залу, где проходили пиршества. Зала вся светилась огнями, здесь горели сотни свечей, вставленных в бронзовые и серебряные канделябры, развешанные по стенам помещения, которые были обиты светло-розовыми шелками. На высоком кресле, обшитом красным

взрыхлённым бархатом, величественно восседал сам князь Острожский. За его спиной возвышались здоровенные, вооружённые саблями рынды, одетые в праздничные пёстрые кафтаны. Здесь тоже и ещё бойчее сновали слуги, они притащили и поставили в сторонке огромный дубовый стол, причём поставили его так, чтобы он был виден всем присутствующим.

– Это кому стол отдельный громоздят? – тихонько спросил Афоня у пробегающего мимо холопа с большим глиняным кувшином вина в руках.

– Самому здоровому и потешному гостю, – прошептал тот. – Князюшка Богдан Травкин скоро изволит прибыть. Вот и кресло ему несут.

Двое крепких слуг, обливаясь потом, тащили огромное дубовое кресло, на сиденье которого запросто могли уместиться трое рынд. Друзьям даже пришлось податься в сторону, чтобы пропустить холопов с креслом.

– Вот как надо! – восхищённо оглядывая убранный зал и заставленные богатейшей снедью столы, воскликнул Григорий. – Ты видел когда-нибудь такие большие и богатые трапезные? – спросил он Афоню.

– Нет, конечно. Откуда? – особо не восхищаясь, равнодушно ответил Афоня.

Его заботило другое, он глядел на обилие блюд, выставленных для пира, и так хотел побыстрее усесться за стол, что засосало под ложечкой. Ну прямо невтерпёж есть хотелось, с утра маковой росинки во рту не было. Проснулся-то рано и не стал ждать завтрака, убежал в библиотеку, в обед зачитался и тоже не вышёл к столу, теперь в желудке как будто кто-то собак свору дразнил. Несмотря на это, голова работала, мысли были заняты другим – историей прочитанных древних летописей. Со страниц списка, сделанного с «Повести временных лет» монаха Нестора, веяло таким смирением перед грядущим и одновременно верой в правильность всего содеянного на Руси, что дух захватывало. Мысли мыслями, но он в то же время не упускал из виду и Дмитрия. Что-то он опять брюзжит, чем-то недоволен, наверное, опять собирается какой-нибудь фортель выкинуть. Говорит с сарказмом, даже с завистью, будто бы все вокруг в лепёшку ради него должны разбиться. Бегают-то не из-за него, а из-за знатного гостя. Ну и что из того? Говорят же, что гость важный, к польским верхам приближен. К гостям Острожского Афоня уже привык, у Острожского что ни неделя – то гость, один известней другого. Чему тут завидовать? Этот, сегодняшний, видать, важнее важного. Встречались среди гостей и люди знаменитые, были и такие, которые не знали ни русского, ни польского языков. Они-то с большим интересом знакомились с русским Афоней, да к тому же грамотным, знающим латынь, греческий, на которых и общались. Афанасий с интересом встречался с людьми просвещёнными, начитанными, впитывал в себя свежие идеи и мысли.

– Ты о чём задумался? – спросил его Дмитрий. – Не отвлекайся. Ты лучше подивись вон на тот большой стол, за ним – громадина.

Афанасий послушал друга, повернул голову. За большим столом, что втащили уже при них слуги, и правда, сидел человек огромный, широкий, как шкаф, что поставишь, что положишь – одинаково. Людина весом не менее пятнадцати пудов. Бордовое, заплывшее жиром лицо почти полностью закрывали обвислые щёки, в которых тонули маленькие глазки-буравчики.

– Да-а! Есть на что поглядеть. Бочка нашего приюта и то меньше. Вот это человечище, мне таких не приходилось видеть, – поразился Афоня.

– Смотри, слуги ему наперёд всех еду тащат. Уважают его здесь. Это надо же, вдвоём один поддон волокут. Он что, наперёд князя есть начнёт? Такого срама я не видел.

– Не должен. Выходит, сейчас команду рассаживаться дадут.

И точно, перекрывая шум, запели трубы, возвещающие начало ужина, Острожский поднялся, прошёл к двери, которые тут же распахнули. И в зал ринулась шляхта, князья, паны, панёнки, учёные, монахи, заполнили залу и застыли в ожидании.

Константин встретил всех с распростертыми объятиями, потом прошёлся по рядам с высоко поднятой головой мимо склоненных голов мужчин и женщин. Глядя на великолепие драгоценностей и украшений, на богатство мехов, на блеск инкрустированного и посеребрённого оружия своих гостей, он горделиво улыбался. Посреди зала замедлил ход, оглядел стол, нашёл его обильным и взмахом руки пригласил гостей рассаживаться, сам направился к своему богатому трону, но садиться не торопился, ждал, когда рассядутся гости.

Гости начали рассаживаться, панове прибывшие держались чопорно, вели своих женщин под руки, усаживали их, а потом уже садились сами. Каждому было определено своё место, чем ближе к князю, тем почётней. За этим строго следил Казимир со своими помощниками. Слева от князя сел его сын Януш Острожский, молодой князь, чуть старше Афанасия, а уже влиятельный – при польском круле краковский кастелян, видный малый, в нарядной польской одежде. Рядом с ним – его красивая молодая жёнушка из знатного литовского рода. По правую руку Константина – невысокого роста шляхтич с худощавым лицом и выпуклыми глазами, без бороды, но зато с огромными вислыми запорожскими усами.

– Вот он, главный гость сегодняшнего пиршества, – шепнул Афанасию на ухо всё тот же слуга. – Славный князь и воитель, давний приятель нашего господина – гетман Адам Вишневецкий.

– Вот оно что! Вот из-за кого сыр-бор, – протянул Дмитрий и с неподдельным интересом стал рассматривать гетмана. – Ничего не скажешь, представительный шляхтич.

– Ещё бы, – поддержал Афанасий, наслышанный о больших делах Вишневецкого. – Немало знаменит!

Гости заняли места и тут же встали, ждали, когда сядет привставший из-за стола гетман. Даже Травкин, который сначала с вожделением ухнулся на кресло и потащил в рот еду, и тот грузно, с отдышкой, едва не перевернув стол с едой, привстал.

Константин, дождавшись, когда гетман сядет, поднял руку, призвав к общему вниманию, и, ещё чуточку для весомости повременив, торжественно произнёс:

– Гости дорогие, сегодня мы с радостью и благодарностью приветствуем изволившего заглянуть к нам дорогого гостя, ясновельможного пана, гетмана Адама Вишневецкого. – Князь величественно махнул рукой, приглашая сесть.

Афоня с Дмитрием тоже заняли указанные им места с краю стола.

Слуги и холопы нескончаемой вереницей один за другим понесли еду и закуски на и без того заставленные столы. Травкин в один присест покончил с подносом и нетерпеливо ждал, поигрывая ножом и требовательно постукивая рукояткой о столешницу, когда стол существенно пополнят. Его не забывали, принесли второй поднос, больше прежнего, с целым жареным поросенком, к нему – деревянную солонку, миску с очищенными луковицами. Богдан с вожделением облизнулся, потёр руки и набросился на еду. Сначала ухватил за ноги поросёнка, разорвал его на части, затолкал в рот чуть ли не четверть и с наслаждением принялся, громко чавкая, перемалывать хрящи. Присутствующие замерли, отложив на потом свою еду, во все глаза вылупились на представление. В диковину было им видеть, как поросёнок вместе с косточками легко и быстро исчезал в чреве богатыря. Некоторые подбадривали обжору, крича: «Давай покажи, как надо есть!»

И Травкин старался, не падал в грязь лицом. Закусывал мясо луком, заедал хлебом, скоро и второй поднос опустел. Слуги тоже не дремали, как только поросенок был доеден, Травкину поднесли жареного, откормленного на зерне гуся. Травкин, как будто и не ел, набросился на птицу. Гуся заедал кашей и всё тем же луком, привычно запивал медовухой, от которой не пьянел, а дурел. Его лицо, и без того сальное, покрылось липким потом и жиром. Он ещё более побагровел, повеселел и вскоре с гусем покончил. Кости покрупнее, что не мог перемолоть длинными, как у лошади, зубами, отодвинул в сторону, на край стола так, что получилась целая горка, и опять призывно застучал ножом о столешницу. Слуги в ответ поднесли ему жареных куропаток.

– Неужели и это съест? – вырвалось у Афони. – Лопнет ведь.

Однако Травкин и бровью не повёл, веселился от всей души, с наслаждением и этакой удалью принялся за куропаток. И хотя было видно, что уже пища не лезет, страсть к еде пересилила, и он через силу, рыгая и насильно заталкивая в рот руками лезущие обратно куски, одолел-таки и куропаток.

– Во даёт! – воскликнул Дмитрий, с восхищением и оторопью взирая на могутного обжору шляхтича. – Медовухи-то почти с полведра выдул, нам с тобой, Афоня, на неделю бы хватило.

– Да! – усмехнулся Афанасий, подвигая к себе чашу с вином и объемную миску с жареной поросятиной, издававшей невероятно аппетитный запах. – Я так натерпелся, пока ждал приглашения к трапезе, что готов, как и Богдан, умять целого порося.

– Я бы этого живоглота на дыбу, – недовольно разошёлся Дмитрий. – Ему, видишь ли, можно одному жрать, а нам всех дожидайся, облизывайся.

Тут Константин снова поднялся, и зал опять затих, прекратилось чавканье, говор, сорочье щебетание женщин. Константин, видимо, решил продолжить потеху, повеселить гостей и обратился к Травкину:

– По вкусу ли тебе, Богдан, пришлась наша пища?

Травкин довольно икнул и похлопал себя по пузу:

– Благодарю, князь. Поросёнок, слов нет, хорош, но, жаль, маловат. Гусь добр, но, не в обиду будь сказано, постноват. Куропатки в самый раз, но к ним бы вина красного фряжского, а тут только медовуха. А так всё со смаком, князь, благодарствую за угощение.

– Наелся ли ты, Богдан Иванович?

– Э-э-э, князь, да ведь как сказать. Желудок у меня такой солощий, сколь ни корми – всё есть просит. Прямо беда с ним. А что, разве ужин уже закончился? Я ведь только размялся чуток... – усмехнулся Травкин, обозревая свой опустевший стол.

– Потерпи чуток, Богдан Иванович, – рассмеялся князь. – Придумаем что-нибудь. Я уж похлопочу, найдут, чем порадовать. А сейчас, пани и панове, – обратился громко князь ко всем собравшимся, – все вместе помолимся, прочитаем молитву во славу Господа нашего Иисуса Христа!

Встали, православные оборотились к образам и вместе с Константином прочли краткую молитву, перекрестились.

– Теперь прошу поднять чаши за нашего доброго соседа, великую Польшу, и ещё раз за её славного гетмана Адама Вишневецкого, – выдал второй тост Константин.

– Да здравствует Польша! Да здравствует гетман Вишневецкий! Да здравствует князь Острожский! – раздались одобрительные приветствия с разных сторон.

Под радостные крики и весёлые возгласы, под звон серебряных бокалов и стук бронзовых чаш гости снова навалились не столько на еду, сколько на вино и медовуху. Изредка, отвлекаясь от стола, поворачивались, с любопытством взирая на лихие, устроенные по велению князя удалые пляски казаков.

Афанасий, наевшись до отвала, отодвинул блюдо с поросятиной, налил в чашу вина и не успел поднять голову, как к нему потянулись руки соседей чокаться, предлагать здравицы. Он не отказывал, выслушивал тосты, вопросы, стукался с панами, с паненками, которые без смущения, в открытую строили глазки, кокетничали. С завораживающими улыбками на приятных лицах польские красавицы рассматривали их, звали к уединению не сколько его, как Дмитрия. Дмитрий тоже не дремал, плотоядно улыбался, говорил лестные слова, раздавал многообещающие взгляды – ему было привычно.

Наконец выпитое недостаточно выдержанное вино ударило приятелям в голову, и они поспешили выйти освежиться на улицу.

– Ты мне о Вишневецком расскажи, – попросил Дмитрий. – Что-то знаешь?

Афанасий собрался с мыслями и понизил голос:

– Мне на днях говорил о нём Гаврила Гойский. Он племянник твоего тёзки Дмитрия Вишневецкого, претендента на молдавский трон. Слыхал о нём?

– Припоминаю это имя, где-то встречался, – наморщил лоб Дмитрий. – Нет, не припомню. Слишком много вина, должно, выпил.

– Это дело поправимое, – похлопал по плечу Афанасий. – Спать ложись, утро вечера мудренее. Про Адама Гойский говорил, что он полукровка, смесь русских и польских кровей, что немаловажно, православный. С Борисом Годуновым последнее время не ладят.

– Даже так?! Мне это на руку. Из-за чего не ладят, не говорил?

– Вишневецкий претендует на земли по обоим берегам Сулы в направлении к Снятину и Прилукам. Там до Тулы рукой подать, а от Тулы до Москвы всего сутки. Смекаешь, куда гнёт? – Афанасий многозначительно прищурил глаза. – Годунов, не будь дурак, недавно послал на эти земли стрельцов и с позором выгнал оттуда Вишневецкого.

Глаза Гришки загорелись неподдельным интересом:

– Войну начал, что ли?

– До войны не дошло, – успокоил Афоня, – поскольку мирный договор с поляками на двадцать лет заключён. Вишневецкий зубами от злости скрежещет, но король и сейм сдерживают его.

– Интересно, очень интересно, ведь враги Годунова – наши друзья.

– Положение двойственное, выходит, что враги России – твои друзья. А ты же не у поляков царём хочешь стать, а у русских, им служить.

– Пустяки, Афоня, нам сейчас лишь бы поддержку найти, а там мы их быстро отошьём.

– Ой ли! Ты поляков плохо знаешь, – попытался Афанасий охладить пыл самонадеянного друга.

Гришка только отмахнулся:

– Отошьём, не сумлевайся. Что ещё узнал про Вишневецкого?

– Наиболее известный из двоюродных братьев Константин – ревностный католик, женатый на Урсуле Мнишек, живёт в Заложице.

– Вот это интересно, ведь Мнишеки приближены к самому крулю Сигизмунду. Я прав, Афоня? – И тут Гришка внезапно переменил тему, стремясь поддеть приятеля: – Что это ты баб взахлёб рассматриваешь – кровь заиграла, пришло время, а? Пока в монахах ходишь, забудь про них – грех!

– Не выдумывай. Я просто так. На одежду, на украшения смотрю, – покраснел как варёный рак Афоня.

– Ладно, ладно. Я же вижу, как ты по ним глазами шаришь. Дорогие они, Афоня, для нас, в богатстве купаются. Не по себе сук рубишь. Нам холопки в самый раз, их на сеновал труда не стоит затащить. А эти сеновалом побрезгуют, им хоромы подавай, полати царские, – махнул в нетерпении рукой Дмитрий, уж он-то знал, о чем говорил. – Пойдём обратно, что-то прохладно стало, – поёжился он.

В зале было шумно.

– Давай лучше ещё выпьем, – поднял Дмитрий чарку и вдруг переспросил: – Так это точно, что те Мнишеки приближены к крулю? – Затем опрокинул чашу с вином и вытер тонким полотенцем губы.

– Точно, – подтвердил Афанасий и пополнил опустевшие чаши. – Точнее некуда.

– Вот бы уже сегодня познакомиться, – загорелись глаза у Дмитрия.

– С Мнишеками? Эва куда махнул! Давай уж с Сигизмундом сразу. Горяч ты больно!

– Да нет, не с Мнишеками, сначала с Адамом Вишневецким хотя бы, а там по цепочке дальше.

Выпили друзья ещё и ещё, под конец с непривычки так захмелели, что не помнили, как до своей двери дошли и на постели упали. А веселье-то продолжалось и закончилось только под утро, когда первые петухи запели, как только начало светать.

Не успели друзья выспаться, еще до света, как в дверь настойчиво постучали.

– Кто там, кого чёрт принёс в такую рань! – пробормотал недовольно Дмитрий и тихо, не обуваясь, прокрался к двери.

Нежданный гость расслышал голос Дмитрия и ответил:

– Это я, Казимир. Просыпайся, Дмитрий. Тебя князь Константин к себе требует. Да поторапливайся, он ждать не любит.

Пока Дмитрий, ругаясь, искал в полутьме одежду, обувку, пока одевался, у окончательно проснувшегося Афони весь хмель улетучился. Дело принимало крутой оборот, но, с другой стороны, они же сами искали встречи с сильными мира сего.

– Может, и мне с тобой? – спросил Тучков, потирая ладонями заспанное лицо.

– Не надо, – твердо ответил Дмитрий, приглаживая волосы. – Сам управлюсь. Тут пан или пропал. А ты досыпай, я думаю, ещё понадобишься.

– Какой тут сон!

– Ладно. Бог не выдаст, свинья не съест! – взбодрил себя Дмитрий и исчез в темноте коридора.

Вернулся, когда петухи давно перестали горланить, когда полностью рассвело, вдрызг пьяный, что-то путано бормоча под нос, и долго, с руганью расстёгивал пуговицы на одёжке. С трудом стащил с себя кафтан и тут же в сапогах трупом упал на лежанку.

Афанасий всё пытался спросить его, как приняли, что хотел князь, но понял, что бесполезно, и отложил разговор на потом.

До обеда Дмитрий спал как убитый, а проснувшись, навалился на ядрёный квас и выдул чуть ли не целый кувшин. Афанасий, видя такое дело, сходил на подворье, принёс солёных огурцов, рассол слил в чашу и подал Дмитрию.

– На, попей, легче станет, огурчиков похрупай. Всем помогает, – участливо сказал он.

– Не хочу, – с постели почти простонал Дмитрий. – Дурно мне. От всего воротит.

– Мне тоже дурно, но я не брезгую. Вот смот-

ри, – Афанасий вытащил из банки пупырчатый огурчик и захрустел с наслаждением. – Ну, рассказывай, как посидели.

– До рассвета вино втроём пили, – еле выдавил Дмитрий, говорить ему было тяжко. – Я упился, еле уполз, а Константин с Адамом продолжили. Крепкие мужи.

– Так это же здорово. Ты искал встречи с Адамом, не знал, как выйти на него, познакомиться, а он сам тебя нашёл. Видишь, на ловца и зверь бежит, по-твоему получилось, Бог тебе благоволит, – бодро ответил Афоня.

– Да, повезло, – устало вздохнул Дмитрий. – Познакомился. Заинтересовался Адам моей и, кстати, твоей тоже судьбой. Много расспрашивал, хотел узнать, что я собой представляю, какие у меня намерения.

– Что же ты? Сказал, чего хочешь, чего добиваешься, что ты сын великого Иоанна Грозного?

Взгляд Дмитрия прояснился, речь стала четче, потихоньку хмель отступал:

– Сказал, не всё, конечно, а то, что нам не навредит. Главное, Афоня, что он мне поверил, даже, кажись, в то, что я царевич. Острожский всё ещё сомневается, а он поверил. Обещал помощь в делах.

Афоня присел на лавку, задумчиво скрестив на груди руки.

– А Константин? Он что, совсем отстранился?

– Выходит, что так, – согласился Дмитрий, подперев кулаком подбородок. – Он всё больше молчал. Хотя нет, он от нашего брата не отказался, он же меня свёл с Вишневецким, ему просто сейчас не до нас. Интриги кругом, заговоры. Он сам об этом Вишневецкому жаловался. Зачем старику лишние хлопоты. Он своё дело сделал, дальше наш ход, – рассуждал он.

Афоня помолчал, обдумывая услышанное, что-то припоминая.

– Что верно, то верно. Я об интригах слыхал, в библиотеке много о чём говорят. Вишневецкому, наоборот, сейчас друзья, помощники нужны, чтобы против Годунова идти.

Дмитрий вконец взбодрился и сел на лавке.

– Конечно, нужны. И нам надо с ним в связке быть, тогда наверняка получится, – ответил он без тени сомнения.

– Понятно. Что нам дальше делать? – неуверенно спросил приятель, будто сомневался.

– Ты грызи гранит науки. Я уже говорил, пригодится. Я с Адамом в Польшу рвану. Да, забыл, Острожский нам для поддержки духа и штанов кошелёк подкинул, – хлопнул себя по лбу Дмитрий, полез под подушку и достал небольшой кожаный мешочек, бросил его на стол. Кошелёк смачно приземлился, глухо звякнув.

– Должно, деньги с барского плеча, – сказал, не выказывая особой радости, Афоня. Развязал кошелёк и высыпал на стол сверкающие желтизной монеты. – Ого! Это же чистое золото.

– Пятьдесят флоринов Константин выделил из своей казны. Сказал, что это для начала. На приличную одежду, коней нужно приобрести, оружие, чтобы выглядели вельможами, а не отшельниками-монахами.

– Мне и отшельником неплохо. Я в паны польские не рвусь, – будто даже обиделся Афоня.

– Раз со мной, то не ерепенься, делай, как я. Без этой малости нам поддержки не найти. А без поддержки мы ничто, – веско отрубил Дмитрий и, соскочив с лавки, засобирался в дорогу.

Часть четвёртая

НА ЗЕМЛЕ СЭРУ ИРИКУ (ЯМАЛА)

Год 7126 от начала исчисления
от сотворения мира

1. Вождь самоедов Тар Ямал

На другой день всё пошло своим чередом, охотники загодя ушли на зверобойный промысел, казаки продолжили занятия по военной подготовке, стрельцы по велению Афанасия поставили высокую смотровую вышку, срубив её из длинномерного плавника. Наверху устроили гнездо, наблюдательный пост, лестницу, поскольку дерево экономили, сделали веревочную из пеньки. Пропустили её через маточную балку и тут же начали упражняться, кто вперёд залезет. Победил всех Ивашка – его, молодого и лёгкого, в отличие от других, не раскачивало, и он лихо летал вверх-вниз.

Дозор на ней установили круглосуточный – набегов иноверцев, конечно, не ожидали и не боялись, но, памятуя, что бережёного Бог бережёт, решили лучше перестраховаться, чем на вертеле болтаться. Недаром же болтали, что самоеды себе подобных едят. Дозорные могли с

вышки видеть не только проходившие мимо свои, иноземные суда, но и даже ненцев далеко в тундре, их многочисленные оленьи стада. Особо ждали, высматривали своих, архангельских из Двины и ярославских из Печоры купцов, что могли обойти Белый с севера, но сколько ни высматривали, так никого и не высмотрели. Видать, льды стояли насмерть!

Смотрели, ждали, Афанасий даже сам несколько раз на вышку лазил, в трубу смотрел, но о работе не забывали.

Заварзин со своими казаками соорудил две коптильни. Само помещение срубили из брёвен, печи – из глины, которую брали с берега моря, обжигали в костре, делали кирпичи. Скрепляли кирпичи той же глиной, добавляя в неё желток из яиц чаек, других птиц. Трубы заготавливали из топляка с гнилой сердцевиной, выбирая её искусно топором. Советчиков по устройству коптилен было пруд пруди, ещё больше недоброжелателей, которые говорили, каркали, что ничего, мол, ребята, у вас не выйдет. Пустое, мол, это дело, дорогое время разбазариваете. Однако уже после первого копчения, когда Заварзин угостил каждого, в том числе и неверующих, копчёным щокуром[2], зубоскалов резко поубавилось, а потом, когда дело дошло до муксуна и нельмы, и вовсе как сквозь землю провалились. Уж до того вкусна оказалась рыба, что слов нет!

Через три дня, как и обещал Хаулы, к стану русских прибыл аргиш из пятнадцати нарт. Олений караван остановился, однако вдали только две упряжки в поводу направились к шатрам мореходов. Их вёл сам хозяин заполярной части полуострова Ямал – Тар Ямал. Его жёлтая малица хорошо просматривалась среди ярко-зелёной тундры. Рядом с ним вышагивал Хаулы Окатетто.

Вождю вблизи на вид нельзя было дать и шестидесяти лет, хотя на самом деле ему перевалило за семьдесят. Невысокий, широкоплечий, с натруженными руками и лёгкой поступью, он издали походил на молодого пастуха. На лице, худощавом и скуластом, со множеством глубоких, как сетка, морщин, по-юношески задорно сверкали пронзительные голубые глаза. Это немало удивило Афанасия, внимательно рассматривающего самоеда. Ненцы ведь сплошь чёрно- и кареглазые, а у Тар Ямала глаза, как у свея или арийца. Мужчина подошёл первым, обнажил в улыбке ещё крепкие с желтизной зубы и поздоровался:

– Ань торово, еруо.

– Ань торово, Тар Ямал. Как доехали, как твой аргиш? Как олени, не устали ли в дороге?

– Хорошо. Всё хорошо, – заговорил Тар Ямал по-русски. – Баба вот собой взял, хотят посмотреть на луця. Моя сейчас, – он повернулся к аргишу[3], что-то скомандовал своим людям. И сейчас же нарты повернули в сторону холмов, туда, где Афанасий с Ивашкой обнаружили оставленный на зиму мюд. – Чумы сказал ставить около мюда[4] на холме, чтобы ветром продувало.

– Давайте к костру. Гостями будете в нашем стане, – пригласил Афанасий к шатру.

Расселись на брёвнышках около костра, и, как принято у ненцев, Афанасий поднёс гостям горячий, настоянный на душистых травах чай. Пили, причмокивая и хваля, из берестяных кружек, заедали сушками-баранками, нанизанными на пеньковую нить. Еда пришлась по вкусу вождю.

– Очень вкусно ваши бараны, – не мог нахвалиться Тар Ямал угощению.

После чая, видя, что гости не сводят глаз с кораблей, Афанасий повёл их знакомиться с кочами, показывая снасти, начинки, вооружение, товар в трюмах. Внимание Тар Ямала привлекло устройство малых судов, их вооружение. По всему видно, что он был ранее знаком с ними, бывал на них, поскольку особого удивления не выказывал, а интересовался деталями. Может быть, думая о приобретении маломерок для собственных нужд – морских охоты, рыбалки, схваток с пиратами. Попросил даже на одном из них снять чехол с затинной пищали, потрогал медный ствол, запальное отверстие, до сияния зачищенное пушкарями после длительного морского перехода. Не поленился в дуло заглянуть, рукой в нём пошарил, ядра в руках покрутил. На большой коч Тар Ямал любовался издали.

– Саво нгано. Нгарка нгано, – приговаривал восхищенно он.

– Хаулы, что он говорит? – поинтересовался Заварзин, который тоже принимал гостя на коче.

– Говорит, что лодка хорошая, добрая лодка. Не видел таких больших ни в здешних местах, ни в Мангазее.

– Добрый корабль – это точно. Только волоком его таскать себе дороже – надорвёшься.

Уж больно тяжёл. Зато морем ходить куда с добром, а речки, озёра не по нему, боится он отмелей. Посадка у него низкая.

– Саво[5], воевода! – восхищался Ямал, рассматривая и трогая груз в трюмах. – Хорош товар. Не вижу только того, что нужно нашим бабам. Им материя ярка нужен, нитки, бусы, иглы, бисер. Где он, может, спрятан? – спросил, хитро улыбнувшись, он. – Молодым девкам на свадьбу красное сукно надо, у тебя только зелёное, синее – старухам оно. В ямальской тундре нынче хороший год, девок на выданье много. Старики говорят, когда девок много, войны не будет. Ты, должно, об этом тоже знаешь? Сам известный воитель, моя наслышан о тебе.

– Товар девкам, бабам будет, за мной ещё суда идут. Потерпеть надо, – пообещал Афанасий, поправляя тюки.

– Саво, саво, – вождь был доволен ответом. – Теперь скажи, что привело тебя в тундру, зачем тебе Тар Ямал?

– Дело я хочу начать большое. Хочу канал рыть – речку рукотворную строить, – ответил Афанасий, когда они снова подошли к костру и уселись на брёвна-лавки.

– Зачем тебе канал, не пойму. Мало тебе речек в тундре? Есть широкие, бери своя лодка плыви, мала речка, морем плыви, – хитро усмехнулся самоед, сразу уразумев, о чём речь, но вида не подал.

– Всё ты понимаешь. Канал нужен, чтоб судна не волоком, а по воде проводить. Копать хочу между Нейтинскими озёрами: Ней-То и Ямбу-То. В том месте, где проходит нынешний волок, открытый и используемый давным-давно, ещё новгородскими ушкуйниками. Большие корабли будут в два раза чаще ходить в Мангазею, товару станет вдвое больше. Вам лучше – не будет залёживаться мех, не надо будет ждать красное сукно по два года, – улыбнулся, лукаво прищурившись, Афанасий. – Мы вам – товару в два-три раза больше, вы нам – пушнину, желательно соболью, мясо оленье, рыбу, клык моржовый, ягоды, и это не через два-три года, а каждый год. Понял меня?

Вождь согласно качал головой, прикидывая выгоду:

– Чего не понять. Дело стоящее. Только вот соболя здесь нет.

– Торгуйте, меняйтесь с лесными ненцами, хантами, вогулами.

– И ружья, заряды в достатке будут? – для уверенности переспросил вождь.

– Будут обязательно. Как без них! Теперича с луком не набегаешь, много зверя не возьмёшь.

Афанасий знал, как относится к вооружению аборигенов обдорский воевода, старый вояка, бравший штурмом священную гору при слиянии Иртыша и Оби, что на юге Сибири (на этом месте стоит сейчас Ханты-Мансийск). Каково было его удивление, когда гора «огрызалась» не стрелами, а залпами ружей. Воевода был нахрапист, в его представлении местных можно без усилий закидать шапками, он не прекращал бессмысленных атак, без конца терял воинов. Потому и тогда, и сейчас был непреклонен и твёрд – аборигенам ружей и припасов не давать. Афанасий же считал, что никаких восстаний в Заполярье случиться по определению не может. Здесь русские и аборигены мирно уживались, свидетельством тому – открытость и миролюбивость ненцев. В пользу этого говорило ещё и то, что с приходом сюда русских почти вдвое уменьшился ясак, который до того собирали татары в лице известного хана Кучума.

Тар Ямал, удовлетворённый ответом, широко улыбнулся, потёр довольно руки, посмотрел вприщур на холм, на котором на плоской вершине начали появляться чумы из установленных пирамидой руками женщин жердей, пока ещё не покрытых нюками – шкурами.

– Чем в таком случая моя может помочь тебе, что тут может тундра?

– О-о-о, многим. Нужны люди, много людей, нужны олени, нарты, отвозить вырытую землю, подвозить плавник. Для того чтобы прокормить эту тьму народа, нужно мясо, то есть опять олени, нужна рыба, нужен тюлений жир для костров. Оленей потребуется не единицы, а стада, чтобы их пасти, нужны опытные пастухи. Пастухам станем платить, снимем ясак. Это всё в моей власти. Сначала поставим стрелецкую заставу, таможню в устье Зелёной. Поставим там лавку, построим факторию с повседневным товаром, чтобы не ездила северная тундра за всякой мелочью в Обдорск или в Мангазею. Далеко это и невыгодно.

– Саво, трэм, – удовлетворился разговором Тар Ямал. – Приходи в гости в моя стойбище. Будет праздник. Бери своих людей. Моя будет камлать, пойду говорить с духами, если примут, то встречусь с самим Сэру Ирику.

Афанасий почуял, что дело скорее всего сладится, но для надежности переспросил:

– Мы не помешаем? Мы другой веры.

Вождь добродушно улыбнулся и покачал головой:

– Нет, для него нет разделений: свой, чужой; наши, не наши.

– Саво, – по-ненецки ответил Афанасий и согласно кивнул головой.

– Рад знакомству. Скоро жди Хаулы. Он из тундры пригонит для вас мал-мал олешек.

– Ещё не заслужили, – начал было Афанасий, но от подарка не отказался. – Благодарствую. Не помешают олешки. Да и тоскливо на одной рыбе.

Тар Ямал сел в нарты и с Хаулой умчался к своему только что устроенному стойбищу.

К вечеру Афанасий позвал в палатку Заварзина и дал указание насчёт подарков вождю, семье и приближенным. Заварзин, как обычно, начал брыкаться, отговаривать, но тут с вышки раздался крик караульного:

– Корабли на море!

– Чьи суда видишь? – прокричал, выскочив сломя голову из палатки, Афанасий казаку, расположившемуся в гнезде вышки.

– Похожи на наши. Наши кочи, воевода.

– Ну, слава богу, вернулись. Я переживал, вчера ветер дул изрядный, всякое могло случиться.

– Для наших поморов ветер – не ветер. Им и ураган нипочём, – хвастанул изрядно Заварзин и даже покраснел. Ураган ведь – он для всех ураган. Редко кто от него целым уходит. А Заварзин не унимался. – Здесь море спокойное, в нашей Двине и то волны круче.

Встречать корабли, побросав насущные дела, бросилось всё население стана. Не успели кочи пристать, как с бортов полетели канаты, а с берега начали громоздить на борт сходни. Первым на твердь земную спустился Василий Севрюк, поклонился встречающим, широко перекрестился.

– Здравы будьте, други-товарищи, люди становые, – помолчал, вздохнул облегчённо. – Ну, слава богу, вернулись в целости, в сохранности! Хвала нам, нашему плаванию.

– Здрав будь и ты, Василий. Как охота, как добыча? – шагнул Афанасий к другу, первому помощнику и крепко обнял его.

– Слава богу, удачна. Достаточно взяли, сейчас будем сгружать, сам увидишь. А это что за чумы? Тар Ямал приехал? – кивнул он в сторону стойбища ненцев.

– Он. Его становище. Приглашает нас в гости. Будет праздник, он камлать станет, разговаривать хочет с их главным Богом Сэру Ирику.

Севрюк оглядел стан.

– Это хорошо. Я думаю, наше дело нашло понимание. Смотри, сколько народу он с первого раза собрал. У самоедов летом дел по горло, его и это не остановило, – сказал Севрюк, и они с Афанасием отошли чуток в сторонку, чтобы не мешать снующим вокруг ребятам.

Воевода тем временем продолжал:

– Это, конечно, важно, но, я думаю, он стада без пастухов не оставил. У него людей хватает. А большие корабли, стрельцы, казаки тоже не каждый день в его тундре появляются. Им на нас, как на чудо, посмотреть хочется. Самое главное, чтоб нам людей выделил. Он для этого и камлать собрался, будет советоваться с Сэру Ирику. Наши монахи подняли хвосты супротив любых дел с язычниками и народ начали против них настраивать. Мне пришлось принять меры, языки прищемить, а Козьму-зачинщика вообще из отряда выгнать.

Севрюк печально покачал головой:

– Козьму жаль, но что тут поделаешь, уж так давно повелось, так сложилось – ко всем у церковников есть терпимость, а к язычеству нет. Наверное, такое из-за жертвоприношений.

– Не скажи-и, – протянул Афанасий. – С иудеями мы тоже не больно ласковы, да и католиков не особо чтим. Тут не столько жертвоприношения, а поди разберись, чья кровь на идолах, может, человеческая. А сохранившиеся капища на севере! Там девок молодых в жертву приносили, может, и сейчас продолжается это варварство.

– Афанасий, ты говоришь, бунтовали монахи, мои там не принимали участия? – в голосе Севрюка послышалась тревога. – Ты с ними не мягко обошёлся, одного наказал, может,

поглубже копнуть, наказать сурово, без пощады. Бунтовать, смуту сеять – дело последнее, зараза может дальше распространиться.

– Твоих мореходов не наблюдалось, – успокоил Афанасий. – Может, и держал кто крамолу в голове, но ума хватило в смуту не лезть. Насчёт остального... – воевода помялся. – Тут палку не перегнуть бы, Василий, уж больно скор ты на расправу. Ты лучше поговори сам с людьми, прощупай их.

– Чего их щупать, я и так знаю, мои люди в своей вере крепки, а в чужую не лезут. Это я так, на всякий случай спрашиваю.

– Я думаю, и остальные образумятся. Поживут рядом с самоедами, увидят, какой это славный, миролюбивый народ, поймут, что с ними дружить, торговать надо, а не ссориться. Ладно об этом, – Афанасий махнул рукой, будто отгоняя недобрые подозрения. – Сам-то пойдёшь со мной к самоедам? Я от лица Тар Ямала приглашаю. Взял бы с собой крепких в вере мужиков, сильных, ловких. Там игрища намечаются. Надо бы за честь отряда постоять...

– Коли лишний не буду – пойду. Пищали можно взять. Стрелять будем?

Афанасий молча кивнул, а Севрюка осенило:

– Мы ведь нынче, окромя тюленей, трёх моржей-самцов взяли. Не с пустыми руками и пойдем – подарим Тар Ямалу.

На том и порешили ради такого большого дела.

Хаулы саженях в двадцати от стана остановил небольшое стадо олешек. Олени сразу же сбились в кучу, склонив головы, и, удовлетворённо захоркав, с жадностью набросились на питательный мох.

Хаулы приехал не один, на вторых нартах сидел совсем молоденький паренёк, где-то одного возраста с Ивашкой.

– Ани тарова, еруа[6]! – весело поприветствовал он собравшихся.

– Хаулы, посмотри, каких мы моржей взяли! – не удержался Василий и махнул в сторону места, где ребята выгружали огромные туши.

– Хоро-о-ш-ш! – с восхищением ответил ненец. – Моя никогда не бил тиутея. Жалко, наши на него почти не ходят. Пойду другой раз с вами, возьмёте?

– Возьмём, чего же не взять, – пообещал Севрюк, довольный тем, какое впечатление произвела их добыча. – Этот тиутей – подарок Тар Ямалу. Наши разделают – повезёте. Надо бы ещё пару нарт подогнать, на одних всё не забрать.

– Подожди разделывать. Нельзя тиутея так, – Хаулы выхватил нож из ножен, подскочил к тюленю, сноровисто вырезал оба глаза и бросил их в воду. – Так надо. Его дитя моря, ему нельзя видеть землю. Может перевестись. Скажите другим луця: пускай, если хотят удачных охот, тоже так делают.

– Хорошо, хорошо, сделаем, – про себя улыбнулся Афанасий и пояснил Севрюку. – Я уже встречался с этим поверьем, и не только у самоедов. За ним что-то большее кроется. Может, страх инородцев перед морем, перед океаном. Они же, по сути, не знают его, – и снова повернулся к самоедам: – Хаулы, ну так как насчёт грузовых нарт? Вандако хан тара?

– Сейчас сделаем, – кивнул головой самоед, что-то сказал по-своему молодому ненцу. Тот без разговоров сел в нарты и погнал оленей краем долины к своему стойбищу.

Пока суд да дело, прибежал Полкан и закрутился вокруг моржей, облизываясь. Рядом с ним, вторя ему, бегала и повизгивала маленькая, непонятно откуда взявшаяся собачонка. Видимо, тундровая, смесь собаки с песцом.

– Вот даёт Полкаша! – зубоскалили на его счёт казаки. – Уже невесту себе в тундре нашёл. Вот это кобель! Настоящий!

– Моя не сказал, зачем приехал, – досадливо стукнул по голове себя Хаулы. – Моя оленей вам пригнал.

– Благодарствую за щедрый подарок. Да куда нам сейчас столько? – засомневался было Афанасий. – Во-первых, за ними следить надо, пастухи нужны, а у нас никто этим не занимался. Забивать всех разом тоже нельзя, мясо при такой жаре не сохранишь. Мы ведь скоро отсюда уходим, не в кочи же их селить, места нет, сами по очереди спим.

– Их немного, мы ещё отсюда на праздник на три дня возьмём. Хорошо возьмём, гости со всей тундры будут у Тар Ямала. Что не съедим, я сам погоню на Нейтинские озёра, вслед за вами. Так что за пастухов не волнуйтесь, – заверил Хаулы.

– Не близок путь-то,– попытался возразить Василий.

Но Хаулы его не услышал.

– Так велел Тар Ямал. Он хозяин, он вождь, – ответил он твердо, стало понятно, что отказываться уже нельзя.

Афанасий чуть вздохнул, но спорить было не в его интересах:

– Что ж, это большой подарок с его стороны. В должниках мы будем.

– Ладья в море! – внезапно закричал караульный с вышки. – Не наша. К нам поворачивает.

– Приготовиться к встрече! – скомандовал Афанасий, и сейчас же стрельцы, казаки рассыпались, заняли свои места для обороны. Мореходы, наоборот, сгрудились у берега, пытаясь издали узнать, что за гость к ним пожаловал.

Через небольшой промежуток времени ладья вошла в устье Чумовой и с трудом из-за слабого ветра и малого для такого судна паруса поднялась вверх, к причалу русских кораблей.

– Это наша лодка, ненцев-охотников, – ещё издали и первым узнал её Хаулы, с беспокойством поглядывая на караульного, заряжавшего пищаль, раскуривая от кресала запальный фитиль.

– Ничего не поделаешь, – разъяснил Хаулы Афанасий. – Всякий раз такие меры предосторожности, когда незнакомое судно входит в русскую гавань.– И тут же дал отбой караульному, казакам и стрельцам.

Из ладьи по очереди стали выходить вконец измотанные, в изодранных малицах ненцы, человек шесть небольшого роста, но коренастых и крепко стоящих на ногах. Они, вероятно, совсем не знали русского языка, поздоровались по-ненецки и растерянно замолчали, с интересом и даже боязнью разглядывая большие суда, не в пример их, с высокими мачтами, с большой забранной оснасткой парусов. С удивлением смотрели на обжитый стан со множеством незнакомого народа, на жаркие костры и большие шатры.

Поморы, осматривая и оценивая, приблизились к ладье, щупали, тёрли, неодобрительно отзываясь, дырявый, вконец изношенный парус. Стучали по корпусу лодки, по сиденьям, прислушиваясь к звуку, и, тяжело, неутешительно вздыхая, качали головой. Совсем небольшой оказалась лодка, в длину около трёх саженей, шириной в три аршина и высотой в аршин. Как в неё вмещались шесть человек, не понимали здоровенные поморы. Сработана ладья оказалась всего из шести широких досок, между собой посаженных на деревянные шипы и клинья.

– В море на таком корыте ходить – чёрта морского тешить! – подытожил Мишанька Севрюк, младший брат Василия.

– Не поминай чёрта где попало! – влепил ему подзатыльник старшой. – На таких лодках в море ходить – надо отважное сердце иметь, силой немереной обладать. При сильном ветре и волнах так подавно...

– А мне сдаётся, прав Мишанька. Зачем неоправданный риск? Не морские они люди, в море из-за нужды, скорей всего, лезут. Им оленей пасти – вот их дело, – поддержал малого отвечающий за безопасность отряда Заварзин.

– Что правда, то правда, – вступил в разговор Хаулы. – Но у нас других лодок нет. Тар Ямал на такой же на Белый ходит, Сэру Ирику молится. И я с ним ходил, бил дикого оленя.

– Тар Ямал – шаман, колдун, он моря не боится, за ним его боги приглядывают. Ты лучше узнай у своих охотников, как они узнали, что мы здесь стоим? – спросил Заварзин о том, чему сразу подивился, как только приехали.

– Они говорят, это хард[7] им вас указал, – показал Хаулы на вышку. – Русский дом – вышку сначала увидели, потом большие нгано[8] заметили и дым от костров. Решили, по всем приметам русские стоят, луця в друзьях у ненцев, бояться нечего, и зашли, чтоб узнать, что да как? Зачем луця пришли?

Русские мужики переглянулись и, одобряя наблюдательность самоедов, заулыбались, захлопали ненецких моряков по плечам. Гости же, превратно истолковав улыбки, увидели в них охаивание лодки, потому лица их стали суровыми и налились багряной краской. Хаулы поспешил объяснить своим причину радости луця, и ненцы закивали головами, заулыбались широко и бесхитростно.

– Хаулы, спроси у них, много ли нынче морского зверя? – обратился Афанасий к толмачу.

Самоед перевел, а в ответ ему наперебой посвоему отвечали несколько, показывая размеры, наверно, добычи руками.

– Говорят, много. Они двух тюленей и пять нерп взяли. Сегодня, говорят, охота что надо.

Завтра опять в море пойдут. Пока зверь идёт, успевать надо.

– Далеко ли их стойбище? Как они туши хранить собираются? – спросил Заварзин, разглядывая добычу ненцев.

– Их стойбище – два дня пути в сторону Камня. Добычу в мерзлоту зароют. За полдня, говорят, управятся, – передал Хаулы.

В разговор вступил Афанасий, который до того времени отмалчивался, приглядываясь к новым гостям:

– Скажи им, что сегодня в стойбище Тар Ямала праздник, вождь собрался камлать в честь Сэ-ру Ирику. Пригласи их, пусть приходят. Игры, состязания предстоят. Вон оно, стойбище-то, на холме. Я думаю, что Тар Ямал не осудит нас.

Об ответе сразу догадались, судя по довольным улыбкам и кивкам гостей.

– Трэм. Обязательно. Гость из тундры, а тем более с моря – в радость хозяину, – перевел Хаулы.

– Ну и ладушки, коли договорились! Ребятки, угостите гостей, – скомандовал своим Афанасий. – Я по их глазам вижу, что ужас как голодные. Натрудились так, поди, что быка зараз замять могут.

Солнце перевалило за полдень, настала пора сборов на праздник, Афанасий отобрал с десяток крепких, умеющих себя показать мужиков, и они пешком зашагали вместе с ним к стойбищу. Благо, оно стояло не так далеко от стана проходцев. Стрельцы и казаки несли мешки с подарками для ненцев, для самого вождя, Игнашка, в отличие от всех, нёс на плече пищаль. Спереди на его поясе красовался длинный с инкрустированной ручкой кинжал в червлёных ножнах. Пищаль, заполненная порохом и свинцовым припасом, висела на левом плече, к правому плечу прикрепили длинный, чуть не в рост Игнашки, лук, с ним – оперённые стрелы в колчане. Отдельно в мешковину Игнашка завернул запасные тетивы, запальные фитили и кресла. В общем, вооружился татарин до зубов, как будто не на праздник, а на сечу собрался. Они шли известной звериной тропой, вдоль реки, как и в тот день, когда повстречали Хаулы. Позади русских шагали низкорослые, едва видимые из-за густой, высокой травы и тростника морские охотники из самоедов.

– Смотри, Афанасий, к стойбищу ещё гости направляются, – с удивлением воскликнул Заварзин, показывая рукой на юг, где пять оленьих упряжек аргишем двигались к ненецким чумам.

– Это хорошо. Пусть хоть вся тундра сюда стекается. О нашем деле говорить с ней будем, – обрадовался Тучков. – Чем больше народу будет знать о нас, тем на большую помощь можем рассчитывать, тем успешнее пойдёт наше дело. Должно, слух о нас распространился по всей тундре. Как быстро-то. Не успели появиться, а уже все знают. Не зря ненцы говорят, что нет в тундре никого быстрее оленей, слух только – лишь он превосходит их.

На стойбище, вблизи расположенных полукругом чумов, уже запалили костры. Голубовато-жёлтое пламя поднималось высоко вверх, быстро и жадно пожирая припасённый загодя плавник. Там и тут стояли лёгкие мужские и женские нарты приехавших гостей. Вдалеке, в низине, паслось ещё одно небольшое стадо пригнанных издалека оленей. Вероятно, кто-то из знатных гостей не поскупился на подарок вождю. Возле стада, сдерживая животных, носились с тынзянами (арканами) пастухи. Пара собак, помогая пастухам, звонко лаяла, псы хватали за ляжки упёртых, не туда, куда надо, скачущих оленей. Собаки напомнили поморам Полкана, который так рвался с ними к Тар Ямалу, но, опасаясь, что его потреплют местные псы, его оставили в своем стойбище. Встречать поморов вышло всё население стана. Женщины, старики, дети, обгоняя друг друга, вываливали из чумов и пристраивались к процессии, которую вели мужчины в расцвете сил во главе с Тар Ямалом. Все смотрели на поморов как на диковинку, бабы, округлив глаза, из-под платков, с призывом, не стесняясь, рассматривали здоровенных, не в пример самоедам, мужиков. Хозяев набралось человек сорок, может, и более. Мужчины, одетые в чистые, лёгкие, расшитые узорами малицы, все как один стояли при ножах, помещённых в украшенные медными бляшками ножны, с точильными камнями на поясе, с оберегами. Все с луками и стрелами через плечо, редко кто – с ружьями. Женщины, не менее красочно разодетые, с малыми детьми, тоже в ярких одеждах. Звонко лающие собаки тоже приветствовали гостей. Радостное оживление царило в стане Тар Ямала.

Тар Ямал знакомил поморов со своими родственниками, некоторые, не утерпев, сами

шли навстречу, знакомились, жали руки, общались, понимая один другого с помощью мимики, жестов. Меж тем к стойбищу подкатили нарты, гружённые мясом моржа, каюры с криком осаживали оленей прямо напротив чума вождя. Не успели они затормозить, как их окружили ненцы, с удивлением рассматривая голову моржа, его огромные, едва ли не в четверть сажени, жёлто-белые клыки. Афанасий засучил рукава кафтана, взял в руки тяжёлую голову моржа и преподнёс её Тар Ямалу.

– Прими подарок, уважаемый Тар Ямал, от русского люда, – торжественно проговорил он. – Этот тиутей твой.

Вождь растрогался, приняв голову моржа, и тоже торжественно ответил по-русски:

– Твоя подарка не нам, она Великому Духу нашему Сэру Ирику, – поклонился он низко Афанасию. – Поеду на Белый, понесу эту голову, эти клыки на жертвенник богам.

Ненцы, окружавшие говорящих, одобрительно закивали головами, загалдели, но, повинуясь поднятой руке Тар Ямала, сразу замолчали.

– Говори, – обратился он к воеводе. – Что ты хотел ещё сказать?

– А эти подарки для твоих людей и жёнок, – сказал Афанасий и сделал знак стрельцам, которые мигом расстелили на земле холст парусины и на него из мешков высыпали дары.

– Спасибо, – поблагодарил Тар Ямал. – Хороши подарки. Бабы будут рады. Хаулы, Сюэку, отнесите их в священный чум и принесите оттуда свёрток.

Молодцы ухватили парусину, попробовали её поднять, но сил не хватило – тяжёлые оказались дары, тогда, исхитряясь, потащили её волоком по траве. Из шатра, как и велел Тар Ямал, вытащили, тоже пыхтя и напрягаясь, большой узёл. Развернули его и выкатили на траву шкуру огромного белого медведя, около трёх саженей, наверное, в длину, с густым подшёрстком и длинной шерстью, слегка пожелтевшей у передних лап.

– Ого! Ну и ну! – завосклицали гости.

– Вот это да! – не удержался даже просолённый всеми ветрами и морями шкипер Василий Севрюк.

Конечно, поморам белый медведь не в диковинку, они, бродя по просторам Ледовитого океана, часто встречались с ними, особенно в Белом, Карском морях. Но этот значительно превосходил всех ранее ими виденных – было, знать, чему удивляться.

На шкуру медведя самоеды выложили ещё несколько связок песцовых шкур, сверху – лисьих и отдельно десятка два более ценных горностаевых.

– Прими, не откажись, и мои подарки, воевода, – сказал Тар Ямал. – Это тебе и твоим воинам.

– Спасибо, спасибо, Тар Ямал! – поблагодарил Афанасий. – Скажи, где взяли такого великана. Мы таких никогда не видели.

– Этого? – небрежно повернул он голову к шкуре медведя. – На Белом, там такие не редкость. Благодатный остров, там всего полно, всё крупное, здоровое. Это Сэру Ирику забота, он нам помогает, – улыбнулся старый вождь, довольный произведённым впечатлением, и поднял руки, требуя от собравшихся внимания. – Народ мой, гости дорогие, начинаем игрища. Пусть потягаются мужчины и молодые парни. Пришло ваше время похвастать своей удалью, силой и смекалкой, – нараспев протянул он и взмахом руки сделал жест, приглашающий вниз, к подножию холма, на поляну.

Все гурьбой спустились к месту игрищ, сюда же привели оленьи упряжки с грузовыми нартами, освобождёнными от поклажи. Оленей выпрягли и отогнали в стадо.

Первым делом устроили состязания по прыжкам в длину с места. Надо сказать, что у самоедов это любимое занятие, они любят не столько ходить, сколько передвигаться вприпрыжку. Самоед, спешащий куда-то, может запросто ни с того ни с сего остановить упряжку и начать прыгать или бежать вприпрыжку за нартами. Стороннему наблюдателю смешно. «Головушка дурная», – думает он. Ан нет, не так: это ноги затекли от долгого сидения у погонщика (каюра) и он их разминает – приводит в чувство.

Хаулы прочертил хореем седой ягельник, взрыхлил по черте землю колотушкой, дойдя до жёлтого суглинка. Для начала устроили состязания мальчишек, которые прыгали по три раза. Им предложили снять с себя тяжёлую одежду и хорошо размяться – попрыгать до усталости на месте. Взрослые горячо болели за своих отроков, криками поддерживали сыновей, родственников, особенно переживая, со-

чувствуя их неудачным попыткам и падениям. Испытания казались с виду простыми, однако уже после третьей попытки многие от усталости валились с ног на мох и долго приходили в себя, тяжело дыша и широко раскинув руки. Затем пришла очередь молодых парней, трое соколов вышли из толпы, не снимая одежды и даже не сбрасывая широких ремней с ножами, встали рядом друг к другу у черты и по сигналу сиганули вперёд. Потом повторили прыжок и так до трёх раз. Победителем, как и у мальчишек, стал высокий, жилистый парень из рода Тар Ямала, тот самый, что приезжал вместе с Хаула за моржом в стан мореходов. Люди криками, хлопками, барабанным боем приветствовали своего любимца.

– Это старший брат моей бабы, зовут Тэмзу Наречи, – похвастался гостям довольный победой родственника вождь. – А маленький – его брат. Оба победителя.

Афанасий удивлённо посмотрел на старого и невольно спросил себя: «Это сколько же лет жёнке колдуна, если её брату на вид не больше семнадцати? Неужто с такой молодой, а справляется?»

Каждому победителю сам Тар Ямал подносил награду: мальчишке – маленького оленя, Тэмзу Наречи – нож в красивых ножнах. После юношей пришла очередь взрослых. Хаулы сменил тяжёлые унты на лёгкие кисы, вышел к черте и крикнул Игнашке:

– Еруо, Игнатий, давай соревноваться. Кто кого, а?

Татарин сверкнул своими узкими глазами и вопросительно посмотрел на Афанасия. Тот широко улыбнулся и согласно махнул рукой.

– Иди, испытай счастье. Но вряд ли кто ненца перепрыгнет, это же их хлеб, они же не ходят, а летают по земле.

Загорелся Игнашка, скинул пищаль на землю, бросил на руки казачонку пояс с саблей и кинжалом, расшнуровал, чуть ли не отрывая петли, свой ярко-зелёный стрелецкий кафтан, отдал ему же и выбежал к черте. Самоеды, видя такой порыв и готовность к бою, дружно поддержали его: «Давай, луця! Покажи, луця!»

Знал бы татарин, куда полез, – Хаулы слыл лучшим прыгуном Ямала.

– Стой! – закричал ему Тар Ямал. – У нас так не можно. Настоящий мужчина раздевается только в чуме. На равных надо соревноваться. Надень свою малицу.

– Пускай, я-то что, я ничего. Против, что ли, – надел обратно поданный ему казачком кафтан Игнашка. Посмотрел на снаряжение Хаулы и надел пояс, отстегнул от него саблю, кинжал оставил. Понятное дело, с саблей, тем паче с Игнашкиной – длинной и тяжёлой, далеко не ускачешь.

– Тар Ямал, к тебе ещё гости! – оповестил вождя Афанасий, первым разглядев четыре неизвестных упряжки, подъезжающих к сборищу. С первой на ходу спрыгнул статный ненец и что-то громко закричал, привлекая к себе внимание. Люди загомонили, засуетились, расступаясь и давая дорогу старшому.

Вождь не шелохнулся, стоял и молчал, сурово косился на приезжего. Приезжий в белой лёгкой малице с меховой оторочкой из голубого песца, с красными ремешками на пимах почтительно приблизился к вождю, нерешительно остановился шагах в трёх.

– Ани тарова, Тар Ямал, – показно бойко выкрикнул он, повернулся к русским и уже потише добавил. – Ань тарова, луця.

– Ани тарова, – ответил, не скрывая пренебрежения, вождь.

Приехавший скорчил кислую гримасу, начал что-то энергично объяснять Тар Ямалу.

– Кто это? О чём они? – спросил Хаулы Афанасий.

– Приехал Нгарвумы Окатэтто, просит разрешения ему и его брату принять участие в празднике.

– Что же вождь? По лицу вижу – против. Почему?

– Окатэтто две зимы назад нарушил закон предков, разорил слопцы[9] Тар Ямала. Взял пойманного не им песца, – пояснил Хаулы, что сам знал.

– Как проведали? – выведывал Афанасий.

– Моя сам проверял слопцы. Прошёл по следу вора, след вывел прямо к стойбищу Нгарвумы. Моя не побоялся, зашёл в чум и прямо в лицо ему сказал.

– И он что? – заинтересовался Афанасий, он впервые столкнулся с трениями местных родов, тем более с воровством...

– Нгарвумы сказал, что это его брат ошибся. Он чужие слопцы за свои принял. Как можна! – возмутился Хаулы, вспоминая воровство рода Нгарвумы. – Никак нельзя! Границы родов дети знают, а тут взрослый охотник.

– Да и впрямь, – согласился Афанасий. – Ваши охотники не только местность знают, они её нюхом, как звери, чуют. О чём они ещё?..

– Э-э, Тар Ямал прямо отказать не может, он шибко умный. Он о тебе говорит, что ты большой русский начальник, присланный от самого московского царя. Ты его почётный гость, прибыл с дорогими, каких он не видел, подарками. Он говорит, как ты скажешь, так и будет. Нгарвумы она не плохой, он брата защищал, брат – да, он его подставил. Нгарвумы ещё прыгать умеет, моя с ним много раз встречался.

Афанасий усмехнулся хитрости вожака, поставившего его судьёй между самоедами. Вот теперь думай, не обидит ли он вождя, разрешив принять участие в празднике человеку, покусившемуся на чужое добро. С другой стороны, ему не хотелось отталкивать от себя влиятельных старшин других родов. Нгарвумы, судя по выправке, по тому, как держится, человек именитый, да и Окатэтто – фамилия не последняя среди родовитых кочевников. Так рассуждал про себя воевода: «Тут надо действовать осторожно. Интересно, что скажет на этот счёт Хаулы. Он, по всему, первый человек у Тар Ямала, должен знать».

– Хаулы, мне Нгарвумы вреда не сделал, но не обидится ли Тар Ямал, если я дам согласие Окатэтто остаться, – обратился он к толмачу.

– Нет! Твоя не знает наших обычаев, они будут обязаны на мир пойти. Нгарвумы получил урок, с его родом два года никто не разговаривал, дел не имел. Потом ты не сведущ, а они родственники. Родственники должны в мире жить, помогать друг другу, а не ссориться.

Старик что-то повторил гортанно и непреклонно, и Нгарвумы как ни хотел, но переломил себя, подошёл к Афанасию и стал о чём-то просить.

– Он просит у воевода остаться на празднике, – перевёл Хаулы.

Окружающие вожаков ненцы притихли, их интересовало решение луця – русского воеводы. По его решению они могли составить мнение, чего воевода стоит.

– Скажи, что я знаю, из-за чего сыр-бор. Скажи, что русский царь тоже не любит разбоя, не любит и поругания законов предков. За это строго наказывает, – Афанасий смолк, дал время толмачу перевести, а просящему усвоить. – Ты не должен повторять содеянное. Если ты согласен, то я не против того, чтобы ты, Нгарвумы, и твой род присутствовали на празднике. Я буду просить Тар Ямала, чтобы он простил тебя и подал руку дружбы в знак примирения родов.

Ненцы, напряжённо слушавшие речь луця, одобрительно загудели, вперили взгляды в Нгарвумы, ожидая его реакции. Нгарвумы резко повернулся и опять шагнул у Тар Ямалу, что-то резко ему сказал.

– Тар Ямал не помнит зла, – ответил на его раскаяние вождь и протянул руку навстречу провинившемуся. И тут же спросил. – Прыгать будешь?

Нгарвумы, до глубины души довольный произошедшим, тем, что гора с плеч свалилась, охотно согласился на прыжки. Затянул потуже пояс и вышел к черте.

Прыгунов набралось достаточно, их разбили на тройки, условились, что тройки прыгают разом. Нгарвумы, Игнашка и Хаулы оказались в первой тройке. Задание прыгунам усложнили, во-первых, им связали мягкими ремешками из сыромятной кожи ноги у лодыжек, во-вторых, заставили делать не один, а сразу три прыжка.

– Прыжок будет тройной, – объяснил собравшимся прыгунам действия своих помощников Тар Ямал. – Каждый прыжок важный. Первый – мерило прыгучести, второй – силы, третий – выносливости. Куда в конце улетишь, то расстояние и есть результат. Понятно? Измерять прыжок, чтоб не было споров, я буду сам вот этой хасава янгань, – указал он на отполированную до блеска палку с насечками мер длины.

Как ни старались, как ни напрягались Игнашка, а особенно Нгарвумы (очень хотелось ему после морального унижения реабилитировать себя), но ничего не вышло. Длинноногий, голенастый Хаулы сигал, как заяц, мощно, высоко и далеко. Летел, задрав ноги выше головы, вперёд, приземлялся не как все – не на зад, а на пятки. Нгарвумы отставал от него не так уж далеко, все-

го на вершок-два, злился, к чему-нибудь придирался, просил повторить, но тщетно – Хаулы только увеличивал разрыв между ними. Желающих попробовать себя оказалось сверх меры, в это действо включились ненецкие моряки и другие приезжие, набралось ещё пять троек. Их результаты, замеренные мерной палочкой Тар Ямала, оказались существенно ниже прыжка Хаулы. Тар Ямал, несмотря на это, дал победившим в тройках возможность посостязаться с прыгуном-летуном Хаулы. Всё напрасно, никто, кроме Нгарвумы, не оказал достойного сопротивления победителю, все оказались далеко позади. На радость собравшихся вышел к черте и сам Тар Ямал, но так, потехи ради, хотя, надо отдать ему должное, он даже сумел перепрыгнуть нескольких молодых прыгунов. После состязаний пошли награждения. Хаулы получил упряжку породистых оленей – четвериком. Далее начались состязания мужчин на перетягивание. Мужики выбегали на поляну, садились на траву, лицом к лицу, упирались ступня в ступню и, взявши друг друга за локти, пытались оторвать соперника от земли, вытягивая его на себя. Хаулы опять попробовал затравить в это дело Игнашку, но тот, видимо, осознав, что с ненцами бороться в ненецких же игрищах бесполезно и неблагоразумно, категорически отказался. Потом началась похожая борьба на палках. На палках русские были умельцами, у себя на родине, на гуляньях устраивали палочные перетяжки.

– Корней, что стоишь пень пнём? Ты же дома всех заламывал, давай покажи аборигенам, как русские могут! – подзадоривали Заварзина мужики. – Давай, Корней, давай! Постой за Расею-матушку! – кричали его подчинённые стрельцы и казаки. – Или кафтан жалеешь – порвут иль замарают?! – подначивали мореходы.

– Ничего я не боюсь, – огрызнулся Заварзин. – Не пристало мне с молодняком бороться, не тех я уже годков. Дозвольте, ученик мой выйдет, за меня постоит. Ну-ка выходи, Мишаня, задай им перцу, – окликнул он молодого стрельца.

– Этот подойдёт, этот сгодится, – заорали одобрительно, соглашаясь с его выбором, стрельцы. – Мишаня, когда ест, ему равных нет, а в борьбе тем паче – нетути. Этот не посрамит. Должён взять.

Краснорожий увалень Мишаня, смущённый оказанным ему доверием, ещё больше побурел, стал как маков цвет, заотнекивался, но когда узнал, что за победу могут откормленного оленя преподнести, слюнки потекли. Так и согласился. Вышел на поляну и, особо не напрягаясь, перетянул всех противников, побросав их, хотя этого и не требовалось, через себя, чем заслужил одобрение поморов. Ещё бы, с весом в восемь пудов, то есть более чем два вместе взятых крупных ненца, трудно нашему Мишане противостоять.

Затем пошло перетягивание тынзяна, то есть кожаного аркана, здесь опять ненцы вызвали на поединок русских. Те, наперёд думая, что без усилий победят, одним своим весом перетянут, охотно согласились. Однако, когда взялись бороться пять на пять, поняли, что поспешили с выводами. Ненцы хоть и легче путешественников, но как упёрлись ногами в землю, так не сдвинешь, как будто вросли в неё. И сколько наши ни упирались, сколько ни пыхтели, ни напрягали до разрыва мышцы, так ничего и не вышло. А когда вымотались, ослабли, ненцы дружно дёрнули и полетели русские молодцы на сторону ненецкую, едва не подмяв их пятёрку под себя.

– Не смотри, что не велик, крепко стоит на ногах кочевник, и в руках сила немалая, – вслух подытожил, немало удивляясь, Василий Севрюк.

А чему тут удивляться? Они постоянно с оленями, арканя их, борются. Пойди осиль его, этакого здоровяка. За стадом не менее тыщи вёрст в год по тундре проходят. Тундра тебе не степь твёрдая, а сплошные болота да озёра. Вот и ноги у них, как у скаковой лошади, в упругих мышцах.

Праздник меж тем набирал силу. Дружно занялись бросанием тынзяна на всаженный в землю хорей. У хорея, чтобы сподручнее и легче шёл в землю, на конце острый металлический наконечник. И опять здесь удача улыбнулась Хаулы, он больше всех угодил в цель – забросил тынзян на хорей и один заслужил награды зрителей в виде бурных восторгов, хлопков и громких ударов в бубен. А главное – дополнительную награду, которой цены не было, – улыбку и многообещающий взгляд своей возлюбленной. Она стояла тут же, только чуть в сторонке от кричащей толпы, и переживала, с волнением следила за своим суженым. Но внешне не показывала, лишь по лихорадочно блестевшим глазам, направленным на участников, и по вспы-

хивающему румянцу на щёках угадывалось, к кому относятся столь драгоценные вздохи.

– Чего срамиться? Тут и детвора самоедская нашего брата легко обскачет, – останавливал Корней тех, кто пытался в метании тынзяна с ненцами соревноваться. – Вот волосяным бы, тем можно, есть среди нашего брата табунщики, а кожаным только ненцев тешить.

– Теперь начинается самое главное. Будем из лука стрелять, – снова прорезал толпу зычный глас Тар Ямала, и он показал на торчащие из земли шесты. – Проявим меткость, силу и сноровку. Кто первый?

Шесты вкапывали загодя, пока шли другие состязания, поставили их шагах в ста от поляны, шесты не толстые, не длинные, с запястье девичье толщиной, с сажень высотой.

Первым опять вызвался Хаулы, он взял протянутый братом двухаршинный лук и колчан со стрелами, вышел на рубеж – черту, которую тоже прочертили заранее, и, примерившись, изготовился к стрельбе. Толпа замерла, тут вопить не следовало, поскольку настрой едва ли не самое важное при стрельбе, тут нужны спокойствие, тишина. Толпа и затихла так, что стало слышно зудение комара в воздухе, хорканье оленей в тундре. Самоед натянул тетиву, прицелился, выстрелил, и стрела запела, засвистела и через мгновение впилась, качнув оперением, в шест. Не медля, пустил вторую, и она по примеру первой плотно, с хрустом вошла в дерево. Пустил третью, но та изменила охотнику, лишь черкнула по шесту, срезав щепу, и ушла в тундру. Выходили к рубежу ещё охотники, многие хотели показать себя, в меткости превзойти самого лучшего. Куда там – расстояние сто шагов это тебе не под носом, тут глаз-алмаз нужен и рука, как лапа сокола, лук добрый. Выходил и всегдашний соперник Хаулы, родственник Тар Ямала Нгарвумы – добрый стрелок, но и он попал только дважды, третья стрела и вовсе улетела в сторону. Хаулы опять оказался первым, лучшим, за что его благоверная наградила преданным, обожающим взглядом. Тар Ямал достал свой лук, но стрелять не стал, подошёл к Афанасию, спросил:

– Может, кто из твоих воинов попробует? Вот возьми, – протянул он лук и стрелы Афанасию. – Это хороший лук, я с ним много лет не расстаюсь.

Тучков лук принял и обратился к своим людям:

– Ну что, воины, кто хочет испытать самоедский лук?

– Зачем нам самоедский, когда свой есть? Выходи, Игнашка, покажи им, как стрелять надо, – вразнобой закричали стрельцы.

Игнашка знал себе цену, не торопился с выходом. Он сначала поломался, покапризничал, потом взял самоедский лук, осмотрел его, взвесил на руках, пощипал тетиву, помял её пальцами, натянул, усмехнулся в тонкую ниточку усов и, отложив лук в сторону, выдал:

– Не пойдёт. Слабоват. Я из своего буду!

Взял из рук казачка свой лук, взял и колчан со стрелами, колчан повесил через плечо, за спину, у лука же попробовал пальцем тетиву, словно настраивая гусли, подтянул её и вышел к черте. Встал к мишеням чуть боком, достал сразу три стрелы, одну положил на лук, натянул тетиву до глаза и, почти не целясь, выпустил. Не успела первая долететь до цели, как следом пошла вторая, за ней – третья, все три почти в одно место – в первый шест, затем снова три – во второй шест и опять три – в третий шест. Стрельба происходила настолько быстро и скоротечно, что собравшиеся не успевали взоры перекидывать от Игнашки к шестам, от шестов к Игнашке, не понимая, что происходит, очнулись, когда девятая, последняя, пропела в воздухе и вонзилась, дрожа серым оперением, в дерево. Афанасий и стрельцы, конечно же, знали о великих способностях татарина, но и они дивились, не могли сдержать восхищения способностям воина. Хаулы – так тот совсем потерялся, стоял, раскрыв рот, не веря глазам своим, он оторопело глядел на мишень. Он думал: «Привиделось?» – закрыл глаза, открыл – нет, все девять стрел торчат в шестах и, как бы назло ему, подразнивают дрожащим оперением. Но и тут не поверил Хаулы, сорвался и бросился к шестам. За ним кинулись пацаны, взрослые и даже женщины, обгоняя мужчин и забыв о сдержанности, приличиях, побежали к мишеням. Только Тар Ямал и Афанасий остались на месте.

– Хорошие у тебя воины! – похвалил Тар Ямал. – Все так обучены?

– Нет, не все, это самородок у нас. Самого царя охранял. У нас к дружиннику требования суровые, – с важностью объяснил Афанасий.

Распространяться о том, что Игнашка охранял Симеона Бекбулатовича, коронованного в лихую годину на царство самим Иоанном Грозным, не стал. Незачем сор из избы выметать. Произошло сие после очередного приступа меланхолии, Иоанн, не зная, чем унять её, чем тоску заполошную развеять, удумал потеху – посадил Симеона на трон, принародно кланялся ему и называл его всемилостивейшим государем. Недолго, однако, посидел Симеон на царстве, вскоре был низложен Иоанном же и сослан в Казань. Однако после смерти Грозного стал, как считало окружение Годунова, одним из претендентов на власть, а посему зело опасен. Сам же Симеон, в силу того что был татарином, никогда и не думал быть царём, тем более узурпатором. Характер у него не тот. Других-то царей русских он и не видел, а пример – Грозный, как живой, до сих пор в глазах стоял, щерился. Несмотря на то что и не мыслил он сесть на царство, каким-то таинственным образом ослеп сразу на два глаза. Игнашка тогда один находился поблизости и видел, как прислужники Годунова выжигали глаза Симеону, смотрел, скрежетал зубами, но ничем помочь не мог, сам был тяжело ранен. Он, когда мал-мал оклемался, по настоянию Симеона же, боявшегося, что с Игнашкой как со свидетелем жесточайше расправятся, бежал из Казани и долго скрывался, скитаясь по России. Добрёл, обходя стороной Москву, до Холмогор, где его, полуголодного, полураздетого, подобрал на зимней ярмарке Афанасий. Игнашка очень любил своего господина-царя Бекбулатовича, был безраздельно предан ему, потому и бродил по обжитым берегам Белого моря, около Соловецкого монастыря, надеясь освободить своего покровителя. Ведь именно на Соловках пожизненно заточил Годунов Симеона Бекбулатовича. Оттуда никто живым не возвращался, путь един – прямо на монастырский погост. Узнав прошлое Игнашки, Афанасий устроил его в свой стрелецкий отряд.

Тем временем представление у ненцев продолжалось. Игнашка не уходил с поля «брани», он попросил оседлать оленя. Олени под седлом у ненцев редки, вот остяки, тунгусы частенько пользуются этим видом передвижения. Обычно для верховой еды отлавливают и объезжают диких оленей, домашние слишком малы и жидковаты для этого. У Тар Ямала в хозяйстве имелись два объезженных оленя-быка. Как уж Игнашка углядел, одному богу известно. Ненцы пулей сбегали в стадо, выловили дикаря, взнуздали. Подвели с ухмылкой к Игнашке. Ещё бы не ухмыляться. На олене скакать – не только сноровку, не только природные данные – ноги кривые надо иметь. Игнашка на их ухмылки улыбнулся только, взлетел на спину быка и пошёл по кругу, около мишеней пятками подгоняя оленя, сам сохраняя расстояние, стрелял по шестам. Стрелы, казалось, не переставали петь, свистеть, вылетать из лука и одна за другой точно ложиться в цель. Игнашка же не останавливался, вошёл в раж, продолжал горячить хора (быка) и запускать смертоносные стрелы. Такого представления, наверное, никто никогда не видел, не знали собравшиеся, не ведали, что есть такие кудесники. Они затаили дыхание, глаза – из орбит, сравнить не с кем: с богом, с Духом охоты, так не пристало вроде бы, разве что с Игнашкиными же предками – монголами, те на лошадях тоже чудеса творили – стреляли и из-под брюха, и стоя на коне. Но тут-то у Игнашки не лошадь взнуздана, у лошади спина что площадка, а у оленя что? У оленя хребет шишкастый.

Побежали люди опять к шестам на диво смотреть, оценивать точность, глубину попаданий. В шестах – все выстрелы, ни одной стрелы мимо. Сидят как миленькие, покачиваются. На глаз – вроде слабовато сидят, колышутся. А вытащить – не тут-то было, прочно вошли, приложить надобно усилие, и немалое, попыхтеть, ногами-руками помочь.

Игнашка меж тем не на шутку разошёлся, решил, наверное, вконец сразить зрителей. Отмерил от шестов шагов пятнадцать, повелел людям отойти от мишеней, сам стал к ним спиной, резко выхватил из ножен кинжал, круто повернулся и метнул его в срединный шест. Клинок, сверкнув отточенным хищным лезвием, описал в воздухе дугу и с хрустом вонзился в древесину на полвершка, качнув рукояткой.

Ликованию зрителей не было конца. Чтоб с пятнадцати шагов поразить тонкий шест – это уж ни в какие ворота, это уж что-то запредельное!

– Умеет наш татарин удивлять народ, – одобрительно сказал, подойдя к Тар Ямалу и Афанасию, Василий.

– Что есть, то есть! Способностей ему не зани-

мать, военных особенно, – согласился Афанасий. – Потомок чингизидов – самородок!

Игнашка и на этом не успокоился, продолжал своё дело – вызвался пострелять из большого ружья. Разыскал глазами пищаль, легко забросил её на плечо и зашагал с ней гордо, спесиво к черте, с которой из лука стреляли. Зарядил её со стороны ствола и побежал к мишеням, собрал шесты и воткнул их в одно место. Вернулся к черте и спросил:

– Господин воевода, дозвольте? – И так посмотрел на Афанасия, что у него язык не повернулся отказать.

– Что же, пальни. Да не смажь, уж больно у тебя мишень тонкая. В такую вряд ли попадёшь. Натянул бы парусину. Не дай бог после такой славы опозоришься.

– Никак нет, воевода. Не опозорюсь.

– Ну давай, коли так!

Игнашка поколдовал у ствола, дуло пищали чуть-чуть сдвинул, запалил фитиль, а им – порох, пищаль бабахнула. И надо тебе – попал, и причём точно в цель, переломив ядром все три прута ровно пополам. Грохот оказался настолько сильным и непривычным для этих тихих мест, что ненцы присели, зажали уши, а олени, задрав головы, бросились врассыпную, с реки поднялись утки и зачертили крыльями в сторону от стойбища. На этом соревнования закончились, Игнашке как лучшему стрелку сам Тар Ямал вручил жирного оленя и, пожав руку, сказал:

– Добрый ты воин, Игнатий. С тобой не страшно в бой идти. Воевода, начальник твой, должен гордиться тобой.

– Теперь, – обратился Тар Ямал уже ко всем собравшимся, – давайте поднимемся на холм к чумам.

Люди, пресытившиеся зрелищем, охотно стали подниматься в гору. Тар Ямал придержал четверых пастухов, что-то шепнул им, и они, подхватив тынзяны, направились к стаду пасшихся невдалеке оленей. На холме в котлах уже кипела, булькая, похлёбка, варилось мясо для своих и гостей. У костров деревянными половниками и ложками орудовало несколько женщин, другие же неподалёку ставили ещё два чума для приехавших погостить ненцев. Молодые девки, вдовы тайком, но с жадностью и озорством посматривали в сторону русских мужиков, хихикали, строили глазки, сплетничали, обсуждая завидную стать и плоть луця.

Хаулы – молодец, не переставал выполнять роль толмача, не отходил далеко от Афанасия, разъяснял те или иные действия, слова ненцев, помогая себе жестами, знаками, иногда указывая пальцем на предметы. Ивашка подружился с Тэмзу Наречи, они дружно сидели среди молодёжи и о чём-то увлечённо толковали, отчаянно жестикулируя руками.

– Они что, понимают друг друга? Ведь один по-русски, другой по-самоедски ни бельмеса! – удивился, глядя на молодых, Корней Заварзин.

– Понимают. Близкие по душе люди без слов понимают друг друга, до чего дойдут – жестами разъясняют. Древние люди мало меж собой говорили, они больше руками объясняли, – встрял в разговор Севрюк. – Я по молодости попал к свеям, так, совсем не знавши свейского языка, с девками только так договаривался. Они меня хорошо понимали, не отказывали, – хитро рассмеялся Василий.

– Так то с девками, – протянул Корней. – С девками-то договориться ума не надо.

– Не только с девками, с жёнами тоже, – многозначительно подмигнул Севрюк.

Тем временем вынесли оленьи шкуры и расстелили возле чума Тар Ямала с наветренной стороны, как раз возле входа. На середину поставили маленькие, вершка три высотой, столики и пригласили гостей садиться. Оленеводы привели несколько взрослых, упирающихся и взбрыкивающих оленей, а с ними игривых оленят. Тар Ямал первым делом наградил тех, кого не отметил, оленями, оленятами. Игнашке ещё подвели двух упирающихся, свирепо косящих глазом, крупных, вероятно диких, оленей. Он вылупился на них как на нечистых, не зная, что с ними делать, чем вызвал дружный хохот.

– Тебе как самому меткому и самому боевитому русскому воину – два лучших в моём стаде быка (менаруя), чтобы стали они вожаками в твоём стаде, чтобы все оленята были похожи на них! – торжественно и от души произнёс вождь. Сильно, видать, покорил его татарин своими подвигами.

– Что я буду... Куда мне их?.. – зашёлся от неожиданности Игнашка.

– Как «куда», – вмешался Корней. – Ты ло-

шадей объезжать умеешь? Умеешь. Вот и этих объездишь и будешь скакать на них по всему Ямалу. Все – пешком, а ты – на олене – завидовать-то как будут, спасу нет!

– Но я же оленей не объезжал. Кто их знает, что у них на уме, – совсем растерялся Ивашка. – Пускай лучше дадут объезженного.

– Э-э, чего захотел, у них объезженные олени, да к тому же дикие, на вес золота. Бери, пока дают. Спасибо ещё скажи, никого так, как тебя, не отметили.

– Он лихой парень – объездит, – сказал Тар Ямал, подсаживаясь на шкуру, рядом с Афанасием. – Мы сами не объезжаем, просим манту[10]. Ненцы почти не ездят верхом на оленях, нам без надобности. Верхом ездят те, кто в лесу живёт, у них домашний олень больше нашего.

– Я слыхал о манту, когда в Мангазее жил, – дерзкий, воинственный, говорят, народ, – поделился Афанасий, согласно кивая головой. – Тар Ямал, ты их, должно, знаешь. Скажи?

– Знаю, – коротко ответил Тар Ямал и глубоко задумался, наверное, вспоминая трагедию прошлых лет. Афанасий уже позабыл о своём вопросе, когда Тар Ямал встрепенулся и начал говорить:

– Давно это случилось, много лет назад, я ещё маленьким был, как Тэмзу Наречи. К моему отцу в стойбище по льду Обской губы прискакали енисейские ненцы. Пришли с жалобой и просьбой о помощи на дикарей манту. Те грабили и уничтожали ненцев, уводили жёнок и девок в полон, стариков и детей убивали. Женщин превращали в метёлок – рабынь, по-вашему, или продавали через селькупов Кучуму. Приносили ли в жертву, толком не знаю, только их больше никто не видел. Мой отец тоже был вождём, он был кровно связан с енисейскими ненцами (юраками). Сестру моего отца взял в жёны родовитый ненец, оленевод с Гыды. Манту напали на его стойбище, мужа убили, а сестру увели в плен, неизвестно куда, её след пропал. Просят, значит, помочь, надо давать ответ енисейским ненцам, собрали совет, позвали тадибеев, старейшин, порешили помочь юракам. Моего отца назначили саю ерво (вождём) войска. После совета, чтобы узнать, будет ли успешно выступление, устроили камлание. Камлал тадибей Яптик, великий, уважаемый шаман, он напророчил нам победу. Вооружились наши луками, топорами, боевыми хореями (копьями) и выступили. Для начала развезли клич по всей нашей тундре и собрали под свои знамёна около ста боевых упряжек, по четыре, а то и пять оленей на нарты. Я тоже пошёл с отцом, он сначала не соглашался, но я не отступал. Отец согласился, дал мне пятёрку бело-чёрных, быстрых на ногу оленей, и мы всем войском вышли в поход. Гнали быстро, без остановок пересекли Гыдан. Приходилось трудно оленям, подсушились они, поджарыми стали до того, что упряжь с них спадала. Мы тоже вымотались так, что хореи валились из рук.

Возле Енисея нас поджидали местные ненцы – воины юраки. Они влились в наш отряд, и войско пошло во владения манту. Четыре больших сражения дали мы разбойникам, и, хотя им помогали тунгусы, мы их разбили. Победили дорогой ценой: погибло много людей и с той, и с другой стороны, много оленей погибло, много пало. Вождь манту Яраха со своим личным отрядом бежал. Мы его преследовали, долго гнали по тундре, по лесам и только весной, когда вода уже выступила на лёд Губы, окружили его отряд и добили, а его взяли в плен. Юраки не стали щадить Яраху, вырвали сердце и отдали нам как главным победителям манту. Мы привезли сердце в своё стойбище, отдали тадибею Яптику, он лично съел сердце манту, дабы никогда больше ни манту, никто другой не воевали с мирным народом, чтобы, наоборот, жили дружно, чтобы не гибли люди, не разорялись семьи, – Тар Ямал снова замолчал, задумался, потом подытожил рассказ. – В наших краях побеждает тот, кто захватит у врага как можно больше оленей. Олени – это всё! Ни земля, ни угодья кочевнику не дадут победы. Что толку сидеть царём на голой земле! Любой, у кого есть олени, может прийти и прогнать тебя. Мы много взяли у манту оленей, сейчас даже не могу сказать сколько – тысячи. В общем, оставили им только на прокорм самих себя, чтоб не умереть, остальных забрали. Не на чем стало им воевать. По тундре пешком не набегаешь. Для передвижения, для еды, для одежды – везде, всюду и для всего нужны олени, не один-два, а стада. Стадо чтобы возродить, много лет потребуется. Вот так, у нас олень всему голова.

– А что с сестрой, нашёл её отец? – спросил заинтересованный рассказом ненца Корней.

– Нашли, у Кучума выкрали. Она вернулась к нам в стойбище и счастливо дожила свой век.

– Всё, как у нас, – понурил голову Корней.

Действительно, Корней-то тоже потерял свою семью на войне, точнее, при набеге крымчаков на наши рубежи, увели родных его, всех до единого, в полон. Он нашёл деньги, хотел выкупить их, но крымчаки запросили такую цену и дали на это такой малый срок, что у него руки опустились и скулы свело. По истечении оговорённого срока захватчики продали жену и дочь какому-то турецкому купцу, и след их затерялся на стамбульском невольническом рынке. Едва с горя не наложив на себя руки, пошёл Корней вразнос, такого бесшабашного характера стал мужик, что боже упаси, – лез везде и всюду на рожон, как будто смерти искал. Смерть-то не за ним, а от него бегала, даже глубокой царапины на теле не оставила – под счастливой звездой казак, знать, родился. Занялся он рисковым делом – пошёл в охрану купеческих караванов, думал, где-нибудь на чужбине встретит, разыщет своих, освободит. И тут даже слуха о них не дождался. В отчаянии примкнул к повстанцам – казакам, поддерживающим Лжедмитрия. Однако вовремя увидел, что не туда занесло, пошатался ещё по землице, побил баклуши, покуролесил вволюшку и нанялся со славой ухаря, сорвиголовы десятским к воеводе архангельскому нашему Афанасию Тучкову.

– Везде войны, захватчики, везде народ стонет, страдает. Продают в неволю жёнок наших, братьев, сестёр. Когда это кончится? – заскрипел Корней зубами. – Вон до чего на Руси докатились: свои своих бьют, терзают, насилуют, в неволю берут.

– Ладно тебе! – резко пресёк не по времени речи Афанасий. Не хотел он затевать при чужом народе разговор о делах собственных, бередить раны свои, ведь и сам когда-то приложил руку к гибели русских людей. – Не время сейчас об этом. Праздник сегодня.

Приехавшие к вождю ненцы расселись на своих привезенных шкурах, рядом с русскими, образовав круг около стола. Тар Ямал встал, окинул взглядом сидящих, нашёл, что больше ждать некого, поднял, призывая к вниманию, руку и повернулся к священной нарте. Ненцы поняли, что начинается самая важная часть праздника – камлание, и все встали почтительно, повернули головы вслед за вождём. Русские, глядя на них, тоже встали, застыли в ожидании священнодействия. Тар Ямал подошёл к нарте, развязал узлы из кожаных верёвок на поклаже, порылся в ней и бережно вытащил перетянутый тесёмкой свёрток, что-то прошептал над ним, поднёс к губам и понёс в чум.

– Что это у него? – шепотом спросил Афанасий у Хаулы.

– Э-э, много чего. Он взял идолов с тадибей хан – со священной нарты, это личная нарта шамана, – принялся, как мог, разъяснять действия Тар Ямала Хаулы. – Вождь только на ней перевозит идолов – сядаев. Сейчас он освятит ими чум и вынесет для поклонения и жертвоприношения.

Пока шаман освящал чум, один из пастухов был послан в стадо. Он подвёл белого оленя к только что вышедшему из чума Тар Ямалу, тадибе склонил голову, прошёл под поводьями, сделал несколько круговых ритуальных движений рукой у головы животного. Пастух положил руку на голову взбрыкивающего, почувствовавшего смерть оленя, крепко прижал её к земле, накинул на шею удавку и одним движением удушил, повалив на землю беднягу. Тут же вытащил нож и начал снимать шкуру, одновременно разделывая тушу, удаляя кишки, забирая самое ценное: сердце, лёгкие, печень.

– Ты посмотри, как ловко-то, а! – шепнул Заварзин Афанасию. – Наши бы полдня возились.

В отличие от русских, от своих живущих по соседству соплеменников, тундровые ненцы не режут оленей, а, боясь потери крови, удушают. Они считают, что даже оброненная капелька крови священного животного – святотатство. Для них если пролил кровь, значит, олешку умертвил, вывел из круга жизни. А мёртвое мясо есть нельзя – отравишься, попадёшь в немилость к духам – богам.

Не прошло и четверти часа, как разделанная, разваленная надвое туша лежала на только что снятой шкуре, постеленной на земле. Пастух слил из обеих половин кровь в миску и поставил её на стол перед гостями, стоя следившими за действиями пастуха и шамана. Тар Ямал дал отмашку – можно садиться, а сам вернулся к столу. Выбрал одного из идолов, вероятно самого значимого, и, обмакнув палец в миску, помазал кровью губы, лицо ис-

туканчика, защипнул щепоткой жиру оленя и помазал им те же части и выставил божка на вытянутых руках для всеобщего обозрения. Дал людям налюбоваться принесённой жертвой и унёс драгоценную ношу в чум.

– Этот чум теперь священный – в нем поселился дух Сэру Ирику, – продолжал истолковывать действия шамана Хаулы.

– Этот идол, видать, любимый у шамана? С другими такого не будет?

– Почему не будет? Будет. Этот – главный, а так все любимые. Их много. У русских много икон разным святым, архангелам, у нас много истуканов – сядаев, – улыбнулся удачному сравнению Хаулы. – Тар Ямал сейчас определит ему место, которое тоже станет священным. Так, чтобы он был лицом к огню, женщина теперь уже не сможет обойти очаг с той стороны, где находится сядай, он может обидеться.

Тар Ямал вышел из чума и повторил церемонию с другими божками и так до тех пор, пока все сядаи не перекочевали в священный чум. Ненцы с благоговением и величайшей почтительностью наблюдали за действиями своего шамана. Тишина в круге стояла такая, что даже слышно было, как в отдалении зудят комары, как неподалеку щиплют мох олени. Шаман закончил обряд жертвоприношения и вернулся к гостям, сел за столик рядом с Афанасием и подал знак приступить к трапезе.

Женщины сейчас же начали укладывать на большие деревянные подносы жир и мясо, порезанное на куски, разливали кровь в глубокие деревянные чаши и по очереди подносили гостям. Ненцы, причмокивая, с удовольствием пили кровь животного, ели, громко чавкая, сырое мясо, мазали губы, лоб жиром, восторгались, хвалили жирное мясо. Русские же в основном отворачивались или вежливо отказывались за редким исключением. Такие, как бывалый Василий Севрюк и Афанасий, чтоб не обидеть хозяев, кровь пригубляли. Отказавшимся, по указанию Тар Ямала, предлагали варёные бульон и мясо. Хитрый Корней достал из кармана мешочек с солью, тоненько посолил свой кусок и аккуратненько, чтоб не рассыпать, завязал и убрал мешочек обратно. Соль была редкостью, ценилась на вес золота. За трапезой завели разговор об охоте, о добытых песцах, горностаях, оленях, о том, как выслеживать зверей.

– Моя совмещает, – вступил в разговор Тар Ямал. – Моя ходит на Белый, чтоб сразу поговорить, принести жертву Сэру Ирику и поохотиться на илебца. Дикий олень даёт очень много: и добрую не в дырах шкуру, у илебца вкуснее мясо. Поймать живого илебца, объездить – большая доблесть, большой успех, не каждому дано. Его с охотой выслеживали ещё наши далёкие предки, что и мы будем завещать нашим детям и внукам.

– Как на него охотятся? Есть какие-то особые уловки, хитрости? – полюбопытствовал Василий, мотая на ус обычаи самоедов.

– Нет, всё просто. Надо, как и к любому зверю, подползти к нему с подветренной стороны, долго, издалека надо, он хорошо чует, надо хорошо хорониться, накрываться шкурой, желательно оленьей или на край – илебц-латой. Это доска, которую надо покрыть сверху мхом так, чтоб не спадал. Подползёшь к стаду – не стреляй, выжди, когда на расстояние полёта стрелы подойдёт самец. Другой раз день выжидаешь – терпение великое надо. Бить можно только быков, важенок и оленят нельзя. Сэру Ирику закроет дорогу домой – пропадёшь. Охотиться не так тяжело, вот добычу к морю вытащить действительно тяжело. Олень весит четыре с лишним пуда. По тундре, летом, на горбу все спину собьёшь, ноги вывернешь, пока выволочишь.

– Зачем убиваться-то, когда свои рядом? Хоть и плох, но зато близок. Пуповину не надорвёшь, – рассуждал Василий, оглаживая бороду.

– Оно так, – согласился вождь, – но человек так устроен, ему всё время лучше хочется.

– На Ямале, на острове, мало, что ли, дикаря?

– Есть дикарь, много, но на Белом он лучше. Там почти нет гнуса, поэтому шкура у илебца целее, а значит, ценнее. Я уже говорил об этом, – встрял в разговор Хаулы. – Наши и здесь охотятся. Охоться, стреляй, если тебе илебц дырявый нужен. Что плохо: здесь разрешено и оленят, и важенок стрелять. Моя не знает, кто такой закон придумал, – посмотрел с укором Хаулы на Тар Ямала. – Так можно извести. Надо запрет наложить. Разрешено также важенок, у которых течка, привязывать к дереву. Дикий олень такую за версту чует, приходит, покрывает. Его за это доброе дело стреляют, убивают. Ещё бы, тут охотни-

ку не надо ломаться, далеко ходить, выслеживать, подползать. Не надо мясо на себе вытаскивать: подогнал оленей и упряжкой вывез. Разве это хорошо?! Надо такую охоту тоже запретить.

– Конечно, надо, это вам решать, вы тут хозяева, – поддержал его Корней. – Скажи, Хаулы, на Белом сколько за сезон берёте?

– Сколько получится, – ответил за Хаулы Тар Ямал. – При удачной охоте и до десятка бывает. Твоя чего спрашивает, хочет там поохотиться? Если надумаешь, то запомни, там есть два оленя. У одного рога большие, как сучья огромного дерева, этого оленя не трогай, нельзя убивать. Если такого встретил, то надо быстро уходить с острова. Это сам Сэру Ирику вышел на прогулку, он чужих не любит.

– Что будет, если не уйдёшь?

– Плохо будет. Сам не пойдёшь, ноги понесут, – в голосе вождя послышалась угроза.

Корней предупреждение крепко запомнил, но расспросы продолжил:

– Скажи, Тар Ямал, а много ненцев предпочитают охотиться на Белом?

– Нет, всего шесть семей.

– Почему так? Остальным нельзя, что ли? Запретили?..

– Можно. Просто многие не хотят далеко ходить. И лодку надо, а хорошая лодка хорошо стоит, – терпеливо рассказывал вождь, внимательно разглядывая гостей.

– Понятно. Как же те, кто не ходят, обходятся без хороших арканов, обуви? Каждому, поди, хочется иметь добрый аркан? – выпытывал Корней.

– Кто как. Некоторые их покупают, выменивают на тех же домашних оленей. Нерадивых и здешний дикарь устраивает, – опять вступил в разговор Хаулы, ему, видимо, разрешено было вмешиваться в разговоры вождя. – На Нейтинских озёрах илебц тоже ничего, некоторые там охотятся. Вы же там, как я понял, большую работу задумали, можете тоже на местного илебца поохотиться.

Севрюк басом рассмеялся и снова вступил в разговор:

– Как же! До охоты нам, Хаулы, будет! Нет уж, ты охоться, а нам продавай или на товар меняй. Отроем ход, товар валом пойдёт, какой твоей душе угодно. России не только шкуры, рога, мясо дикого, домашнего оленя нужны. Да арканы, обувь из оленя, особенная нужда в шкурах песцовых, горностаевых, соболиных. Любая пушнина пойдёт за милую душу. Песцов у вас как собак нерезаных, на одних песцах можно разбогатеть. Сколько может один охотник добыть в год песца?

– Удачный год – три десятка хвостов. Плохой – пять, десять. Хороший год – когда лемминга много. Лемминг уходит на юг и песец за ним, а пастуху (он же и охотник) нельзя, ему за оленем надо. Мы больше пастухи, чем охотники, вот остяки, то есть ханты, лесные ненцы – те охотники, но они далеко на юге живут, в лесах промышляют.

К беседующим подошёл Игнашка, он на правах победителя решил, что ему не запретят присутствовать при разговоре вождей местных и русских. Игнашка всё не мог решить, куда девать подаренных ему оленей.

– Что, Игнатий, призадумался, что не весел? – спросил его Василий. – Не знаешь, куда деть оленей, отдай в общий котёл, на одной же рыбе сидим. Тебе куда они? Здесь мы недолго будем, скоро уходим в море, с собой не возьмёшь...

– А возьмёте? – залучились радостью глаза у Игнашки. – Тогда, конечно, тогда я с радостью, – заулыбался он во весь рот, развел руками, довольный, что нашёл-таки, куда сбагрить подарки, но тут же скривился от боли. – Бык, сволочь, боднул, – схватился он за ушибленное быком плечо.

– Ничего, крепись, казак, атаманом будешь. До свадьбы заживет, – успокоил его Афанасий.

– Что есть «свадьба»? – спросил Тар Ямал.

– Празднование женитьбы. Это когда он жёнку к себе приведёт...

Вождь от такого даже как будто приободрился.

– Трэм саво, – понял старик и обвёл рукой молодух. – В тундре девок много, пускай выбирает в жёны любую, можно две. Калым готовь и бери.

– У меня жена – сабля остра, – засмущался Игнашка, покраснев аж до самых ушей.

– Ешь, Игнашка, угощайся, – видя смущение молодого, переключил его внимание на еду Хаулы.

– Я люблю мясо запечённое. Можно я его на огне пожарю, – обратился он к Тар Ямалу и зацепил кинжалом большой кусок.

– Можно, – благосклонно согласился Тар

Ямал и, залюбовавшись молодым богатырем, уже в который раз завистливо сказал Афанасию: – Хороший воин, с такими можно воевать. С такими, наверное, и Кучума брали? Скажи, Игнашка, Кучум, как и ты, татарин?

– Какой татарин!.. – махнул рукой Игнашка. – Он из кыргыз, из степей пришёл. С сибирскими татарами воевал. Сибирские татары совсем не татары: волосы у них рыжие или белые, что твоя голова, глаза голубые, говорят вовсе не так, как наши истинные, казанские. Они родня манту, которых вы побили крепко. Говорят, их совсем мало осталось.

Тар Ямал нахмурился:

– Они сами войну развязали: родственников наших грабили, убивали. Нехорошие люди манту, их бог Сэру Ирику наказал. Сестру отца разорили, женщин насиловали. Плохой людя.

– С манту ясно всё, давайте вернёмся к Игнашке. Ведь пропадает силушка зря! Манту разбили, никакой другой войны не намечается. Куда парню силу девать? Может, и правильно – женить его? – усмехнулся в усы Василий. – Сколько стоит у вас невеста?

Заслышав про жену, Игнашка снова покраснел и опустил глаза.

Возможность породниться с луця льстила вождю, он чуть помедлил и начал неторопливо объяснять:

– Всё зависит от родовитости, богатства рода, сколько у отца невесты оленей. Дорогие девки стоят сто – двести оленей. Вдова дешевле, вдову можно за половина сторговать. Тебе, кормщик, тоже, вижу, баба нужна? Найдём и тебе бабу, какую хочешь. Захочешь бойкую, в любви жаркую – найдём, захочешь ласковую, смирную – найдём и такую. У нас всякие бабы есть, – довольно ухмыльнулся Тар Ямал.

Севрюк не знал, куда глаза девать.

– Нет. Мне пока не надо, – понимая, что со своими подколками сам попал на сковородку, заотнекивался он.

Вождь про себя подивился бестолковости этого русского, а вслух сказал:

– Как не надо? В тундре без бабы нельзя. Кто тебе чум ставить будет, когда с моря придёшь? Кто тебя умаслит, раны залижет? Нет, без бабы нельзя, кормщик.

Озадаченный Севрюк почесал затылок:

– Зачем мне чум?

– Ну, юрту, в которых вы живёте, – поправился Тар Ямал. – Мужчина не должен сам юрту ставить – бог накажет. Для этого надо иметь женщину. Мужик устал, в море много ходит, ему отдохнуть надо. Баба нужна ещё, чтоб детей рожать, мужик рожать не может. Без неё род не продолжишь. Нет, ты не прав, кормщик, баба нужна. Или калыма жалко? – наседал на Василия, внутренне улыбаясь, Тар Ямал.

– Ладно, согласен, нужна мужику баба, – сдался Севрюк. – Только я уже позаботился, у меня есть жена. Не здесь, конечно, а там, в Архангельске. Вторую мне не надо, нам много жён иметь нельзя – грех. Грех и перебивать мысль старшего, – Василий попытался повернуть разговор в нужное русло, – но всё равно скажи, Тар Ямал, дело-то уже к вечеру, когда ты начнёшь камлать, когда будешь разговаривать с Сэру Ирику? Очень нам с воеводой не терпится узнать, что он скажет.

– Сегодня никак нельзя, – посмотрев на небо, понюхав воздух, ответил Тар Ямал.

– Почему, отчего? – разочарованно вырвался вопрос сразу из трёх глоток – Севрюка, Афанасия и Корнея. – Что-то не так? Мы провинились в чём-то?

– Нет. Сэру Ирику со мной не хочет разговаривать. Сегодня ему не до этого, он пробует кровь жертвенного оленя – хороша ли. Пускай пробует, пускай наслаждается, пускай отдыхает в своём чуме.

– Ты же говорил... – попробовал настаивать на своём Афанасий.

Но Тар Ямал ему договорить не дал:

– Ты большой начальник, ты воевода большого края, но это же не конец, у тебя есть большой начальник – русский царь. Что он скажет, то ты и делаешь. Для нас Сэру Ирику больше, чем ты, больше, чем ваш царь. Он бог. Как он скажет, так и будет. Позовёт – моя пойдёт к нему, не позовёт – не могу. Твоя обязательно скажем, когда позовёт. Моя передаст тебе разговор с Сэру Ирику. Не торопи бога! – грозно свёл брови Тар Ямал. – Он может вообще не разрешить встречу. Тогда беда. Жди несчастий.

– Извини, вождь, я погорячился, – оправдывался Тучков. – У нас просто мало времени. Ле-

то короткое, надо идти быстрее к Зелёной, начинать дело. Мы не можем долго ждать.

– Я понимаю. Попытаюсь завтра. Может, завтра он разрешит встречу.

– Как ты узнаешь об этом?

– Узнаю, – мягко и устало улыбнулся шаман. – Это происходит независимо от меня, от моей головы, я чувствую, вижу, слышу, когда он хочет говорить со мной, когда нет. Приходи завтра вечером, примерно в такое же время, как сейчас, сядешь рядом и всё увидишь по моему лицу. Моя будет говорить сначала с духами, и они будут говорить со мной о том, какой хороший мой чум, как хорошо освящён, какая хорошая вчерашняя моя жертва, какой хороший сам хозяин священного чума. И Сэру Ирику, услышав добрые слова в мой адрес, придёт на наш холм, в мой чум, и мы начнём разговор.

– Хорошо, приду, – Афанасий поднялся, перекрестился, низко поклонился всем по русскому обычаю и сказал. – Спасибо, люди добрые, за угощение, за мясо, кровь. Пора нам и честь знать.

По его примеру встали и остальные русские, попрощались и пошли к своему стану. Хаулы и Тэмзу провожали их до подножия холма. Вечерняя свежесть подмочила тропинку, поэтому спускались осторожно, боясь скользнуть вниз. Внизу, у подножья, Хаулы не удержался, спросил:

– Афанасий, ты, должно, обиделся на Ямала?

– Я не получил того, чего хотел, – хмуро ответил тот.

– Старый не виноват. Он сам переживает, я видел. Он хотел, но Сэру Ирику не зовёт его, видать, не пришло время.

– Прощай, Хаулы, до завтра, – сухо попрощался Тучков, а потом круто развернулся и широким шагом направился к стану. За ним, придерживая ножны сабель, еле поспевали остальные.

– Воевода, – негромко окликнул его Василий. – Не водит ли нас за нос старый колдун?

– Нет, я не думаю. Ненцы наивны, их можно дурить, но сами они обманывать не умеют, считают позором. Завтра вечером пойдём к нему, если и завтра пойдут отговорки, тогда станет всё ясно, придётся договариваться с другими родами. Будет в несколько раз трудней – слово Тар Ямала очень весомо, много для островитян значит. Что поделаешь, не заставлять же их силой. От силы-то что толку – как ни сгоняй их, ни охраняй, всё равно разбегутся. Тундра большая, пойди найди! – в голосе Афанасия послышалось разочарование.

Севрюк, похоже, тоже растерял надежду на благополучный исход, он спросил:

– Ты их роды знаешь? Вождей родов, кто они, где их искать? Один Нгарвумы, он старшой в роду Окатэтто, ну тот, которого ты с Тар Ямалом мирил. Этот зато не внушает доверия, если все такие, так и договариваться нечего. Тар Ямал хоть нас понимает, умный старик, а эти и слушать, поди, не захотят...

– Он несколько раз подходил ко мне, – вмешался в разговор Корней. – Что-то силился донести, на кого-то наговорить, но толмача нет, перевести некому, а с Хаулы он, видимо, так до конца и не помирился и не хочет при нём ничем делиться. Чую я, не простой он мужик.

Отогнав нерадостные мысли, Тучков мигом взял себя в руки:

– Как бы там ни было, а от задумки мы не должны отходить. Ты, Василий, начинай с завтрашнего дня корабли готовить к выходу в море. Корней, это и тебя касается. Пора нам к основной цели двигаться, засиделись мы здесь. Приду завтра, срок выхода назначу.

– Слушаюсь, господин воевода! – чуть ли не в один голос ответили десятский и шкипер.

Посидели ещё немного молча, каждый думал о своём, и разошлись по своим шатрам. Все вскоре уснули глубоким, крепким сном, один Афанасий, раздосадованный неудачным посещением шамана, не мог долго уснуть, ворочался, скрипел зубами, лишь под утро, когда начало светать, а светало в это время быстро – белые ночи, уснул беспокойным сном.

Как только русские ушли из стойбища, Тар Ямал собрался и тоже покинул его. Он направился в сторону моря, потом поднялся на тот холм, где стоял почерневший от времени большой русский крест, и остановился. Крест для Тар Ямала не был в диковинку, он уже не раз встречал подобные православные реликвии на возвышенных местах вблизи моря. Кресты стояли в устьях Морда-Яха и Зелёной, два креста – на островах Шарапова шара. «Ходят русские по морям и рекам ямальской тундры и метят, как медведи,

свои владения, памятные места особыми знаками», – подумал Тар Ямал и в задумчивости посмотрел в сторону моря, которое в вечерней серой пелене едва угадывалось. Ветер трепал сильно поредевшие, сплошь седые волосы вождя, он пригладил их рукой и в который раз спросил себя: «Как быть? О чем спросить у бога? Что он ответит на просьбу луця?»

– О русских думаешь, шаман? – подкравшись неслышно, врасплох застал его Нгарвумы. – Я знаю, о русских. Сознайся.

– Что ты хочешь, Нгарвумы? Кто звал тебя? – после долгого, не сулящего ничего хорошего молчания удостоил его ответом Тар Ямал.

– Ничего не хочу, у меня есть всё, мне не хватает только твоей силы и власти, – с вызовом сказал Нгарвумы.

– Говоришь, ничего не хочешь, а на самом деле хочешь всё! Не много ли? – усмехнулся старый вождь, испытующе посмотрел в глаза Нгарвумы. – Для власти недостаточно одной силы, для власти нужны ум, мудрость.

Нгарвумы сделал несколько шагов к вождю и увещевал его:

– Не смейся, тадибе, шаманы тоже не всё могут. Над ними есть боги – духи. Однако в данном случае ты многое можешь, ты волен остановить русских, помешать им отнимать нашу землю.

Тар Ямал с любопытством еще раз посмотрел в лицо Нгарвумы и скептически промолчал, как будто не слышал пустую, неразумную речь. Он с презрительной ухмылкой отвернул лицо в сторону моря и напряг слух, как будто ждал оттуда знак.

– Что ты молчишь, тадибе? Не хочешь разговаривать?

Тар Ямал сначала безмолвствовал, будто не слышал вопрос, но потом все же спросил:

– Почему ты не любишь русских, что они сделали тебе плохого?

– За что мне их любить?! – вскипел ненец. – С тех пор как они пришли сюда, сели в Обдорске, в Мангазее, нам приходится, теряя пастбища, всё дальше уходить на север, к ледяному морю. Они обложили наши рода ясаком, они...

– Трэм, – не теряя спокойствия, перебил его вождь. – Ты не прав. – Да, ненцы не каслали[11] раньше так далеко на север, но это не из-за того, что русские выживают нас с наших пастбищ, а из-за того, что нас стало больше, увеличилась численность. А ясак – что ясак? Не платили бы русским, платили бы Кучуму, и больше, гораздо больше. Аппетит татар я знаю. Если ты не знаешь, спроси вогулов, остяков. Русские разбили Кучума, этим защитили нас от непомерного оброка.

– Разве это так? Совсем нет, – никак не хотел угомониться Нгарвумы. – Ты, тадибе, слишком много говоришь с богами, ты не слышишь, что говорит наш народ, что говорит тундра. С тех пор как русские начали теснить Кучума, они везде ставят свои остроги, свои селения, и на Оби, и на Иртыше, и на Тазу, и скоро расселятся по всей Сибири. Остяки, вогулы уже побросали свои угодья и пошли на север, восток, потеснили лесных ненцев, енисейских ненцев, тех же манту, а те, в свою очередь, нас. Разве не так, тадебя[12]? – горячо доказывал упрямый ненец.

– Нет, не так! Это злые языки так говорят, – шаман присел на землю, срезал с куста веточку и начал осторожно резать плотную древесину. – Ты молод, Нгарвумы. Не бери все слова, что тебе шепчут вредители, на веру. Отбрасывай шелуху, как с рыбы чешую, как с куропатки перо. Слышишь, как разгулялось море, как орут халеи[13], ропщут, стонут, носятся как угорелые, они предвещают бурю. Не будем уподобляться глупым халеям, бури, я точно знаю, не будет. Вот так и люди услышат звон и кричат, надрываются, разносят неправду, сеют ложь.

– Беру я, не беру слова на веру, а народ-то уходит на север. Это же факт, куда против него, – казалось, Нгарвумы немного умерил пыл, сдерживая себя.

– Да, уходит, но он и раньше, без русских, уходил туда. Приходило потепление не на один год, а на десятилетия, наши предки гнали стада на север, к океану, к Белому острову. И сейчас в наше время наступает на наши земли тепло, а когда я был совсем маленьким, было холодно, лета почти не было, не было ни дождей, ни туманов. Всего одна-две семьи пасли оленей на севере. Теперь дожди и грозы не редкость. Опять меняется лик природы, так, значит, хотят боги. От нас это не зависит. Это не опасно, предки говорят, тепло приходит и уходит, а мы остаёмся, мы только кочуем или, правильней сказать, убегаем от жары, поскольку она приносит тучи гнуса, который не

даёт житья оленям. Вот тебе и вся правда, – чуть отрешенно, будто рядом и нет никого, рассуждал Тар Ямал, разглядывая зачищенную веточку.

Настал черед задуматься Нгарвумы. Он молчал довольно долго, потом вздохнул и ответил:

– Может, и так. Скорей всего так. Ты прав, извини, я не разобрался в голосе тундры. Я молод, я слишком переживаю за неё.

Тар Ямал по-отцовски снисходительно улыбнулся, и глубокие морщинки залегли у его глаз:

– Хорошо, что понял, а то я уже хотел просить Сэру Ирику примерно наказать тебя за крамольные речи. Непонятно, чего ты боишься. Что русские отберут у тебя пастбища? Ты плохо их знаешь. Зачем им твои угодья, они не знают оленя, не умеют за ним ходить. Они лучше будут торговать с тобой, – заверил вождь молодого ненца.

– Я боюсь, что придут их шаманы, сожгут и испоганят наши святилища, – горячо заговорил Нгарвумы о том, за что так давно переживал. – Они будут уничтожать нашу веру. Они подобное уже сделали у себя на родине. Русские были одной веры с нами, у них тоже было много богов, они тоже устраивали жертвоприношения. Где всё это? Изгнано, пожжено, вырвано с корнем. Они уже начали обращать в православие на юге – вогулы едва успели унести ноги от их проповедников. Своего главного идола – Золотой бабы – чуть не лишились. Еле успели схоронить её за сотни перегонов от своих земель, у каменных ненцев. Разве это дело? Ты же знаешь об этом. Или забыл?

– Трэм! – вождь был все так же невозмутим. – Я знаю гораздо больше, чем ты. Вогулы ко мне приезжали, просили, чтобы я спрятал её на Белом. Я камлал, твой родич присутствовал на камлании. Сэру Ирику отказал. «Вогулы поклоняются другим богам, – сказал он, – нельзя смешивать разные веры, пускай подыщут подобное своей...» – посоветовал он.

– И после того, что я сказал, ты, вадута[14], всё равно хочешь помогать русским? – возмутился ненец.

– Ты можешь в полёте остановить стрелу?

– Могу – другой стрелой.

– Другая должна быть сильнее, выпущена более крепкой рукой. Не так ли? Ты сможешь остановить ледоход на реке? Нет? Русские гораздо сильнее нас, – поведал вождь свои мысли.

– Да, мы слабее, нас мало, но всё равно надо драться, не пускать их на нашу землю, гнать, убивать! – с запалом почти прокричал раскрасневшийся Нгарвумы.

– Убивать? Вон куда тебя занесло. Что это даст? Убьёшь одного – придут сотни, их много, всех не перебьёшь. Кучум имел большое войско, в сотни раз больше нашего. И что?! Где он, где его войско?! Где воины храброго Вони селькупа, который объявил войну русским? Прячутся, как песцы, по норам, по гнилым болотам. Боятся даже рыбу ловить в родном Тазе. Ты тоже хочешь сидеть в норе?

– У нас есть родственники на Тыде, – не сдавался упрямец Нгарвумы, – на Енисее, на Печёре, Тазу, Пяку-Пуре, Оби. Нас не так мало, как ты думаешь. Можно объявить мандаладу[15]. Нас поддержат.

– Нгарвумы, ты рассуждаешь, как ребёнок, – вновь попытался охладить пыл молодого ненца старый вождь. – Ты видел вооружение русских: ружья, пищали, их большие лодки с пушками, видел? А у нас что – луки. Стрелы против пуль, ядер – это же смешно. У русских, я сказал уже, много, очень много огнестрельного оружия – сотни, тысячи, против нашего одного. А как они владеют этим оружием! Одно загляденье, ты видел сегодня Игнашку? Видел. То-то! Не думай – таких у них немало. Разве разумно идти против стены. Нас без труда истребят. Мы перестанем существовать как народ. Ты этого хочешь?! Ты ещё не родился, когда пришёл в Сибирь Ермак, – спокойно продолжал Тар Ямал. – Слух о его воинах, об их громких победах пронёсся как вихрь от тайги до края тундры. Таких умелых воинов наши края не видели. Разве разумно с такими воевать? Глупо и бесполезно. Русские, защищая свой край, присоединяя территории, почти каждый год воюют, у них громадный опыт, у них от мала до велика все воины. Но, несмотря на это, они миролюбивый народ, они не захватывают силой земли, не жгут чумы, не уводят людей в рабство, не насилуют женщин, не уничтожают стариков, детей, они не варвары. Они приходят с миром. С ними надо дружить, торговать, а не воевать, – закончил старик и внимательно взглянул в глаза молодому ненцу, ища в них понимания.

Тот не растерялся.

– Мне тут говорили одни приезжие люди, – за-

шёл с другого бока хитромудрый Нгарвумы, – что они поддержат нас, помогут оружием, снаряжением, если мы пойдём на русских, погоним их со своих земель.

– Кто такие? – насторожился Тар Ямал.

– Они были в прошлом году, приходили на Мангазею, – с волнением зашептал Нгарвумы, будто кто-то мог его подслушать. – У них большие корабли, на кораблях много ружей, пищалей, пороху, я сам заходил, видел. Если мы согласимся, они пришлют корабли, людей, оружие. Тогда мы одолеем русских, погоним их за Каменный пояс, чтоб духу их не было. Они за это обещали деньги, серебро. На серебро можно купить оленей, много оленей. Станем очень богатыми. Будем большие людя.

– Вон чего ты хочешь. Стать, как Кучум, ханом, властелином. Понятно. Знай же, мне известны эти людя, это иноземцы: должно, шведы или англичане. Подлые люди! Русские пускают их торговать с нами через свои земли и моря, а они что творят?! Они их кусают сзади, как трусливые собаки. Вот их благодарность. Таким людям нельзя доверять. Они обманут, оберут и выкинут тебя собакам на съедение. Останешься ты же и виноват, – сказал как отрезал вождь и брезгливо поморщился.

– Чем русские лучше? Я тоже боюсь доверять им. Может, я и не прав, может, они не сделают ничего плохого. Однако я не могу ничего с собой поделать, я чую, что с ними просто не надо дел иметь, помогать им. Вот и всё! – и, исчерпав все аргументы, перевёл хитрый Нгарвумы разговор на другое: – Я переживаю ещё вот за что – за детей наших, за внуков. Русские их задарили подарками, балуют. Дети и рады, растут побирушками, силой слабые, податливые.

– Ты молод, Нгарвумы, а в твоей душе уже поселился старик, это старики обычно хают детей, – усмехнулся вождь. – Не переживай, наши дети не пострадают от этого, вырастут не слабее нас, а наверняка сильнее. Посмотри на Хаулы, на Тэмзу, чем не орлы!

– Это единицы. Вспомни, какими были наши предки – богатыри!.. С луком и копьём днями без устали они ходили на дикаря-оленя, а теперь что – теперь ружьё. С ним не надо подползать, выслеживать, брать на копьё, пуля слепа, она далеко летит, смертельно ранит. Где наша мощь, мы с каждым годом становимся меньше, слабее.

– Нгарвумы, через это проходят все народы. Так и говорит Сэру Ирику. Сначала народ – дитя, он молод и зелен, потом приходит взрослость, он становится сильным и зрелым, дальше идёт старость, вместе с ней мудрость, но тут же и дряхлость, слабость, однако народ не умирает, он живёт, чтобы вновь возродиться или рассыпаться по другим землям.

Нгарвумы вспыхнул:

– Я тебя не понимаю, выдутана. Ты уходишь от ответа. Скажи честно, будешь помогать русским или нет?

– Я русским не сказал и тебе не скажу. Завтра Сэру Ирику изъявит свою волю. Не надо торопить бога, – закричал от ярости Тар Ямал. – Уходи отсюда! Вон с глаз моих!

– Я всё равно буду против русских! – прошипел, повернувшись к тадебя спиной, Нгарвумы. Глаза его метали молнии, рот брызгал слюной. – Я выгоню их!

– Постой! – внезапно унял свой гнев Тар Ямал. – Ты знаешь притчу о куропатке? Послушай. Жила одна очень торопливая куропатка. Однажды она чуть ли не в драку поспорила со всей стаей, что завтра проснется раньше всех. Перед ночью заторопилась пораньше всех лечь, залезла побыстрее в снежный чум, забыла даже хвост спрятать. И уснула. Ночью грянул мороз и приморозил хвост куропатки к снегу. На рассвете пришёл проведать её песец. Она переполошилась, взлетела и оборвала свой хвост. Долго, сидя на дереве, зализывала раны. Не смея появиться перед стаей с голым задом и поднять себя на смех, не пошла к своим. Значит, понятное дело, проиграла. Поэтому не надо зарекаться, не надо бить себя в грудь и кричать: «Выгоню!» Как бы не остаться без хвоста!

– Я понял, ты хочешь сказать, что я, как та куропатка, смешон и глуп. Говорю не подумав, – с досадой ответил Нгарвумы.

– Понимай как хочешь. И прощай, мне ещё надо побыть одному. А ты хорошенько подумай. Не делай поспешных шагов, они приведут тебя к гибели.

Вождь долго смотрел вслед удаляющемуся Нгарвумы и качал головой. Тяжёлые думы одолевали его. Как ни крути, ведь в чём-то Нгарвумы прав – особенно в опасениях за веру. Кто

скажет, чего ждать от русских? Куда они повернут? Вдруг начнут насильно сеять среди ненцев православие? Вот тут и решай, помогать им, не помогать. Не поможешь – накличешь неприязнь к своему народу. Поможешь – увеличится приток русских на Ямал, начнут занимать самоедские земли, бить их зверя. Правда, ещё вопрос, много ли их сюда двинет? Места здесь несладкие и климат суровый.

И другой вопрос терзал вождя – может, главный – насчёт посажённого на Ямал правителя! Этот-то воевода умён, осторожен, глупостей не допустит, а придут другие?.. Как они повернут? «Да, много вопросов, все с наскока не возьмёшь, – проговорил вслух старый мудрец. – Пойду-ка я спать, утро вечера, говорят луця, мудренее. Завтра очень важная встреча с Сэру Ирику, она решит многое. Если не всё!»

2. Братство сихиртя

Утром третьего дня воевода по привычке встал рано. К своему удивлению, казачка, который любил, как все молодые, поспать подольше, в шатре он не обнаружил. Воевода спустился к реке, умылся по пояс студёной водой, расчесал деревянным гребнем сбившиеся за ночь волосы, оправил на себе одежду, поел заботливо подогретую поваром уху, Ивашка всё не появлялся. Афанасий терпеливо подождал ещё с полчаса, с тревогой вглядываясь вдаль, Ивашки не было.

– Корней! – кликнул он сотника.

– Слушаю, господин воевода, – предстал сотник пред очи воеводы.

– Казачка не видел? Куда он запропастился? Со мной ведь в одно время лёг...

– Забыл совсем, виноват, – потупил голову Корней. – Рано поутру прибёг ненец, которого звать Тэмзу Наречи, и забрал с собой нашего казачка. Сказали, что щенков хотят наловить. Рыла[16] взяли норы копать.

– Каких ещё щенков? – не сразу сообразил Афанасий.

– Песцовых. Копанцами их ненцы зовут.

– И куда они двинули? Где их, если что, искать?

– Вон в ту сторону, – указал сотник в сторону холмов, на север. – Я видел, как они на лодке речку переплывали. Тимошка их перевёз. Потом через пойму шли, дальше через те вон бугры, что недалече от моря. В тундре далеко видать, и я их долго видел, пока через бугры не перевалили. Там среди холмов, видать, по кручам ползают, норы ищут.

– Что-то неспокойно мне, – не находил себе места воевода. – Молодо-зелено. Зачем одних отпустил? Дал бы кого-нибудь взрослого. Вдруг что случится.

– Не должно. Места здесь тихие. Люду разбойного нет, медведь белый далеко отсюда, там, где снег лежит, лёд. Бояться нечего, чего всполошился? Пора парню взрослеть, самостоятельным быть, без поводырей, нянек ходить. Уж больно ты за него печёшься, – успокоил, как мог, Корней.

– Так-то оно так, но всё-таки прикажи караульному усилить наблюдение. Пускай почаще на холмы эти поглядывает.

До самого обеда Тучков был занят неотложными делами: проверял снаряжение стрельцов, оружие, припасы. Велел установить в боевое положение на кочах затинные пищали, осмотрел совместно с Севрюком корабли на возможность течи. Дел хватало. Залезли с Севрюком в носовую часть каждого корабля, ощупали упруги – матёрые и кореники, вырубленные из просмолённых сосновых комлей. Кочи в целом за поход не пострадали, незначительные изъяны тут же по указу Севрюка устранялись. Перед самым обедом неожиданно со сторожевой вышки донёсся тревожный крик караульного:

– Тревога! Воеводу! Где воевода?!

– Что случилось? – первым на зов подбежал Корней.

– Бежит кто-то. Сигнал тревоги подаёт – руками машет. Как раз с той стороны, куда Ивашка с ненцем ушли, – прокричал караульный.

– Далеко отсюда?

– Версты полторы. Во – упал, нет, поднялся. Снова бежит, торопится.

– Тихо! Не вопи, – гаркнул Корней. – Чуешь, крадётся кто-то. Смотри в оба, где-то рядом.

Из прибрежных кустов, отряхиваясь от воды, с окровавленной шерстью на шее выскочил мокрый, заляпанный грязью и репейником Полкан. Спустя мгновение донесся до заставы истошный крик о помощи.

– К оружию! Бей в набат, труби тревогу! – крикнул трубачу подоспевший к вышке Афанасий. Нашёл глазами Корнея и приказал: – Бери

охотников, человек десять – и быстро к холмам! Там что-то неладное...

Тут же ударил барабан, раздался набат, предупреждая людей о чрезвычайных обстоятельствах в стане мореходов. Стрельцы, вооружённые пищалями, ружьями, встали в строй, ожидая приказа, готовые к боевым действиям.

– Кто со мной? Есть охотники? Шаг вперёд! – скомандовал Корней.

Желающих, как всегда, оказалось более чем достаточно. Корней отобрал самых надёжных, испытанных, отряд не мешкая выступил на указанную Афанасием позицию.

Афанасий зашёл в свой шатёр, тоже вооружился. И тут же вышел. Приказал оставшимся занять положенную при нападении позицию, лишь у костра оставил пару человек, наказав подкладывать в огонь сырую траву. Поморы-моряки сами быстро, без суеты заняли на кочах свои боевые позиции, изготовясь дать отпор любому врагу. Часть стрельцов и казаков по указу Афанасия принялась прочёсывать близлежащую местность: кустарники, кочки, ерники. Остальные заняли круговую оборону лагеря.

Охотники во главе с Корнеем Заварзиным, переплыв на лодках реку, подались к кочкастому болоту. Впереди их, переплыв реку вплавь, нёсся возбуждённый Полкан. Корней на всякий случай у лодок для охраны оставил двоих стрельцов. Один, притаившись, сел за вёсла, другой залёг рядом в кустах.

– Севрюк! – окликнул шкипера Тучков.

– Слушаю!.

– Ударь из пушки. Дай знать Тар Ямалу о тревоге.

– Так он, должно, набат слышал.

– Всё равно пальни, – настаивал Афанасий. – Быстрей поймёт, что у нас случилось что-то недоброе.

Чуть погодя с борта большого коча рявкнула большая затинная пушка. Едкий белый дым от сгоревшего пороха далеко разошёлся по реке. От добавленной в костры сырой травы и мха по тундре клубами расползался, забираясь высоко в небо, серый дым. Истопникам показалось этого мало, и они добавили в костры нерпичьего жира, и дым стал зловеще чёрным, усиливая и без того осевшую в душе тревогу.

– Воевода, самоеды взбудоражились, выводят упряжки, – сообщил дозорный с вышки.

– Куда направляются? Видишь?

– Похоже, к нам, господин воевода.

– Наших охотников видишь? Смотри лучше, может, уже нашли кого? В бой вступили? Дым от выстрелов должен быть.

– Нет, ничего не вижу. Нет, постой, появились. Встретились с кем-то. Кажись, Ивашка это.

– Ивашка? – всполошился Афанасий. – Точно? Не ошибаешься? Может, это его дружок Тэмзу Наречи – ненец? Ненца по одежде отличить можно.

Дозорный еще раз пригляделся.

– Нет-нет. Не ненец. Наш Ивашка. Полкан около него трётся, ластится. Полкан к чужому не подойдёт. Вон, теперь двинулись, но не к нам, а к сопкам, откуда Ивашка явился.

– Ясно. Пошли ненца искать. Продолжай наблюдение и докладывай. Севрюк! – вновь окликнул шкипера воевода. – Выводи малый коч к тем же сопкам. Найди охотников. Близко к берегу не жмись, обстрелять могут, но и охотников на виду держи. Мореходам прикажи, чтоб ко всему готовы были, порох сухим держали.

– Слушаюсь, господин воевода!

– Постой отчаливать! Где наши монахи? – вспомнил Севрюк.

– На большом коче врага встретить готовятся, ядра пушкарям подносят. Я приказал, – сухо ответил встревоженный воевода.

– Молодцы! Возьми с собой Евлампия. Он лекарь толковый. Сам настоятель его рекомендовал. Пригодится. Чую я, там без серьёзных дел не обошлось, – махнул он рукой в сторону сопок. И давай не мешкай, вдруг твоя помощь понадобится.

– Отдать носовые! – тут же прозвучала команда шкипера Севрюка, и коч, подняв паруса, отвалил от причала.

– Дозорный! Что там на сопках? – вновь затребовал ответ от караульного Афанасий.

– Ничего, господин воевода. Все скрылись за ними. Никого не видать.

– Самоеды – что?

– На подходе, скоро будут. Слышите – колокольный звон.

И точно. Через каких-то десять минут на стан въехали оленьи упряжки с Тар Ямалом, Хаулы и Нгарвумы с братом.

– Ань тарово! – по очереди поприветствовали они мореходов.

– Будьте и вы все здоровы, – ответил на приветствие Тучков.

– Что случилось, воевода? Отчего такой переполох, дым, гром пушек? – встревоженно спросил вождь аборигенов.

– Толком сам не знаю. Одно ясно, что-то из рук вон... С вашим молодым Тэмзу Наречи беда. Собака весть нехорошую принесла, прибежала от парней не ранена, но с кровавой шерстью. Вероятно, подстрелил его кто-то либо ещё что, – предположил Афанасий.

Вождь направил в сопки пронзительный взгляд, спросил:

– Тэмзу там, на холмах?

– Там. Я отправил туда отряд охотников и малый коч. Велел разобраться, в чём дело.

– Трэм. Я отправлю туда ещё Нгарвумы. Он хорошо знает те места. Пусть посмотрит.

– Добре. Пусть смотрит. Только лодки у меня все на той стороне. Сейчас свистнем казакам, пусть пригонят.

– Зачем лодка? Не нада лодка, – замахал рукой Тар Ямал и что-то шепнул на ухо своему бывшему врагу.

Нгарвумы молча кивнул головой и, взяв оленьего вожака под уздцы, повёл упряжку к реке. Вышколенные олени без сопротивления вошли в холодную воду и поплыли, таща за собой нарты, словно лодку. Нгарвумы одной рукой зацепился за них, другой – за вожжи и хорей и, как буксир, поплыл вслед за оленями. Его малица, словно пузырь, вздулась, помогая удерживаться на поверхности. Люди, видя, как течение сносит упряжку в сторону моря, встревожились, напряженно и озабоченно следя за отважным ненцем.

– Не унесёт его? Успеет до берега? – встревожился и Афанасий.

– Успеет. Олень быстро плавает. Быстрее лодки, – ответил спокойным, твёрдым голосом Тар Ямал и, уверенный в Нгарвумы так же, как в самом себе, отвернулся. Посмотрел на котлы, стоящие недалеко от костра.

– Есть хочешь? – поймал Афанасий его взгляд. – Подняли по тревоге мы вас, не успели поснедать?

– Какая сейчас еда, в рот не полезет. Вот от горячей воды бы не отказался. Жажда мучает.

– Это мы сейчас. Тихон, сообрази нашего отвару со зверобоем, – распорядился Афанасий. – Им вмиг желание утолишь. Остался у тебя?

– Есть. Настаивается, – гостеприимно улыбнулся Тихон.

– Вот и добре. Подогрей только.

Тихон и костровые вновь принялись разжигать попритушенные сырой травой костры. На одном Тихон грел отвар, на другом кипятили принесённую с реки воду на случай надобности её во время боя. Стан, поднятый по тревоге, постепенно угомонился, ожидая известий от охотников либо от ушедшего в море Севрюка. Обманчивая тишина заполнила округу. С сопок, со стороны моря не было слышно ни залпов, ни выстрелов. Дозорный на вышке, зорко смотрящий вдаль, в сторону холмов, ни о своих, ни о врагах ничего не сообщал. Афанасий, решив, что он подустал, приказал сменить караул, а сам присел на бревно рядом с вождём, который уже с удовольствием попивал поданный ему отвар. Афанасий тоже взял кружку поднесённого Тихоном питья и мелкими глоточками хлебал горячее, душистое варево.

– Что может там случиться? – с непроходящей тревогой спросил он вождя.

– Не могу точно знать. Что-то необычное, – голос Тар Ямала казался невозмутимым.

– Ты же шаман. Шаман должен знать всё.

Тар Ямал с укоризной, как на пацана, посмотрел на него. Покачал головой, с упрёком ответил:

– Даже Сэру Ирику не знает всего.

Афанасию стало неудобно за бестактность, он крякнул от досады, обругал себя выскочкой и повинился:

– Извини, отец. Я давно не участвовал в серьёзных делах. Отвык. Нервишки шалят. Последнее время всё больше торговлей, а не ратным делом занимаюсь. Суда строю, по морям хожу. Было Мангазею охранял, купцов от лихих людей стерёг, но это всё мелочи, не в счёт. Вот с ханом Вони пришлось серьёзно стыкнуться. Ты, должно, знаешь его?

– Знаю. Я, когда Вони начал войну, сторону луця держал. Я был против выступления и говорил об этом Вони. Его обидел русский князь, а он со всеми луця мандаладу начал. Мои люди пошли в Обдорск, вступали в русское ополчение. Я хана селькупов хорошо знал. Смелый, дерзкий, но бесшабашный и непостоянный человек. Я участвовал в сражениях с селькупской ордой, руководил ополчением, когда Вони на

Мангазею напал. Вони хотел сжечь город, но встретили его на подходе, в поле, и дали бой. Вони и его люди не выдержали натиска и попятились. Попрятались по землянкам и стойбищам. Противоречивый он, его не поймёшь, на другой год, когда началась в Мангазее цинга, прислал несколько упряжек рыбы и стадо оленей на мясо. Это при том, что его люди тоже болели, мёрли, хворь не разбирает, русский это, селькуп, ненец – всех под одну гребёнку причёсывает, косой под корень. Вони, видишь ты, не поскупился, поделился последним. То хотел сжечь, то есть уничтожить весь народ в Мангазее, то от себя оторвал, чтоб тот же народ выжил. После благородного с его стороны поступка мы с ним замирились и больше не воевали, – сказал вождь и умолк. Он выглядел настолько спокойным, будто в стане ничего не произошло.

Афанасий, слушая речь старого мудрого вождя, тоже старался усмирить свои тревоги.

– А сейчас кто на наших напал? Неужели опять селькупы? Неуж так далеко от своих мест забрались? Не верится что-то. Кто же тогда? С самого утра, как ребята ушли, места себе не нахожу. Ивашка-то как сын мне, – сказал он.

– Это духи тебя предупреждали. Говорили с тобой?.. – удивленно взглянул на воеводу Тар Ямал.

– Я с духами не общаюсь. О чём они могли предупреждать? А тебя они не предупреждали? Тебя-то они должны в первую голову!..

Тар Ямал не стал ничего объяснять, глубокомысленно промолчал, только опять слегка укоризненно посмотрел на Афанасия.

Воеводе, человеку русскому, не дано понять шамана иноплемённого, чем тот живёт, дышит, руководствуется – потёмки это для простого смертного. Для того чтобы понять, надобно много, очень много прожить с ним рядом, бок о бок, многому выучиться, подсмотреть, вникнуть. Надо жить в тундре и тундрой. Надо слышать и понимать разговор трав, леса, различать силу, мягкость, свирепость воя ветра, крик его души. Знать язык зверей, животных, Понимать песнь волка, разбираться, когда он поёт, истосковавшись по любви, а когда от безысходности, от чувства близкой смерти. И всё это не объяснишь чужеродному человеку, к нему не приходят духи, не зовут стать их земным проводником, не говорят, как правильно жить. Пустое это дело – объяснять, навязывать свои понятия о жизни, свои устои, свою веру.

День тем временем скатывался к вечеру, а вестей от разведчиков всё так и не поступало.

– Вижу упряжку. Гонит от сопок. В нашу сторону... – наконец пришло с вышки от караульного известие.

– Должно, Нгарвумы? – обратился воевода с вопросом к вождю.

– Он, больше некому, – утвердительно ответил Тар Ямал, пряча глаза от слепящих лучей взошедшего солнца. Он приставил ладонь под козырёк, вгляделся пристальней вдаль и добавил: – Один едет. Нарта легко идёт. С грузом – тише.

– Вижу коч! Севрюк идёт, его стяг на мачте. На всех парусах шпарит. Знать, важную весть везёт, – сообщил дозорный с вышки.

– Сейчас всё ясно станет,– довольно потёр руки Афанасий. – Нет хуже неизвестности. С ума сойдёшь, пока дождёшься ясности.

– Одно уже ясно: что ни селькупы, ни ненцы напасть на ребят не могли, – твёрдо проговорил Тар Ямал.

– Кто тогда? Чужаки, пришлые?

– Пришлые – тоже сомнительно. Они следы оставляют. Не успели чужаки ещё подумать, шаг сделать, а мы уже знаем, что не наш человек по Ямалу идёт. Летом особенно, летом пройти по тундре незамеченным невозможно. Зимой ещё куда ни шло, на олене проскочить можно, олень шибко бегает, а ветер, метель хорошо следы заметают, стоянки прячут. Слушай, а может, это сихиртя, – стукнул себя раздосадованно по лбу шаман. – Как я сразу не догадался. Они с нами, было время, воевали. Потом замирились и давно мирно живут. С луця войну затевать тем более не будут, они вас как огня боятся. У них и воевать-то некому, совсем мало осталось мужиков – мрут как мухи.

– Сихиртя, говоришь. Это что ещё за народ? Впрочем, погоди. Корабль близко, на подходе уже.

Действительно, малый коч под зычные команды Севрюка медленно заходил в устье реки. Ветер стих, и поморы дружно налегли на вёсла, швартуя судно к причалу. Последний взмах вёсел – и на берег полетел толстый пеньковый канат. Казаки подхватили дружно конец чалки и подтянули коч к пристани. За канатом пошли сходни – трап, и по нему на берег первым сбежал Иваш-

ка с малицей ненецкого друга, за ним – Корней Заварзин с казаками-охотниками, которых забрал за поворотом береговой черты у сопок Севрюк. Он, в нарушение приказа воеводы, пожалел охотников, пристал к берегу и принял их на палубу вместе с пострадавшими. Впереди всех – четверо казаков осторожно на носилках несли раненого Тэмзу Наречи, вслед за ними с котомкой для лекарств шёл эскулап-монах Евлампий. Он мелко-мелко крестился и шептал под нос молитву о сохранении здоровья мальца. Тэмзу был плох: в забытьи закатив глаза, хрипло и тяжело дышал, жалобно, со всхлипами постанывал.

– Что с ним? – одновременно спросили причаливших Тучков и Тар Ямал.

– Ранен тяжело стрелой, – ответил за всех Заварзин.

– Несите его в мой шатёр! – распорядился Афанасий.

– Его на стол надо, – вмешался эскулап Евлампий.

– На стол так на стол. Кладите на мой, ненец маленький, ему как раз будет. Да побыстрее, ребята. Чего встали, чёрт вас побери! Бегом давайте! – прикрикнул Афанасий на казаков. – Эскулап, рана у него тяжёлая?

– Тяжёлая, глубокая. Стрела насквозь прошла. Крови много потерял, – ответил монах.

– Стрелу-то хоть вытащили?

– Не всю. Обломили только, часть в теле осталась.

Афанасий взглянул на обнажённое, перебинтованное лоскутом белой материи тело Наречи и по засохшей крови определил, что оно кровоточит давно и, по-видимому, не переставало – сквозь бинты проступали пятна свежей крови.

– Ну, рассказывай, что там произошло? – показав рукой на сопки, потребовал ответа от сотника воевода.

– Расспрашивал уже Ивашку. Ничего толком не добился. Мычит, головой трясёт, – ответил Заварзин.

– Понятное дело, не в себе парень. Слишком потрясён, видать. Успокоить надо, чаем со снадобьём напоить, покормить.

Меж тем лекарь взял из рук Ивашки малицу и, расстелив её на столе, накрыл чистой простыней. Казаки, повинуясь распоряжениям монаха, положили аккуратно ненца на изготовленное ложе – стол, сами гуськом вышли вон из шатра.

Лекарь с помощью шамана тут же принялись освобождать перевязку от тела Наречи. Присохшие от запекшейся крови тканевые ленты отдирались с трудом. Молодой ненец, сжав зубы, терпел, скрипел зубами, в углах его губ, пузырясь, пенилась кровь. Монах недружелюбно покосился на помогающего ему шамана, но ничего не сказал.

– Горячей воды, быстро! – требовательно крикнул он в открытый проём шатра. Увидел нож с узким, блестящим лезвием в руках Тар Ямала и спросил: – Ты что, сам резать собрался? – показал он на рану и на обломок стрелы, торчащий из неё.

– Могу и я, – невозмутимо ответил шаман. – Мне не привыкать. Хочешь сам?

– Нет уж, коль не привыкать, то давай действуй. У меня-то такого опыта, считай, не было.

– Ладно, вы тут без меня разберётесь, кому что делать. Я думаю, справитесь, а я пошёл, надо народ успокоить, – устало сказал Афанасий.

Он ещё постоял немного, глядя на врачевателей, как бы спрашивая их – справитесь, не справитесь? Они кивнули в ответ, и он решительно вышел из шатра. Следом за ним выскользнул, прикрыв поплотнее полог, Хаулы.

Воевода первым делом успокоил собравшихся у шатра людей, сказав, что всё, по-видимому, обойдётся, и тут же приказал Корнею усилить караулы и наблюдение – дозор с вышки. После всех этих перипетий подошёл к Ивашке, который, осунувшись, сидел с охотниками и поморами около костра. Паренёк почти не притронулся к пище, по-видимому, потрясение его молодого, неокрепшего организма было так велико, что он не смог и за полдня прийти в себя. Возле соседнего костра, раздевшись по пояс, сушился вернувшийся из разведки Нгарвумы. Его промокшая насквозь малица висела для просушки на пряслах недалеко от огня. Нгарвумы, выливая из пивов[17] грязную воду, что-то бурчал ругательное себе под нос. Вероятно, отпускал крепкие слова в сторону сихиртя, которые, видимо и по его мнению, напали на Тэмзу Наречи.

– Ну что, брат, кровь увидал и испугался? Или мы не казаки!

– Господин воевода! – подскочил казачок с бревна, расплёскивая на песок уху. – Не испугался я...

– Ладно, сиди. Не испугался, не испугался, верю. Тогда рассказывай, как дело было. Нет, постой, – увидев, что парень до сих пор в смятении, остановил его Афанасий. – Сначала ты, Корней, расскажи.

– Начну, значит, по порядку, – охотно вступил Корней. – Мы, как только дошли до сопок, вначале Ивашку встретили. Какой он предстал перед нами, не буду рассказывать, сам видишь. Из его путаных слов я одно разобрал – что на них напали неизвестные люди. Ивашка таких не видел, одно запомнил: ростом маленькие, лицо белое, плоское. Тэмзу ранили стрелой. Ивашка то ли со страху, то ли с выучки – твоя школа, – показал пальцем на Афанасия Корней, – упал на землю, и вторая стрела прошла мимо. Нападавшие тут же как появились, так и скрылись. Словно сквозь землю провалились. Ивашка очухался, попытался ненца тащить, но не осилил, понял, что ему одному не справиться, побёг на стан за подмогой. Тут и мы подоспели. Обшарили всё вокруг, никого не нашли. Следы маленькие, как у подростка, почти как у Ивашки в одном месте, на берегу оврага, на глине хорошо отпечатались. Рану у хлопца перевязали, стрелу попробовал вырвать – оперенье не дало. Я его обломал, попробовал за наконечник тянуть, он от крови мокрый – в руках скользит. Зубами рвал, не вырвал, крепко сидит, зараза. Овраг и сопку, с которой неизвестный стрелял, тщательно обследовали, ничего не нашли, только несколько нор, глубоко уходящих под землю. Норы не широкие, опять же только мальцу протиснуться под силу. Пробовали Полкана натравить, но он след не взял, видать, ступни эти, как их назвал вождь, сихиртя, мажут чем-то. Вот, собственно, и всё. Дальше ты знаешь, подошёл наш коч, сделали пару выстрелов, дали знать о себе. Пока коч причаливал к берегу, самоедин подъехал, хотел раненого на нартах везти, мы его убедили, что на корабле будет лучше. Раненого же не дело как куклу везти. Растрясёшь так, что ещё хуже сделаешь. Самоедин при нас сам лично осмотрел место стычки, сказал, что это подземные люди-призраки. Чертовщина какая-то? Может, и правда, он на своей земле, лучше её знает?..

Из шатра с окровавленными руками вышел Тар Ямал, протянул Афанасию обломок стрелы с наконечником, добытый из раны Тэмзу Наречи. Афанасий положил обломок на ладонь и внимательно осмотрел. Липкий от крови наконечник, отлитый из бронзы, сверкал на солнце. Воеводе давно не приходилось встречать наконечники из сплавов меди с серебром. Форма отлива у него тоже была непростая – с зазубринами. Такие наконечники сулили большую опасность в теле врага, кроме того, если стрела не выходила насквозь, достать её было практически нельзя.

– Как он? Что скажешь, вождь?

– Всё обошлось. Будет жить, – ответил спокойно тот.

– А про это что думаешь? – показал на наконечник Афанасий.

– Я уже говорил, что это сихиртя. Такие наконечники делают только они.

– Расскажи о них поподробней.

– Это люди, которые живут глубоко под землёй, в сопках, на берегу моря. Роют норы, пещеры и там проживают. Нгарвумы прав – это призраки, они и есть, и их нет.

– Не понятно, так не может быть, и есть, и нет. Что-то одно должно... – растерялся Афанасий и развел руками.

– Больше ничего о них не могу сказать. Тёмные люди, хотя на лицо и светлые.

– Ну хотя бы знаешь, как они выглядят, что едят, чем занимаются? – пристали к Тар Ямалу Севрюк, Заварзин и остальные рядом стоящие мореходы, казаки. Действительно, ужас же, как интересно людям послушать про загадочный народ.

– Тар Ямал, ну сделай милость, расскажи, – попросил и Афанасий. – Давай присядем поближе к костру, поговорим.

– Руки в крови, помыть надо, – ответил вождь и направился к реке.

Собравшиеся в ожидании вождя расселись на брёвна, к ним подходили свободные от дел стрельцы, казаки, монахи, все с удивлением разглядывали наконечник стрелы, возмущались, удивлялись, прислушивались к разговору.

– Добрый наконечник, от него не уйдёшь. Его только с мясом можно вырвать, а значит, и с жизнью... – рассудил кто-то.

– У морского гарпуна такие же зазубрины. Он тоже ни нерпу, ни тюленя не отпустит, мёртво вцепляется, – ответили ему.

Тар Ямал помыл руки, вернулся к костру, сунул отмытый клинок, которым оперировал, в ножны и сел рядом с Тучковым. Окружающие их

мужики в ожидании продолжения рассказа напряжённо молчали. Шаман, собираясь с мыслями, долго молча смотрел на кумачовые языки пламени. Пошевелил палкой угли и, ни к кому не обращаясь, заговорил:

– Это странный народ, очень странный, живут скрытно, их захочешь увидеть, да не увидишь. Редко кому удаётся. Мне посчастливилось. Я встречался с сихиртя два раза. Чтобы рассказать об этом, надо вернуться в детство. Ко мне ещё будучи совсем маленьким приходили духи. Меня подолгу в свои объятия забирал сон, во сне я жил другой жизнью – общался с неизвестными мне людьми-не людьми, словом, как я потом понял, с духами. Я, бывало, спал по три-четыре дня кряду. Отец решил, что у меня порча, и повёз к тадебя. Шаман сказал отцу: «Не переживай, возвращайся в свой чум и живи спокойно. Я оставлю мальчика у себя. Привези только оленя, чтобы лечить сына, надо жертвовать. Осенью приезжай за ним, он станет большим тадебеем».

Род Яптунай, к которому принадлежал шаман, жил возле реки Харасавей, недалеко от хромых сопок, где на высоком берегу моря собираются птицы, в основном чайки, много чаек, тучи. Гвалт стоит такой, что шум моря не слыхать. Эти чайки тоже приходили ко мне во сне и подолгу со мной человеческим голосом разговаривали. У тех сопок очень высокие и крутые обрывы, впадающие в море рек, что текут рядом, тоже с крутыми и высокими обрывами. На тех сопках я и встречался с сихиртя. Тадебей дружил с ними, знал язык, говорил с сихиртя, обменивался вещами. Приходил, оставлял в условном месте и забирал оставленные сихиртя. Он какими-то знаками на песке изображал, что ему надо. Однажды тадебей взял меня с собой. Сказал, что сегодня сихиртя должны выйти из укрытия и говорить с ним. Что я, мол, говорил им о тебе, они сказали: веди – пацанов они не боятся. Так я их увидел в первый раз. Это совсем маленький народ, белоглазый. У них красивые женщины, очень, мужики, наоборот, страшные, корявые. Потом в эти места пришли ненцы других родов, что жили у Камня, у Обдорска, пришли коми, зыряне. Всем места не хватало, началась грызня, и не только меж собой, но и с сихиртя. Дело дошло до того, что люди убивали друг друга. Сихиртя тоже преследовали, теснили, они, видя такое, ушли из тех мест. Теперь живут здесь да на Тиутей-сале, их совсем мало осталось. Мой брат как-то выследил девку сихиртя, поймал её и жил с ней долго. Красивая баба. Оказалось, смышлёная, научилась ставить чум, нарожала ему кучу детей, всех вырастила. Он ходил с ней к её родителям в гости. Те смирились, хорошо принимали.

– Где же они живут? Неуж в норах? Как кроты, что ли? – понеслись удивленные расспросы мужиков.

– Да, в норах, вернее – в пещерах. Роют глубокие землянки – пещеры и живут, как лемминги, не видя света белого. В пещерах же окон нет. Землянки обкладывают плавником, чтоб теплее зимой было, дополнительно обогреваются очагами, дым от которых вытягивается по дымоходам, тоже прорытым и устроенным так, чтобы он не поднимался вверх, а стелился по земле. Всё маскируют так, что не обнаружишь. Рядом будешь топтаться, по их головам ходить, а не найдёшь, – поведал Тар Ямал.

Повисло молчание. Казалось, услышанное было невероятным. Мужики призадумались.

Первым подал голос Афанасий:

– Коли так, то чем же они питаются, что добывают, на что охотятся?

– Летом их кормит море. Они хорошие рыбаки, охотники. Ловят рыбу, бьют тюленей, моржей. Свои лодки сборные они, как и всё, что есть у них, прячут под землёй либо топят в озёрах так, чтоб никто не нашёл. Это они научили наших предков ходить в море, бить зверя. Это они показали нам дорогу на Белый, на благодатное место, где живёт Сэру Ирику. Тюленей, нерпу, рыбу они прячут в землю, там, где есть мерзлота – лёд. В самую зиму они, как бурые медведи, спят. Изредка просыпаются, чтоб подкрепиться, набить желудок, и опять заваливаются в сон. Иногда зимой я вижу огни на берегу моря и твёрдо знаю, что там нет ненцев и луця нет. Значит, сихиртя выползли подышать воздухом. В пещере-то его, видать, не хватает.

И снова один за другим посыпались вопросы о диковинном народе. Тар Ямал только успевал отвечать.

– Они знают огонь, сами делают наконечники?

– Да, у них хорошие кузнецы.

– Где же берут руду или бронзу?

– Руду берут на Камне. Там чудь до сих пор берет руду. У них и меняют, наверное, на что-нибудь.

Мужики дружно загалдели, обсуждая между собой такие новости. Чтобы стало тише, воевода постучал кулаком по бревнышку.

– Тар Ямал! Сможем ли мы их найти? – спросил воевода.

– Едва ли, они ловко прячутся. Мало того, умеют так задурить голову, что ты их и видеть не будешь, хотя рядом стоят.

– Как это?

– Даром таким обладают – перевоплощаться. Наши оленеводы боятся их, считают за привидения – за чертей, они могут уходить за седьмой уровень Земли и знаются с богом мрака Нга. Оленевод старается обходить те места, где живут сихиртя. Если по нужде или ещё как попадает на их земли, то оставляет подарки. В таком случае оленеводу ничего не грозит: не будут пропадать олени, не будет пропадать поклажа, оставленная на зиму. Сихиртя ценят подарки.

– Это же не что иное, как дань. Вот приспособились, черти. Ты что, тоже оставлял? – округлил глаза на Тар Ямала Афанасий.

– Оставлял, – кивнул согласно головой Тар Ямал. – Сихиртя брали, но при этом всегда оставляли то, что мне надо. Откуда они это узнавали, я не знаю.

– Почему тогда они стреляли в Тэмзу? Они хотя бы по одежде должны были догадаться, что это человек вашего племени, – предположил воевода.

– Тэмзу покусился на основной закон мирного существования. Копая норы, нарушил их дом. Этого никто, никакой народ не позволяет безнаказанно делать. Сихиртя для сведущих людей оставляют на поверхности знаки. Я их знаю, Тэмзу с Ивашкой нет. Откуда им знать – молодые, непосвящённые. О сихиртя-то, о подземных людях не ведали.

– Надо наказать этих призраков! – поднялся шум среди стрельцов. – Отловить, отрубить башку или на кол посадить. Пускай знают, с кем связались.

– Умник нашёлся. Ты их сначала найди. Замучаешься копать, не знавши, где искать. Весь Ямал не перекопаешь. Нам к чему война, мы сюда с миром пришли. Прочно и надолго! – оборвал крикуна Заварзин.

– Что верно, то верно, – поддержали Заварзина мореходы.

– Я вот сюда десять раз ходил, этим вот Мангазейским морем, – встал с бревна брат Севрюка. – И ни разу на нас не нападали подземные люди. Так зачем тревожить осиный рой, если не знаешь, что из этого будет. Может статься, что они обладают такой силой, что нам с нашими пушками, с кораблями так всыплют, что мало не покажется. Если по-умному рассудить, то это же самоедская земля и самоеда же на ней ранили, вот пусть сами самоеды с сихиртя и разбираются.

– Ладно! – урезонил своих Севрюк. – Без нас есть, кому решать, что с ними делать. Есть у нас капитан, он же воевода, ему и решать – начинать войну с сихиртя или не начинать. Ему и хозяину тундры, вождю аборигенов, кому ещё? Больше-то некому!

Тучков же ушёл в себя и не спешил с ответом – сидел, думал.

– Что скажешь, шаман? – обратился он в первую голову к хозяину тундры. – Это твоя земля. Тебе здесь жить, кочевать. Что делать станем?

– Моя вот что думает – ничего делать не надо. Тэмзу жив, не убили, мстить не будем. Тэмзу сам виноват, не спросил старших, можно копать, нельзя. Теперь знать будет, как, где копанцы рыть. С сихиртя я сам говорить буду. Спрошу, зачем парня стреляли? Скажу, чтоб больше так не делали. Слово с них возьму. Пускай накажут того, кто стрелял! – вождь замолчал, потом встряхнулся и более подробно объяснил ситуацию: – Есть кочевники, которые с сихиртя воюют. Нам война не нужна. Война – плохо, мир – хорошо, пускай плохой, но мир. Для некоторых эта земля ничья, – махнул он в сторону сопок, где объявились сихиртя. – Вот на неё и зарятся люди, те, у которых жадность впереди тени бежит. Мои люди туда не ходят, они если каслают, то только рядом. Чаще вообще в стороне от жилья сихиртя. Наши дальше Сё-Яха не ходят.

– Это что за место? Ты раньше не говорил о нём, – заинтересовался Тучков, поправляя угли в костре.

Тар Ямал наблюдал за пламенем огня.

– Твои так называют местность около реки Мутной, – ответил он.

– Выходит, Сё-Яха – Мутная река. Надо запомнить.

– Нет, Сё-Яха – это в переводе «горло».

– Я понял, – встрял в разговор задумавшийся было Севрюк. – Это горло реки или устье.

Метко, но наше название, пожалуй, точнее будет. Мутная, значит, вода в ней грязная, потому как берега из глины. Из-за паводков, из-за дождей в реку обрушиваются потоки глины. С Мутной понятно, а как, интересно, Зелёную называете?

– Тоже Сё-Яха, – невозмутимо ответил вождь. – Они похожи, зачем слова тратить. Одна ближняя, другая дальняя Сё-Яха.

– Всё равно же путаница, – не согласился уже Корней. – У вас что, слов не хватило, чтоб реку обозвать?

– Ты чтишь своих предков? – посмотрел на Севрюка как на недотёпу Тар Ямал. – Вот и я чту. Это они такое название дали, значит, не зря. И этим узаконили. Зачем менять?

– Реки реками, их как ни назови, всё равно река будет. Меня другое волнует, – перебил спорщиков Афанасий. – Что ты своим людям скажешь, если вместо мести за раненого ты мир с сихиртя объявишь? Поймут они тебя?

– Поймут. Дом, чум у нас священны. Тэмзу наказали не только сихиртя, но и их Один.

– Что ещё за Один? Ты знаешь, кто конкретно стрелял в Тэмзу Наречи? – напрягся воевода.

– Нет. Один – это главный бог сихиртя.

– Один?.. Постой, постой, – повернулся Афанасий к одному из монахов. – Тихон, позови-ка сюда Евлампия. Он всё ещё в шатре. Подмени его, если потребуется.

Спустя короткое время к костру подошел монах, он вопросительно уставился на воеводу, поглядывая в сторону шатра.

– Евлампий, тут разговор интересный зашёл. Тар Ямал, я боюсь ошибиться, повтори ещё раз имя главного божества сихиртя.

– Один! – повторил охотно вождь.

– Один?! – закатил глаза на лоб монах и быстро мелко закрестился. – Свят, свят, свят. Господи Иисусе, неисповедимы пути твоя!..

За ним бросились истово и поголовно креститься присутствовавшие при разговоре монахи.

– Это имя древнего языческого верховного бога угорских племён и викингов. Это же отсюда какая даль! Как они проникли сюда, на Ямал? А может, они раньше жили не только в Скандинавии, но и по всему северу Ледовитого океана? – удивлялся Евлампий, как будто позабыв даже о раненом.

– Тар Ямал, а ты что-нибудь слыхал об их прошлом? – спросил Афанасий.

– Моя от своих предков слышал, что подземные люди на этих землях жили испокон веку. Обитали здесь ещё до нас.

– Евлампий, а ты что ещё знаешь про Одина?

– Мало. И не хочу знать. Читал, что Один был богом у предков Рюрика, Рюрик пришёл и сел в Новгороде. Точнее, его попросили русские князья стать великим князем всея Руси, ибо среди местных не находилось такого мудрого, твёрдого, неуступчивого, который бы мог земли объединить, собрать. Не изыскивалось из-за гордыни, спесивости, междоусобиц удельных князей, – поделился своими знаниями Евлампий.

– Что Один, что Перун, что Зевс, что Сварог – все они языческие, значит, от ереси. Язви их в душу всех, прости меня, Господи, грешного. Упоминать даже грех. Придётся сто раз «Отче наш» прочесть. Покаяться: соприкоснулся, мол, ненароком. – И снова троекратно мелко перекрестился монах и заспешил от греха подальше под подначки не очень набожных стрельцов в шатёр к раненому Тэмзу Наречи.

– Неужели викинги могли проникнуть сюда? Не верится, – продолжал вслух рассуждать Севрюк, будто сам с собой.

– Почему нет. Мы же ходим на Север. Викинги были славные мореходы, – откликнулся Тучков. – Может, надо заглянуть ещё дальше? Я слыхивал про гиперборейцев, они жили здесь и по всему Северу ещё до всемирного потопа. Это был могущественный народ. По небу летать умели, как птицы.

– Но ведь эти, о которых мы толкуем, носят имя сихиртя, – возразил Севрюк, не сообразив.

Тучков легонько усмехнулся:

– Так то местные их так называют. Мы же тоже ненцев называем самоедами, однако они сами себя – ненцами. Как сихиртя сами себя называют? Тар Ямал, ты должен знать...

Вождь на мгновение задумался, припоминая.

– Постой, дай подумать. А, вспомнил, борейцами!

– Борейцы и гиперборейцы – похоже-то как! – воскликнул Тучков. – Чую, одно и то же есть! Верно, великий народ пришел в упадок – пришлось уйти под землю, скрыться.

Во входном проеме шатра появился Евлампий и крикнул:

– Тар Ямал, отрок очнулся. Кого-то зовёт, что-то просит. Я не пойму. Может, тебя?

Вождь без промедления поднялся и заспешил в шатёр. Где-то через четверть часа вышел и всех успокоил:

– Спит малый. Я усыпил его. Крепко спит. Можно забирать. Будем ехать.

– Может, не стоит? У нас он под присмотром. Лекарь последит, я велю, – предложил Афанасий.

– Везти лучше, когда спит. Он в забытьи, боли не чувствует. Вам зачем обуза? Вам скоро уходить надо. Вечером ко мне приезжали наши люди, сказали, что много луця двигаются на лошадях, пешком к Нейтинским озёрам. Передали, что там тебя будут ждать.

– Да ну! – возликовал воевода. – Радостную весть ты принёс, шаман. Спасибо! Что же молчал, хитрец!

– Я из-за парня забыл, не сказал. Много людей идет. Три раза по десять, может, чуть больше.

Афанасия распирало от радости, забыл даже про прошлую беду.

– Здорово! Это Тимошка расстарался, привёл. Ай, молодец!

Внимание воеводы привлекло движение, которое он приметил издали, в стойбище ненцев:

– Смотри, Тар Ямал, какие-то люди ещё чумы ставят. Что за люди, к тебе опять гости?

– Да, ко мне. Они издалека, опоздали немного. Хотят попасть на моё камлание.

– Слушай, вождь, не хочу обидеть тебя, но скажи: что, самоедам делать нечего? То и дело разъезжают друг к другу.

– Почему так говоришь? – вождь свёл брови. – Нехорошо. Люди приезжают всегда по делу. Поговорить, сообщение передать, помочь, подлечить. Это у вас – письма, гонцы. А в гости только по праздникам. В тундре много времени совсем один проводишь. Одичаешь – нельзя. Надо встречаться. Луця зря нас самоедами прозвали, мы сами себя не едим, сами с собой, в одиночестве не живём. Наш народ общительный. Особенно часто встречаемся осенью, когда оленей на юг каслаем, за зиму соскучимся – невтерпёж. Зимой – редко.

– Разумно. Извини, я опять не подумавши сказал, – повинился Афанасий. – Раз Тимошка народ повёл, надо и нам собираться. Много дел впереди.

– А как же сихиртя? Ты же хотел встретиться с ними, говорить, – напомнил старик.

– А-а, сихиртя! За радостной вестью упустил их. Надо бы как-то ускорить встречу. Постарайся, похлопочи, если не в тягость, друг мой Тар Ямал.

– Сейчас они затаились. Их из нор ничем не выманишь. Только если... – хитро сощурился он. – На крайний случай, можно попробовать.

Воевода аж встрепенулся, испытующе, нетерпеливо уставился на вождя:

– Что, как? Говори, не тяни!

– Сам не знаю, получится ли. Приходи вечером вон на те сопки. Сам увидишь, что выйдет, – показал Тар Ямал на сопки, но совсем не на те, где ранили Тэмзу Наречи.

– Хорошо, приду.

Тар Ямал много знал о таинственном народе сихиртя, но не всё мог рассказать – была договоренность с соседским племенем. Так, ведал Тар Ямал, где основной вход-выход сихиртя из пещеры на поверхность. От входа вели подземные ходы-норы в другие пещеры-землянки. Около него же, чуть в стороне, находилась площадка обмена продуктами, вещами, на ней же обычно происходили и встречи с людьми из других племён.

Тар Ямал в тот же день в полдень выложил на той площадке знак, говорящий о необходимости срочной встречи. Он знал, что после такого происшествия вождь сихиртя не сможет отказать ему. Борейцы – мирные люди. Зачем им война? Лучше уладить дело миром. И точно, ближе к вечеру он уже получил ответ о том, что вождь борейцев будет ждать его сразу после захода солнца. Солнце борейцы не любили, будучи все как один альбиносами, предпочитали жить в тени.

Сказано – сделано, после захода светила вождь сихиртя Засон в сопровождении двух вооружённых луками и короткими мечами воинов внезапно, как невидимка, появился из пещеры. Все трое осмотрелись, заметили Тар Ямала и чинно расселись на площадке встреч и обменов. Тут же вышла из темноты и девушка.

Старый вождь взял с собой Афанасия, но до поры до времени велел ему спрятаться и не выдавать себя, пока не позовут. Хитрый Засон тоже подготовился к встрече. Чтобы загладить

вину своего сородича, он набрал подарков: медных колокольчиков, серебряных нитей, деревянных подвесок, кроме всего, прихватил с собой одну из своих дочерей Тростиночку. Дочерей у него было множество, он не знал, куда их девать. Хорошие мужики в племени переводились быстро – были все на счету, да и те уже перезрелые, в годах. Потому-то он рад был по случаю постараться спихнуть хотя бы одну свою кровинушку в хорошие руки. У бореев, как и у ненцев, мужчины могли иметь много жён. Но он не хотел любимую Тростиночку отдавать в такую семью, где много женщин – там же много и ссор. Тростиночка была красива на загляденье. Как многие борейки, бела лицом, стройна, как козочка, глаза хладные с прозеленью, взгляд светлый, волосы длинные золотистые до пят. Единственное: уж очень мала росточком – как подростки, меньше трёх с половиной вершков. Кстати, самоедовские-то девки тоже не велики ростом, до полуторок[18] редко какая вытягивала.

Осмотрелись, пригляделись друг к другу, начали разговор. Тар Ямал неплохо знал язык сихиртя, но всё равно часто объяснялся жестами.

– Что привело тебя к нам? Что заставило? Зачем срочно? – на правах хозяина начал разговор Засон, растянув в слащавой улыбке рот на плоском, как лопата, ноздреватом лице. Заговорил елейным голосом, как будто ничего не случилось.

– Как это зачем? Твой человек убил моего, – сгустил краски Тар Ямал. – А ты говоришь, зачем срочно. Зачем он напал на него?

– Ай-ай-ай! Как так, как так... – наигранно посетовал Засон, цокая языком. – Не может быть. Не может быть.

– Может, – сурово отрезал Тар Ямал. – Ты не юли, объясни, почему он так сделал? Почему напал?

– Он не нападал, он защищался. Наоборот, ваши напали.

– У наших и в уме такого не было. Они рыли норы, ловили щенков песца.

– Зачем рыть наши сопки?! Рушить наши дома? – Засон гневно блеснул в темноте белесыми глазами.

– Они молодые, откуда им знать о вашем существовании. Они не только не знают, где вы живёте, они не знают, что вы есть на свете.

– Они молодые, пусть не знают, но и мой воин молодой, – лукаво прищурился борейский вождь. – Он тоже не знал, что у них на уме. Он подумал, что они пришли с войной, разрушать его жилище.

Тар Ямал умел вести переговоры с другими вождями, потому знал, что сразу отступать нельзя.

– Но зачем же сразу стрелять? – настойчиво выспрашивал он. – Доложил бы опытному старшему, тот бы сразу разобрался, что молодым дела нет до ваших домов, до вашего жилья. У нас с тобой мирный договор, заключённый на много лет. До сих пор никто не нарушал его. Вы хотите войны? – нахмурил брови Тар Ямал.

Борейские воины напряглись, ловя каждый жест ненецкого вождя.

– Нет, конечно, нет! – горячо воскликнул Засон. – Это будет конец нашему племени. Ты знаешь, как добраться до нас. Я признаю нашу вину. Парень молодой, он поспешил, выстрелил. Будет за это жестоко наказан. Сегодня же его накажут. В знак примирения я готов на всё. Бери что хочешь. Вот медные колокольчики, вот подвеска из железного дерева, вот серебряные цепочки. Бери, бери всё. Бери вот это, – вытолкнул он на круг свою дочь-красавицу. – Это самое дорогое, что у меня есть на свете. Я дарю тебе её. Бери это сокровище, и по рукам. Мир на все времена.

Вождь самоедов удовлетворенно вздохнул, усмехнулся и спросил:

– Зачем мне это? Я доволен тем, что вы признали свою вину и собираетесь наказать виновного. Безусловно, этого нельзя прощать. Из-за него могла начаться война, – Тар Ямал многозначительно посмотрел на Засона и выдержал паузу. – А она нужна нам? Нет. Тебе наверняка доложили, что там, на сопках, были два парня, один – ненец, один – луця. Луця не пострадал, но всё равно все луця очень насторожились. Ты знаешь, луця развитый, сильный и хорошо вооружённый народ. Не как мы – луками да копьями, а ружьями и пушками. Но в то же время луця – мирный народ, они не развязывают войн, хотят со всеми жить мирно, торговать, общаться, строить. Для этого они хотят повстречаться с тобой.

Засон молчал, будто подбирал слова, чтобы ответить, потом поднял глаза и начал:

– Тар Ямал, ты знаешь, что мы живём скрытно, нам ни к чему известность. Для этого мы стараемся никому не показываться, боимся чужого любопытства, вторжения. Нас и без того мало осталось, когда-то могущественный народ вымирает. Я берегу свой народ. Нам не нужно никаких встреч.

Тар Ямал прибавил настойчивости голосу:

– Луця внедрились в наш народ, в наши земли, мы их приняли и скоро уже не сможем существовать без них. Так же, как и вы без нас. Сделай исключение – пойди навстречу. Для твоей же пользы. Луця не принесёт тебе вреда. Это тебе говорю я.

В пещере вновь повисла напряженная тишина. Засон был озадачен.

– Русских мы знаем. Видели их кочи и в море, и здесь, в мангазейских реках. Они действительно не воинственны, для них можно сделать исключение. Но не для всех, среди любого народа есть подлые люди, – наконец выговорил он.

Тар Ямал внешне ничем не выдал радости, но в душе ликовал:

– Нет, нет, он один. Он ждёт знака.

– Ладно, зови, – ничего не оставалось Засону.

Тар Ямал приподнялся, сделал условную отмашку, и воевода тут же показался из укрытия. Подошёл к сидящим, сихиртя с восхищением и одновременно с боязнью уставились на здоровенного мужика-великана. Они как-то непроизвольно сжались, оттого стали казаться ещё меньше.

– Присаживайся, воевода, – сказал Тар Ямал и высокопарно продолжил: – Засон, вождь славного племени сихиртя, согласился поговорить с тобой. Мне быть толмачом.

Афанасий неторопливо огладил бороду, настроился.

– Я рад приветствовать вождя подземного племени и поблагодарить его за оказанное мне гостеприимство, – не менее торжественно, чем самоедский вождь, начал опытный в дипломатии Афанасий. – Скажи мне, уважаемый вождь Засон, откуда ты? До вчерашнего происшествия мы не ведали о твоем племени. От кого вы произошли? Как здесь оказались?

Засон глядел на Афанасия недоверчиво, разглядывая его крупную фигуру. Знакомство с луця настораживало его, но пришлось отвечать:

– Я также рад приветствовать русского вождя – воеводу, главного среди русских на ямальской земле, – не менее веско ответил Засон.

Тар Ямал, как мог, перевёл его слова, а бореец продолжал:

– В наших кладовых есть старинные книги, оставшиеся от предков. Мы, к сожалению, забыли, как читать. В них, наверное, есть ответы на твои вопросы. По преданиям, я знаю, что наши предки много веков назад были могущественным, процветающим племенем.

– Вы называете себя бореями. Я слышал, что когда-то давно, ещё до всемирного потопа, жил на севере, где вы и живёте сейчас, великий народ – гипербореи. Может, вы и есть потомки того народа?

Засон покачал головой, все еще настороженно всматриваясь в чужака:

– Я не ведаю, русский человек. У нас в племени есть один очень старый человек. Сколько лет ему, ни он сам, ни мы не знаем. Дед-тысяча лет. Он многое знает.

– Нельзя ли позвать его? – не отставал воевода.

Вождь сихиртя умолк. Тар Ямал просяще посмотрел на Засона и даже легонько кивнул ему. Тот помедлил, но, видя доброе настроение луця и просьбу в глазах соседа, согласился.

– Это будет трудно, он еле ходит. Но ради такого случая... – он выразительно взглянул на Тар Ямала, как бы говоря: зачти нам и это. – Ради такого случая можно попробовать, – Засон сделал повелительный жест в сторону одного из охранников. Тот словно испарился.

Пользуясь случаем, воевода продолжил:

– Мне рассказали, что у вас в пещере есть кузница, что вы плавите руду, получаете металлы. Так ли это?

Засон вновь наморщил бровь. Хотя чужак не был враждебен, но выкладывать тайны племени он не хотел.

– Это дело племени. На него наложено десять замков. Мы под страхом смерти не можем говорить об этом.

Афанасий понимающе улыбнулся, он предвидел и такой ход:

– У нас тоже есть свои секреты. Мы можем сами извлекать гром, разить им, как разит молния. Иди сюда, Засон, я прихватил пищаль, хотел поделиться с тобой, как это делается.

– Извлекать гром?! – загорелись глаза у вож-

дя сихиртя. – Не может быть. Это невозможно. Покажи.

Афанасий отошёл от площадки на несколько шагов, достал заранее припрятанную за камнем пищаль и поднёс её людям сихиртя.

– И эта вещь извлекает гром и молнию? Не верится, – выдохнул с восторгом Засон.

– Сейчас увидишь, – успокоил его Афанасий, довольный произведенным впечатлением. Зарядил пищаль, кресалом извлёк искру так, что с одного удара факел вспыхнул, и тут же поджёг фитиль. Пушка, изрыгнув пламя, от души бабахнула. Сихиртя от испуга шарахнулись в свои норы и затаились там. Афанасий и Тар Ямал за шкирку извлекли их оттуда одного за другим, смеясь и приговаривая: «Не бойтесь, она не в вас палила».

– Я дарю эту пушку тебе, вождь! – сделал благородный жест Афанасий. – Бери, бери. Я оставлю тебе заряды, сказал он и вытащил припрятанный мешочек с порохом и крупную дробь. – С ними ты будешь как бог в своём племени, выше бога.

– Спасибо, спасибо, – расцвёл в благодарственной улыбке Засон. – Ты спрашивал про печи. Есть у нас они. Мы выплавляем из руды медь, – под нос бормотал он, попутно разглядывая подарки. – Мы никому не показываем их, но тебе можно, – совсем раздобрился вождь сихиртя, умасленный подношением, а потом глянул на воеводу и добавил: – Правда, ты туда не пролезешь.

– Это да, не пролезть, – озадаченно почесал голову Афанасий. – Хорошо, тогда просто расскажи мне про них.

– Мы привозим руду с Камня, – негромко начал вождь сихиртя, – спускаем по кусочкам под землю, растапливаем печи и в особых котлах из железа, которые перешли к нам от предков, плавим в печах. Печи выложены из материала, также привезённого с Камня. Секрет утерян, – лукаво улыбнулся Засон. – Вот и всё, вождь луця или русских, больше я ничего не могу добавить.

Снова настал черед Афанасия дивиться. Русские-то покупали пушки за границей. Велик был искус поглядеть хоть одним глазком на печи да котлы борейцев. «Ух, как бы ухитриться протиснуться в крысиные ваши норы?» – подумал Афанасий и почесал затылок. Да мало смотреть, надо еще и внутрь подлезть, чтобы всё устройство выведать. Дело не уха... Воевода переключил разговор на другое:

– Вот ещё что любопытно. Говорят, есть у вас какие-то чудо-лодки – сделаны непонятно из чего, собираете вы их, наскоро разбираете, под землю прячете...

– А-а! – рассмеялся вождь сихиртя, похоже, луця уже начал ему нравиться. – Есть такие! Лодки собраны из костей и шкур крупного морского зверя. Мы можем прятать их под землю, так как они разбираются до самых мелких частей. Прячем вынужденно, чтоб никто не лез посмотреть, пощупать, украсть – диковинка же. И наши боги наградили нас умением – мы можем уменьшать, переносить, делать невидимыми даже довольно крупные вещи, – высокопарно сказал вождь и задрал голову, словно подчеркивая тем самым исключительность своего народа.

– Можно на них хотя бы взглянуть? – спросил любопытный до всего Афанасий.

– Нельзя, – отвернул лукавое лицо в сторону борейский хитрец, – они сейчас все в море, ушли на промысел.

Афанасий почуял обман, но тут он был не хозяин, пришлось считаться и промолчать.

– Еще самоеды говорят, что ваши люди умеют сами незаметно появляться и исчезать. Как они это делают?

Засон снова лукаво подмигнул, довольный, что появилась возможность похвалиться:

– Это мы мастера. Умеем завораживать людей так, что они ничего не видят, не слышат вокруг себя. Гляди! – вождь махнул рукой прямо против глаз Афанасия и на какое-то время воеводе показалось, что люди вокруг него исчезли, будто и не было. Повернул воевода голову налево, направо – рядом никого нет: ни сихиртя, ни вождя самоедов Тар Ямала. Не веря в этакое сказочное превращение, ущипнул себя, глаза протёр – не помогло, так и остался ничего не видящим, хотя и зрячим с широко открытыми глазами.

– Сихиртя, чёрт возьми! – выругался он. – Куда все подевались?

– Мы здесь, рядом, – ответил из пустоты вождь братства. – Не переживай, сейчас я верну тебя на место, – проговорил тот, махнул рукой, и всё вернулось. Точнее, не вернулось, поскольку никуда и не исчезало, а появилось

на том же месте, как и было. Просто до этого воеводу заворожили.

– Ну ты, вождь, даёшь! – неподдельно, от всей души восхитился Афанасий. – С такими способностями можно завоевать полцарства.

– Нет, не получится! Чудо длится недолго, успеешь только скрыться, спрятаться, и всё... А завоёвывать зачем нам? Нам главное – себя сохранить, своё спокойствие, род продолжить. Вота-вота, и наш дед-тыща лет появился, – заглянул Засон в нору, из которой появился.

– Какой ещё дед? – завертел головой Афанасий, который еще не успел опомниться.

Из недр земли к ним вышел дед – вырос перед Афанасием, как гриб-боровик. Старый-престарый, худой-прехудой, как Кощей Бессмертный, вместо глаз – бельма, с длинной до пят, белой, как январский снег, бородой. Сел без приглашения около Афанасия, взял его за руку и заговорил скрипучим, противным голосом:

– Ты, русский великан, главный среди своих. Пришёл сюда, на наши земли, на корабле из-за трёх морей, из великого государства Россь. Что ищешь ты в нашем когда-то славном, а нынче погибающем краю? Если хочешь, скажу. Вижу, хочешь. За славой прежде всего, ну и это не главное, хочешь проход сделать, соединить коротко своё государство с Севером, с местом, где когда-то господствовали мы – великие бореи. Я прав?

– Ты прав, вещун, – согласился едва пришедший в себя и вконец опешивший воевода. Сегодня у него действительно был день чудес.

Он чуть оправился и поведал странному старику:

– Я пришёл, чтоб наладить короткий и постоянный морской ход из великой Московии в златокипящую Мангазею, а потом и дальше – в Сибирь и на Восток. Потому мы хотим узнать людей, населяющих эти места, ваши земли. Вот вы, подземные скрытые люди, откуда взялись, давно ли, как здесь появились? Чем жили, как живёте? Будете ли с нами жить открыто, в мире, без войн, без козней. Ответь мне, старец.

– О, как хорошо, что ты, русич, ищешь знаний о нас. Из наших никому до этого дела нет. Все погрязли в сонливости. Набить бы брюхо да завалиться спать, чтоб не трогали, не беспокоили. Полгода спят. Где это видано? А из легенд и сказаний дошло до нас, что когда-то давным-давно жил здесь на борее могущественный народ, потомками которого мы являемся. Тогда в этих краях, по преданию, не было льдов, стояло тепло, цвели цветы, росли плоды. Всё изменилось внезапно, земля перевернулась, пришли холода, морозы, моря, реки сковало льдом. Большая часть народа погибла, а сохранившиеся год от года, век от века мельчали, чтобы выжить, уходили в норы.

Афанасий благодарно поклонился старцу:

– Спасибо тебе, что хранишь об этом память.

Тар Ямал знаками показывал, что встреча затянулась и пора уходить. Но воевода четко помнил, ради чего пришел, и снова обратился к Засону:

– На прощание я бы хотел слышать от тебя, вождь бореев, хочешь ли ты жить с нами в мире и согласии? Торговать? Хочешь ли, чтобы мы пришли на эту землю не как завоеватели, а как мирные торговые люди?

К тому времени сметливый борейский вождь уже сообразил, что с луця надобно дружить, потому и ответил:

– Мы – слабый народ. Мы хотим мира не только с тобой, но и со всеми, кто живет на этих землях. Мне хотелось бы услышать, будут ли твои люди преследовать нас, мешать жить так, как жили наши предки...

Афанасий в знак согласия чуть наклонил голову и твердо пообещал:

– Нет. Русские люди – мирные люди. Никогда и никого они не завоёвывали, они просто заселяли, осваивали свободные земли. Для нас лучше худой мир, чем война. Я данной мне властью от самого великодержавного государя державы Российской заверяю тебя, что никаких войн, никаких притеснений твоего народа не будет. Я данной мне властью сам не допущу этого, – четко отчеканил воевода последнюю фразу.

– В таком случае я как вождь бореев тоже заверяю тебя, что мы не развяжем войны и будем жить с вами в мире! – торжественно, чопорно, как и полагается вождю, ответил Засон, поднялся и стукнул себя в грудь. – В знак мира и согласия хочу сделать тебе, о русский правитель, подарок – свою дочь. Возьми самое ценное, что у меня есть, – сказал он и повторно вытолкнул на середину свою красавицу дочь.

– Зачем мне?– опешил Афанасий, никак не ожидавший такого жеста от вождя бореев.

– Возьми в жёны, – важно ответил Засон, помня и о своих личных заботах.

– У меня есть жена.

– Будет вторая. Чем больше жён, тем богаче, могущественней человек, – не отступал хитрый бореец.

– Да нет. У нас по законам – одна жена. Наш Бог больше не разрешает. Это у вас может быть несколько, – растерянно улыбнулся Афанасий, но уже понимая, что скорее всего ради такого дела придется уступить.

– Тогда возьми в сёстры, в служанки. У меня девок много, кормить трудно, – помялся и признался наконец Засон.

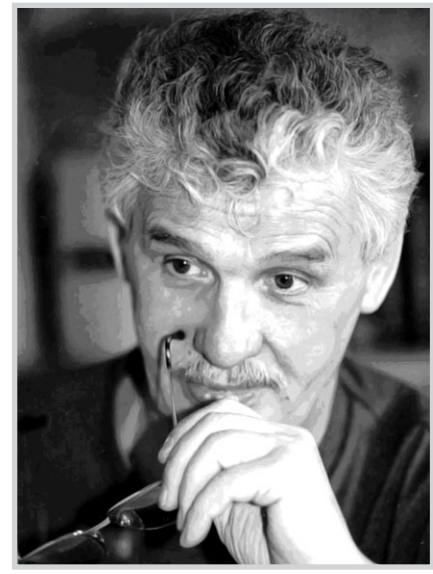
– Если так, если уж нужно, – развёл руками Афанасий, – сыщем твоей дочке жениха – породнимся, – нашёлся он.

– Вота-вота, я этого и хотел, породниться с великим и могущественным народом и встать под его защиту, – чинно и торжественно ответил Засон, в глубине души чрезвычайно довольный собой и новым знакомством.

– Хитрый, однако, ты, вождь, и умный, – похлопал воевода по плечу вождя бореев, но слегка не рассчитал – тот бедняга согнулся чуть ли не пополам, но не застонал, не упал, мужественно выдержав «похвалу», и подытожил. – Что ж, быть посему!

(Окончание следует)

Примечания

1 Антонов огонь – гангрена.
2 Шокур – пресноводная рыба из сиговых.
3 Аргиш – здесь: олений обоз.
4 Мюд – аргиш, состоящий из груженых нарт.
5 Саво – хорошо.
6 Ани тарова – приветствие на ненецком языке.
7 Хард – дом, строение.
8 Нгано – лодки.
9 Слопец – капкан *(севернорусск.)*.
10 Манту, мант, мадо – энцы в верховьях Енисея.
11 Каслать – кочевать.
12 Тадебя – шаман у ненцев.
13 Халеи – птицы типа чаек.
14 Вадута – вождь.
15 Мандалада – военный сбор, война.
16 Рыла – лопаты.
17 Пивы, пимы – ненецкая традиционная обувь.
18 Т.е. ростом 1,5 м.

Юрий Михайлович БЛИНОВ
родился на Урале в 1946 году.
Окончил политехнический институт и аспирантуру в Твери.
В литературе более 30 лет.
Публиковался в журналах, альманахах, сборниках, газетах: «Юность», «Урал», «Сибирские огни» и многих других.
Издал двенадцать книг: «Изгой» под номерами 1, 2, 3, «Сын хозяина», «Древние мужи Ямала», дилогию «Дороги Чубарова», «Медвежий след», «Лесные вольные», «Охолонь», в том числе книги на польском и итальянском языках.
Член Союза писателей России, член Союза писателей Москвы.
Лауреат премии имени В. Катаева 2002 г., имени А. М. Горького 2007 г.
Живёт в Москве, активно работает.